

УДК 343
ББК 67.52.Б.73
Б15

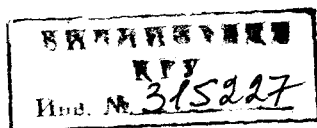
БАЕВ О.Я.

Б15 Основы криминалистики: курс лекций.— М.: Экзамен, 2001. — 288 с.

ISBN 5-8212-0190-X

В курсе лекций рассматриваются семь тем, составляющие основу науки и учебной дисциплины криминалистики: введение в криминалистику, учение о следах, криминалистическое распознавание (диагностика и идентификация), версии и планирование уголовно-процессуального исследования преступлений, основы криминалистической техники, тактики и методики расследования преступлений.

Для студентов, аспирантов юридических вузов и факультетов и работников органов уголовной юстиции.

УДК 343
ББК 67.52.Б.73

ISBN 5-8212-0190-X

© Баев О.Я, 2001

© Издательство «ЭКЗАМЕН», 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Тема 1. ВВЕДЕНИЕ В КУРС КРИМИНАЛИСТИКИ	9
Краткий экскурс в историю возникновения и становления науки криминалистики	9
Современные воззрения на предмет науки криминалистики	21
Система, основные понятия и методы криминалистики	36
Направления развития науки криминалистики	5
Тема 2. СЛЕДЫ В КРИМИНАЛИСТИКЕ	53
Сущность, понятие и классификации следов в криминалистике	53
Краткие сведения об отдельных видах материальных следов преступлений и возможностях их криминалистического исследования	61
Тема 3. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ РАСПОЗНАВАНИЕ (ДИАГНОСТИКА И ИДЕНТИФИКАЦИЯ)	80
О теории криминалистического распознавания	80
Криминалистическая диагностика	88
Криминалистическая идентификация	102

**Тема 4. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ
И ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 112**

Природа, понятие и классификации криминалистических версий	112
Принципы построения и проверки криминалистических версий	127
Основы планирования процессуального исследования преступлений	138

**Тема 5. ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ТЕХНИКИ 148**

Понятие и система криминалистической техники	148
Основные технико-криминалистические средства и методы	156
Дискуссионные проблемы криминалистической техники	168

**Тема 6. ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ТАКТИКИ 179**

Понятие криминалистической тактики, ее научные основы и система	179
Тактический прием как основа криминалистической тактики и проблемы его допустимости; тактическая операция	195

**Тема 7. ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
МЕТОДИКИ 220**

Сущность методических основ расследования преступлений	220
Обязательные тактические операции при расследовании преступлений	237

**Краткие сведения об основоположниках и ведущих
представителях мировой и отечественной
криминалистики 251**

Олег Яковлевич Баев родился в 1941 г. в Воронеже. Ему рано пришлось начать свою трудовую деятельность: пошел рабочим на завод, заинтересовался юриспруденцией, поступил на вечернее отделение юридического факультета Воронежского университета и уже за два года до его окончания стал работать следователем прокуратуры в Калужской и Воронежской областях. Университет окончил в 1964 г., а следователем проработал целых 11 лет — до 1973 г. Тянуло в науку, и в 1973 г. он переходит на работу младшим научным сотрудником лаборатории при кафедре уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Воронежского университета; став преподавателем этой кафедры, защитил очень интересную кандидатскую диссертацию «Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон» (Минск, 1975), стал доцентом.

В начале 80-х гг. Олег Яковлевич всерьез заинтересовался проблематикой конфликтов на предварительном следствии. Этой проблематике он посвящает две очень содержательных монографии: «Конфликты в деятельности следователя. Вопросы теории» (Воронеж, 1981) и «Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Основы предупреждения и разрешения» (Воронеж, 1984). На вскорее на их основе завершает докторскую диссертацию «Конфликтные ситуации на предварительном следствии и криминалистические средства их предупреждения и разрешения» (Л., 1985). В 1987 г. Баеву присваивают звание

Тема 4

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ И ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вопросы:

Природа, понятие и классификации криминалистических версий.

Принципы построения и проверки криминалистических версий.

Основы планирования процессуального исследования преступлений.

Литература:

Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970.

Ларин А. М. От следственной версии к истине. М., 1976.

Пешак Ян. Следственные версии. М., 1976.

Природа, понятие и классификации криминалистических версий

Проблемы, рассмотренные в предыдущих лекциях, их возможные предложенные решения, дают основания для следующих выводов. Во-первых, предметной областью криминалистики является процессуальное исследование преступлений субъектами такой деятельности, каждым в рамках своей компетенции и в соответствии со своей уголовно-процессуальной функцией. Во-вторых, служебная задача науки криминалистики — оптимизация информационно-познавательного аспекта этой деятельности. В-третьих, материалом для инфор-

мационно-познавательной деятельности субъектов процессуального исследования преступлений являются следы, объективно возникающие в результате совершения преступлений и в целом от преступной деятельности. В-четвертых, информационно-познавательная деятельность субъектов процессуального исследования преступлений в сущности своей носит идентификационный и диагностический характер и направлена на установление тождества и групповой принадлежности: какое событие имело место, кто и при каких обстоятельствах это событие учинил, имеет ли деяние, учиненное конкретным лицом (лицами) и в том идентифицированное, все необходимые элементы состава преступления, предусмотренного той или иной статьей уголовного закона, и т. п. Иными словами, криминалистическое распознавание — один из основных интеллектуальных инструментов этой деятельности.

Вопрос о криминалистических версиях это в сущности вопрос о том, как думает субъект процессуального исследования преступлений криминалистическими средствами при осуществлении этой своей деятельности. Поскольку субъектами такого исследования являются не только следователь, но и другие профессиональные его участники (в частности, прокурор — государственный обвинитель и адвокат-защитник обвиняемого) говорить надо не только о следственных версиях, как это полагают многие авторы, а в более широком смысле — именно о версиях криминалистических.

Не будем касаться сейчас весьма дискуссионного и очень интересного вопроса о том, существует ли криминалистическое, в частности, следственное мышление? Положительно на него отвечает А. Р. Ратинов; Р. С. Белкин же полагает вообще неправомерной постановку такого вопроса. Процессуальное исследование преступлений всегда обращено в прошлое, это всегда познание события, имевшего уже место быть год на-

зад, сутки назад, час назад... Видимо, единственным доступным человеку образом: на основании возникшей информации об исследуемом факте выдвигаются предположения о его существовании и сущности, о его связях с иными фактами и обстоятельствами. А затем собирается система прямых и косвенных фактов и обстоятельств, подтверждающих или опровергающих существование исследуемого события, факта, явления.

Эти предположения именуются гипотезами. В логике различают гипотезы двух видов: общенаучные — объясняющие сущность наиболее общих явлений природы и общества, и частные, формулируемые в отношении фактов и их происхождения по поводу отдельно элементов жизни природы и общества. Так как в уголовном судопроизводстве идет познание частных фактов, то относительно них выдвигаются частные гипотезы, именуемые криминалистическими (следственными) версиями.

В сути своей версия выступает как предполагаемая с той или иной степенью вероятности (обоснованности) причина известных на момент ее выдвижения следствий — результатов преступления, других материальных и идеальных следов от него. «Человек не удовлетворяется одним лишь знакомством с явлением... он хочет знать, что скрывается за последним, что оно собой представляет, хочет его постигнуть. Мы поэтому размышляем, стремимся узнать причину... Мы, таким образом, удвояем явление, ломаем его надвое: на внутреннее и внешнее, на силу и проявление, на причину и следствие» (Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 117). Следовательно, столкнувшись с проявлением силы в виде результатов и других следов преступления, размышляет, стремится познать эту силу, установить кто и при каких обстоятельствах его совершил. Иными словами, выдвигая и формулируя версию, следователь (и другой субъект процессуального исследова-

ния преступлений) конструирует цели причинности между известными ему следствиями преступления и предполагаемой их причиной.

Следствия — это результаты; материальные и идеальные следы преступления выступают в качестве основания, причины выдвижения соответствующей версии. Подобные причины в философии именуются специфическими, которые при наличии многих других обстоятельств, имевшихся в данной ситуации до наступления следствий (что образует собой условия действия причины) ведут к появлению следствий.

Поскольку следствия в виде результатов и иных следов преступления на момент выдвижения версий обычно выявлены, установлены и исследованы далеко не полностью позволяют весьма различную их интерпретацию. По одним и тем же следствиям и на их основе могут быть (и должны быть!) выдвинуты и сформулированы все возможные различные вызвавшие их появление предполагаемые причины-версии.

Как сообщает Р. С. Белкин, термин «версия» в рассматриваемом контексте в нашей литературе впервые употребил С. А. Голунский в первом отечественном учебнике «Криминалистика» в 1935 г. Определение этого понятия впервые сформулировал в 1940 г. Б. М. Шавер следующим образом: «Под версией понимается основанное на материалах дела предположение следователя о характере расследуемого события, мотивах, в силу которых оно совершено, и лицах, которые могли совершить преступление» (Р. С. Белкин Криминалистическая энциклопедия. С. 30).

В современной специальной литературе понятие и содержание следственных версий в силу очевидной значимости связанных с ними проблем постоянно и несомненно плодотворно исследуется Р. С. Белкиным, Л. Р. Драпкиным, А. М. Лариным, Яном Пешаком и др. Двум последним из названных выше ученых принадле-

жат интересные монографические работы по данной проблематике (А. М.Ларин. От следственной версии к истине. М., 1976; Пешак Ян. Следственные версии. М., 1970).

Отдельные ученые следующим образом формулируют свое видение следственной версии.

Р. С. Белкин: «Криминалистическая версия — это обоснованное предположение относительно отдельного факта или группы фактов, имеющих или могущих иметь значение для дела, указывающее на наличие и объясняющее происхождение этих фактов, их связь между собой и содержание и служащее целям установления объективной истины» (там же).

Ян Пешак: «Следственная версия — это обоснованное собранным материалом предположение следователя о формах связи и причине отдельных явлений расследуемого события (или его в целом) как одно из возможных объяснений установленных к этому времени фактов и обстоятельств дела» (Пешак Ян. Указ. соч. С. 132).

Л. Я. Драпкин: «Следственная версия — это обоснованное предположение следователя, дающее одно из возможных и допустимых объяснений уже выявленных исходных данных (фактической базы), позволяющее на их основе, во взаимодействии с теоретической базой, вероятно (неоднозначно) установить еще недоказанные (неизвестные) обстоятельства, имеющие значение для дела» (Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987. С. 89). Наиболее сложное определение следственной версии сформулировано А. М. Лариным: «Следственная версия — это строящаяся в целях установления объективной истины по делу интегральная идея, образ, несущий функции модели исследуемых обстоятельств, созданный воображением (фантазией), содержащий предположительную оценку наличных данных, служащий объяснением этих

данных и выраженный в форме гипотезы» (Ларин А. М. Указ. соч. С. 23).

Не вдаваясь в анализ приведенных выше и других определений криминалистической версии, отметим их следующие отличия от других разновидностей частных гипотез, выдвигаемых и проверяемых во всех иных исследованиях (как социальных, так естественно — технических и т. п.).

Во-первых, криминалистические версии формулируются лишь применительно к фактам, обстоятельствам, их связям между собой, их совокупностям лежащим в области уголовно-процессуального исследования преступлений. Во-вторых, формулируются и проверяются они лишь профессиональными участниками уголовно-процессуального исследования преступлений. В-третьих, проверка таких гипотез осуществляется посредством направленной на то информационно-познавательной деятельности, осуществляемой в рамках правоотношений и институтов, установленных уголовно-процессуальной формой таковой деятельности для каждого профессионального субъекта ее, и средствами либо прямо предусмотренными либо не противоречащим действующему уголовно-процессуальному законодательству. В-четвертых, проверка сформулированной версии, как правило, осуществляется в условиях противодействия такой проверки со стороны лиц, имеющих иные интересы в исследовании преступления, чем интересы лица, сформулировавшего и проверяющего данную версию.

Таким образом, **криминалистическая версия есть обоснованное предположение профессионального участника процессуального исследования преступлений о сути и значении отдельных фактов, обстоятельств, их связях между собой и совокупностях, лежащих в области и пределах такового исследования, формулируемое в целях объективизации и оптимизации достижения результатов последнего и проверяемое в рамках уголовного судопроизводства.**

Из многочисленных оснований имеющихся различных классификаций криминалистических версий наибольшую теоретическую и практическую значимость имеют те, которые проводятся по субъекту, объему, степени определенности, отношения к предмету доказывания. (Их рассмотрение поможет глубже понять и само содержание криминалистических версий.)

По субъекту выдвижения криминалистические версии можно классифицировать на:

- следственные, т. е. выдвигаемые и формулируемые следователем; теория и практика этого вида версий наиболее разработаны, что вполне правомерно, ибо вся криминалистика — это наука о расследовании преступлений (большинство криминалистов расследованием преступлений вообще ограничивает предметную область криминалистики);

- прокурорские — выдвигаемые и формулируемые прокурором, как лицом, осуществляющим прокурорский надзор за органами и лицами, производящими предварительное расследование преступлений, так и лицом, формулирующим государственное обвинение и представляющего его в судебных инстанциях (в первой, кассационной, надзорной). В первом случае версия — деятельность прокурора наиболее отчетливо проявляется при изучении им материалов расследуемых конкретных уголовных дел и дачи по его результатам указаний на необходимость проверки в сущности формулируемых в них версий (типа: «необходимо объективно проверить возможность совершения преступления Н., для чего следует...»). Таким же образом она осуществляется прокурором при отмене им необоснованных, на его взгляд, постановлений о прекращении или приостановлении по различным основаниям уголовных дел, а также постановлений об отказе в их возбуждении. Во втором случае версии про-

курором могут формулироваться при возвращении им уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением для производства дополнительного расследования (что по сути свидетельствует о его отказе по представленным следователем материалам в данный момент возбудить государственное обвинение против лица (лиц), указанного в обвинительном заключении, составленном по данному делу следователем (см.: Баев М. О. О стадии возбуждения государственного обвинения // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 1. Воронеж, 2000). Отказ государственного обвинителя (прокурора) в суде от поддержания государственного обвинения по делу в целом, либо в части обвинения, сформулированного на стадии его возбуждения (при утверждении прокурором обвинительного заключения) или ходатайство о переквалификации действий подсудимого, ходатайство о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования есть ничто иное как результаты проверки в судебном заседании сформулированных им (или предложенных защитой) и подтвердившихся версий.

• защитные версии — выдвигаемые и формулируемые соответственно субъектом профессиональной защиты от обвинения по уголовному делу. В сути своей защитные версии — контрследственно — прокурорские версии. В силу своей процессуальной функции и специфики деятельности адвокат, основываясь на известной ему информации по делу (на различных этапах его участия в деле объем и значимость ее различны) просто обязан выдвигать, формулировать и проверять (а также добиваться проверки) версии о том, что его подзащитный, воспользуясь известным выражением А. Ф. Кони, либо не виновен вовсе, либо виновен вовсе не в том и (или) не так, как то полагают лица и органы, осуществляющие уголовное его преследование.

• версии судебные, т. е. формулируемые и исследуемые судом. Отнесение суда к числу субъектов выдвижения криминалистических версий не входит в противоречие с ранее высказанной нами позицией о месте суда в уголовно-процессуальном исследовании преступлений. Суд лишь в редких случаях сам формулирует версии относительно фактов и обстоятельств, входящих в предмет его исследования. Как правило, он принимает для проверки версии, выдвинутые и сформулированные следователем и защитой в процессе и по результатам предварительного расследования преступления, прокурором при возбуждении им государственного обвинения, их модификациями в ходе судебного разбирательства, присутствуя и направляя их разработку сторонами. Чаще всего, если в результате судебного исследования преступления меняется его квалификация, исключаются отдельные эпизоды обвинения и даже постановляется оправдательный приговор, это не результат самостоятельного судебного версификационного мышления суда, а, результаты проверки им версий, сформулированных сторонами в судебном процессе.

Самим судом версии выдвигаются при возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования и излагаются чаще всего в такой редакции: «при производстве дополнительного расследования следует проверить следующие факты...», либо «необходимо тщательно проверить утверждение подсудимого и его защитника о...». Напомним, что права суда на возвращение уголовных дел для дополнительного расследования по собственной инициативе в настоящее время существенно ограничены. Для этого необходимы основания, трактовка которых содержится в ранее уже приводимом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященного этой проблеме (см.: Бюллетень Верховного суда Российской Федерации, 2000, № 2).

Еще одна ситуация, в которой суд выдвигает и формулирует версию — предположение, требующее своей проверки, высказывается в суде заинтересованным лицом, не являющимся профессиональным участником уголовно-процессуальной деятельности: подсудимым, потерпевшим, их законными представителями, а в ряде случаев и иными лицами, в том числе и свидетелями.

Дело в том, что непрофессиональные участники уголовного судопроизводства как таковые, в рассматриваемом значении криминалистической версии, их формулировать не могут. Они лишь высказывают предположения, которые могут быть, а в отдельных случаях, когда они обоснованно высказываются лицами, заинтересованными в исходе дела, — подлежат формулированию в качестве версии соответствующим профессиональным субъектом (следователем, адвокатом) обязательной для проверки по принципам такой деятельности, о которой речь пойдет несколько позднее.

Считать субъектом выдвижения криминалистических версий, как это делается большинством ученых, экспертов, неверно: эксперты не имеют своего процессуального интереса в уголовном деле. Они осуществляют научное исследование предоставленных им субъектами уголовно-процессуальной деятельности (в частности, следователем, судом) объектов. В ходе такового эксперты несомненно формулируют и проверяют соответствующие частные гипотезы, но они остаются таковыми, а не криминалистическими версиями. Именно это имел в виду один из пионеров судебной медицины Поль Броурдель, когда напоминал экспертам: «Если закон сделал вас свидетелем (экспертом в нашем понимании. — *О. Б.*), оставайтесь человеком науки: для вас нет жертвы, мести, виновного или невинного. Вы должны свидетельствовать только в рамках науки (цит. по кн.: Гарднер Эрл Стенили. Дело о пленительном призраке // Клоун: сборник. М., 1995. С. 6).

Большинство ученых по рассматриваемому основанию выделяют оперативно-розыскные версии. Такие безусловно есть. Но относить их к числу криминалистических нельзя, поскольку вся оперативно-розыскная деятельность, следовательно, и методы ее осуществления, в том числе и версионное мышление, есть предметная область не криминалистики, а теории оперативно-розыскной деятельности.

По объему, т. е. кругу объясняемых фактов и обстоятельств, криминалистические версии обычно классифицируют на общие и частные. Общие версии предположительно объясняют наиболее важные факты исследуемого события: носит ли исследуемое событие криминальный характер и какой именно, кто учинил данное деяние и т. д. В целом общие версии — это те, которые выдвигаются и проверяются по обстоятельствам, перечисленным в пп. 1, 2 ст. 58 УПК, а именно: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления.

Частные версии касаются иных обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу и имеющих для данного значения так называемых промежуточных фактов.

По степени определенности версии подразделяются на конкретные и типичные. Конкретные версии основаны на информации, содержащейся к моменту их выдвижения в материалах конкретного уголовного дела и (или) относящихся к расследуемому преступлению сведениях оперативно розыскного характера.

Более сложно понятие типичных версий. Под ними понимают предположения, объясняющие событие или наиболее важные его обстоятельства «при минимальных исходных данных с точки зрения соответству-

ющей отрасли научного знания или обобщенной практики судебного исследования (оперативно-розыскной, следственной, судебной, экспертной)» (Белкин Р. С. Указ. соч. С. 364).

А. М. Ларин отрицает за такими предположениями характер криминалистических версий. Они, по его мнению, представляют «не предположительное, а положительное знание, отражающее не конкретную ситуацию, а все известные, обобщенные предыдущей практикой ситуации данного рода» (Ларин А. М. Указ. соч. С. 7—9). Обоснованная критика этого положения приведена в той же работе Р. С. Белкина, с позицией которого по этому вопросу мы полностью согласны. Более того, на первоначальном этапе расследования преступления при наличии лишь минимальной информации по конкретному делу, объективность его может быть обеспечена лишь исследованием события именно в разрезе соответствующих типичных версий. Поясним это положение следующими гипотетическими примерами.

Факт смерти человека можно объяснить с позиции логики и криминалистики несколькими причинами: убийством, самоубийством, несчастным случаем, насильственной смертью — иное исключено. Это действительно исчерпывающее положительное знание по данному вопросу (конечно же, под углом криминалистики). Но именно эти возможные предположения лежат в основе осмотра места обнаружения трупа, назначения судебно-медицинской его экспертизы. Они формулируются следователем в качестве версий для производства данных следственных действий. Так, при осмотре места происшествия следователь, в первую очередь, пытается ответить на вопрос, имело ли место убийство, самоубийство, несчастный случай или насильственная смерть. С целью получения ответа на этот вопрос, исследуя все, что свидетельствует в пользу той

или иной из перечисленных версий, он и производит осмотр места происшествия. Предположив в результате исследования этой версии с той или иной долей вероятности, что в данном случае имеет место убийство, следователь формулирует для себя такие же типичные версии относительно мотивов его совершения: убит из корыстных мотивов, хулиганских, сексуальных, на почве личных неприязненных отношений и т. п. Весь дальнейший осмотр места происшествия следователь проводит в разрезе обнаружения фактов, свидетельствующих в пользу того или иного типичного мотива, по которым, как показывает практика, совершаются убийства.

Второй пример. Факт выявления у материально-ответственного лица недостачи материальных ценностей можно объяснить «положительными знаниями» о причинах возникновения недостач ценностей: халатность, злоупотребление служебным положением; кража, совершенная посторонними лицами; счетная ошибка; хищение, совершенное лицом, у которого выявлена недостача. Но именно эти типичные версии неукоснительно должны лежать в основе допроса данного материально-ответственного лица. Без этого допрос и первоначальный этап расследования в принципе будет беспредметен, пока то или иное из возможных типичных объяснений факта возникновения недостачи не получит подтверждения данными конкретного расследования.

Третий пример. В результате совершения преступления того или иного определенного вида возникают типовые следы на типовых для данного вида преступлений объектах (скажем, в результате изнасилования, в первую очередь, на теле и в организме потерпевшей, на ее одежде и т. д.). Именно знание этого механизма следообразования обуславливает все действия следователя по обнаружению, изъятию, исследованию и ис-

пользованию следов конкретного преступления данного вида (об этом достаточно подробно говорится в заключительной теме данной работы).

Именно на основе типичных версий криминалисты создают системы типовых версий по расследованию преступлений отдельных видов — умышленных неочевидных убийств, убийств, совершаемых по сексуальным мотивам и других отдельных видов преступлений. И как бы не относиться к их созданию (например, А. М. Ларин подверг резкой и, на наш взгляд, необоснованной критике отдельные из них — см.: Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. С. 116—127), следственная практика показала достаточную их работоспособность (о типовых версиях подробнее см.: Л. Г. Бидонов. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев. Горький, 1978).

Смысл и задача создания систем типовых версий — это оптимизация следственного поиска на основе своевременного выдвижения версий по фактам и обстоятельствам, которые, как показывает корреляционный анализ обобщенных материалов следственной и судебной практики, наиболее вероятны для вида преступлений, к которому относится и расследуемое деяние.

По отношению к предмету доказывания криминалистические версии могут быть подразделены на обвинительные и оправдательные. Такая их классификация, предложенная в свое время И. М. Лузгиным (см. Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования М., 1973. С. 138) вызвала критику Белкина Р. С. по двум причинам. Во-первых, на его взгляд, она носит чисто процессуальный, формальный характер. Во-вторых, «практически оправдательные и обвинительные версии самостоятельно и изолированно существовать не могут, ибо в противном случае мы вынуждены будем признать правомерность

оправдательного или обвинительного уклона в расследовании» (Р. С. Белкин, там же. С. 372—373).

В данном случае Р. С. Белкин не прав. Дело в том, что отработка этих версий сама по себе требует различной направленности информационно-познавательной деятельности: одной обвинительной, другой — оправдательной. И потому эти версии носят не только, а может быть, и не столько процессуальный, но именно криминалистический характер. Нельзя не сказать, что и психологически их выдвижение формулирование и проверка различны, особенно когда у следователя уже сложилось внутреннее убеждение о виновности привлекаемого им или уже привлеченного к уголовной ответственности лица. Объективность расследования отнюдь не означает, что следователь выполняет две противоположные функции — обвинения и защиты. Функция следователя — обвинение, и если он даже прекращает расследуемое им уголовное дело в отношении конкретного лица по реабилитирующим основаниям, это не означает, что он выполняет функцию защиты. Он просто объективно не находит доказательств для обвинения этого человека. Так же обстоит дело и с государственным обвинителем — лицом, формулирующим и поддерживающим обвинение лица от имени государства.

Об этом со всей определенностью сказано в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 октября 1997 г.: «Функция осуществления публичного обвинения (но не защиты.— О. Б.) независимо от различия в установленных законом процессуальных формах возлагается на органы дознания, предварительного следствия и прокуратуры» (Российская газета, 1997, 17 окт.).

Кроме того, такой субъект криминалистической версионной деятельности, как адвокат-защитник обвиняемого по определению своей уголовно-процессуаль-

ной функции выдвигает и обосновывает версии только одного типа из данной классификации — версии оправдательные, и критически проверяет обоснованность противоположных обвинительных версий. И соответственно этому сами версии формулируются различно, в обвинительном либо в оправдательном виде, типа: «Убийство совершил Иванов» — обвинительная версия; «Иванов убийства не совершал, а свидетельствующие о том факты либо случайны, либо искусственно созданы заинтересованными лицами, либо недостаточны для обвинения» — версия оправдательная.

Принципы построения и проверки криминалистических версий

Итак, познание, в том числе и уголовно-процессуальное, а также уголовно-процессуальное исследование преступлений, которое невозможно без выдвижения криминалистических версий его субъектами, требуется там, где есть неопределенность в доказательственной информации, обуславливающая возможность неоднозначного и различного ее объяснения. В противном случае — очевидность, которую требуется не познавать, а оценивать и использовать. Нельзя, к примеру, выдвигать предположение о том, какого числа месяца августа православные христиане отмечают яблочный или медовый Спас, католики — Рождество Христово, какой день недели приходится на данное число данного месяца, и т. п.

Следовательно, в основе выдвижения предположения, криминалистической версии лежит информация (но информация недостаточная для однозначного по ней вывода), объем и предмет которой позволяет и обуславливает необходимость выдвижения криминалистической версии, относящейся к тому или иному

виду из рассмотренной выше их возможных классификаций. Накопление и осмысливание такой информации первый основной этап версионной деятельности субъекта процессуального исследования преступления.

Несколько проблем, связанных с сформулированным положением об информации как основе выдвижения криминалистических версий. Первая из них следующая: какая информация имеется в виду. Иными словами, из какого (каких) источника она должна быть получена, чтобы стать основой выдвижения версии? Суть проблемы в том, что отдельными криминалистами по этому поводу высказывается мнение, что версии могут выдвигаться лишь на основе информации, полученной процессуальным путем, т. е. на основе информации доказательственной. Это, по нашему убеждению, положение ошибочное. Выдвижение версий — средство и способ мышления, а потому не может зависеть от того, каким образом, процессуальным или непроцессуальным, получена информация для процесса мышления. Версии могут вытекать как из доказательственной информации, так из информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности, а также полученной из любых иных источников — от сообщений средств массовой информации до анонимных писем.

Вторая проблема: может ли лежать в основе выдвижения версии не собственно информация как таковая, а... интуиция соответствующего субъекта версионной деятельности в процессе процессуального исследования преступления. Проблема эта связана, в первую очередь, с определением понятия и сущности интуиции.

Интуиция, образно говоря, есть предвосхищение, чувство истины. Или, как более изящно и точно сформулировал фантаст Айзик Азимов, «это свойственное человеческому разуму умение находить ответ в ситуа-

ции, когда у него недостает точной информации, а та, что есть, порой противоречива» (Азимов А. На пути к Академии. М., 1999. С. 76—77). Есть ли интуиция криминалистическая? Одни авторы отрицают ее существование, другие решают этот вопрос для себя утвердительно. Так, по мнению Яна Пешака «следственная интуиция (вся проблематика криминалистических версий и место в них интуиции, наиболее разработаны именно применительно к деятельности следователя.— О. Б.) — это способность следователя основанная его опытности и знаниях, непосредственно, прямо, как бы внезапно находить в сложной ситуации путь к правильному решению задач, возникающих в ходе расследования» (Пешак Ян. Указ. соч. С. 98; в этой же работе Пешак приводит ряд интересных примеров выдвижения в последствии подтвердившихся следственных версий на основе того, что им понимается под следственной интуицией).

Мы полагаем, что то, что понимается в данном контексте под интуицией, в том числе следственной, есть ничто иное, как обычный логический процесс. Но проходящий с такой быстротой, иногда чуть ли не на подсознательной уровне, что его субъект сам не может на вербальном уровне воспроизвести его этапы. По сути логический процесс конструирования интуитивного предположения представляет собой так называемый «черный ящик»: известно, что лежит на входе и известно, что сложилось на выходе, но неизвестно, неосознанно как сложилось. Таким образом, в первый этап построения криминалистической версии входит и логическое осмысливание лежащей в ее основе информации. Ряд ученых выделяет этот процесс в отдельный этап версионной деятельности. Однако нам такой подход представляется несколько искусственным. Психологически невозможно накапливать информацию без ее непрерывного осмысливания, без ее анализа. Мето-

ды такого анализа известны — дедукция и индукция. «Дедукция — выводение частного из общего; путь мышления, который ведет от общего к частному, от общего положения к особенному. Общей формой дедукции является при этом силлогизм, посылки которого образуют указанное общее положение, а выводы — соответствующее частное суждение». «Индукция — метод движения знания от отдельного, особенного к всеобщему, закономерному. Индукция из наблюдений и опытов выводит принципы и общие положения» (Философский энциклопедический словарь М., 1999. С. 125, 179). В результате такого логического осмысливания имеющейся информации у субъекта исследования преступления возникают соответствующие логические предположения. Эта проблема достаточно подробно и интересно исследована А. А. Эйсманом в монографии «Логика доказывания» (М., 1997). Но для того, чтобы они приняли вид версии, эти предположения должны быть сформулированы в виде, позволяющем дальнейшую с ними работу.

Следовательно, вторым этапом построения криминалистической версии является ее формулирование. Версия должна формулироваться в категорически однозначной форме, примерно в таком виде: «Преступление совершил Н.», «Преступление Н. совершил с целью за владения имуществом потерпевшего», «Преступление совершено при превышении пределов необходимой обороны» и т. п. Необходимость именно такого формулирования криминалистических версий вытекает из логических правил построения любых гипотез, что позволяет получить в результате их проверки однозначный вывод — «да» или «нет»: «Преступление совершил Н.», «Преступление Н. совершено не по корыстным мотивам» и т. д.

Третий этап версионного процесса — это выведение из сформулированной версии следствий.

Дело в том, что сама по себе версия, являясь результатом логического рассуждения, идеальна, не осязаема. Проверяемыми практически являются следствия, вытекавшие из данного логического рассуждения, из определенной версии.

Как говорилось выше, материальные и идеальные следы-следствия преступления выступают, с одной стороны, в качестве основания, информационной базы выдвижения соответствующей криминалистической версии, предположительно объясняющей одну из возможных причин возникновения этих следов. С другой стороны, следствия действия причины неизбежно должны нести на себе отпечатки (следы) причины. Это положение — перенос структуры от причины к следствию, т. е. отображение первой во второй, является фундаментальной чертой динамики процесса причинения, лежит в основе свойства отражения: «Возникновение у следствия отпечатков причины означает установление между обоими членами причинной пары особого объективного отношения, благодаря которому любой из них делается представителем другого, т. е. превращается в носителя информации о нем. Цепи причинения, по которым совершается перенос структуры, оказываются вместе с тем и цепями передачи информации» (Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 370).

Из этого методологического положения следует, что причина ведет к своему исчерпывающему отражению в следствиях своего действия. А потому, если предполагаемая причина (версия) — истина, она должна быть с исчерпывающей полнотой представлена в необходимых следствиях (следах) своего действия (подчеркнем здесь: «в необходимых следствиях», так как помимо них причина влечет возникновение и следствий возможных).

Рассмотрим их сущность и принципиальнейшую

важность на небольшом гипотетическом примере. Обнаружен труп Иванова, смерть которого последовала от ударов ножом. На основании определенной информации (доказательственной и (или) оперативной), соответствующего ее осмысливания и логического рассуждения сформулирована версия: «Убийство Иванова совершено Петровым».

Какие необходимые следствия вытекают из этой версии? Их, как минимум, три: 1) Петров в момент нанесения Иванову ножевых ударов находился на месте убийства; 2) у Петрова, на момент убийства Иванова был нож, которым потерпевшему наносились удары; 3) Петров имел мотив для убийства Иванова. Такие же необходимые следствия должны быть выведены из частых версий, связанных с версией общей о совершении убийства потерпевшего Петровым: о форме вины, мотивах преступления и т. д. Например, если частная версия гласит, что Петров завладел имуществом, бывшем у потерпевшего, то из этого с необходимостью следует, что эти ценности находятся у Петрова либо после совершения преступления он как-то иначе распорядился им по собственному усмотрению.

Эти выводы из версий (необходимые следствия) можно объективно проверить, подтвердить или опровергнуть. К примеру, по первому из них — установить лиц, которые видели Петрова в данный момент на месте или непосредственно у места происшествия, о чем их, естественно, допросить; произвести идентификационные исследования следов обуви, отпечатков пальцев, обнаруженных на месте происшествия, с обувью, изъятой для этой цели у Петрова и образцов отпечатков его пальцев и т. д. По второму — принять меры к обнаружению у Петрова ножа и последующих его экспертных исследований (судебно-медицинских, физико-технических и др.), установить лиц, которые видели у Петрова подобное оружие, и т. д. По третьему —

установить путем допроса свидетелей и самого Петрова его взаимоотношения с потерпевшим, объективно установить наличие у Петрова именно того мотива, по которому совершено расследуемое преступление, используя для этого все имеющиеся процессуальные и криминалистические возможности: обнаружение похищенных ценностей у Петрова или лиц, которым он их передал, в случае совершения преступления по корыстным мотивам; исследуя биологические объекты, если убийство совершено по сексуальным мотивам, в виде соответствующих следов на теле и одежде как погибшего Иванова, так и Петрова, чья причастность к совершению убийства потерпевшего по этому мотиву проверяется.

Но помимо следствий необходимых, причина (версия) обуславливает проявление следствий возможных. В нашем гипотетическом примере такими возможными следствиями являются: возможно кто-то видел Петрова на месте преступления; возможно Петров рассказывал кому-либо о совершении им убийства Иванова; возможно Иванов подозревал Петрова в готовности совершить его убийство; возможно на теле и одежде Петрова остались следы от совершенного им убийства, и т. д. Эти возможные следствия также поддаются практической проверке соответствующими оперативно-розыскными и, главным образом, следственными действиями.

В сущности, именно логически точно выдвинутая и сформулированная система необходимых и возможных следствий из общей и частных версий предопределяет планирование их проверки и практическую реализацию плана расследования уголовного дела. Практическая их проверка и составляют сущность четвертого этапа версионной деятельности субъекта исследования преступления. Она должна привести к одному из следующих результатов:

а) к подтверждению версии т. е. к положительному ответу на сформулированное в версии предположение — к достоверному знанию о факте или обстоятельстве, относительно которого она выдвинута («Да, убийство совершил Петров», «Да, убийство совершено Петровым по такому-то мотиву»);

б) к опровержению версии, к ответу на нее отрицательно: «Нет, Петров убийства не совершал», «Нет, убийство не совершено по корыстному мотиву». Пока достоверного — или положительного, или отрицательного — знания по версии не получено, проверка ее продолжается.

Очевидно, что если получено положительное достоверное знание, то версионная деятельность субъекта исследования преступлений по факту или обстоятельству, относительно которого она производилась, завершается. Отрицательный достоверный ответ на версию означает окончание ее проверки, но обуславливает необходимость нового витка версионной деятельности: снова осмысливание информации, но информации вновь полученной или модифицированной в результате проверки не подтвердившейся версии и в целом по исследуемому делу, снова логическое рассуждение по ее поводу, снова формулирование версий (уже иных), выведение из них систем необходимых и возможных следствий, их практическая проверка...

Лишь когда и только когда практическая проверка докажет существование — и докажет достоверно, однозначно — существование всех необходимых следствий, вытекавших, из общей и частных версий, они перестанут быть версиями, а превратятся в истину.

Если продолжить наш гипотетический пример, то для обоснованного привлечения Петрова к уголовной ответственности за совершение им убийства Иванова, необходимо, чтобы (если говорить лишь о самом факте совершения им этого преступления, условно абстраги-

руясь от формы вины, мотиве, и других компонентов, входящих в предмет доказывания по уголовному делу):

а) экспертными исследованиями следов на месте происшествия, показаниями свидетелей и другими доказательствами было доказано, что Петров на момент убийства Иванова был на месте происшествия;

б) при обыске в его доме или в другом месте или у иных людей обнаружен принадлежащий Петрову нож, которым согласно заключения судебно-медицинской и физико-технической экспертиз нанесены ранения потерпевшему Иванову;

в) у Петрова или у людей, которым он их передал обнаружены ценности, опознанные свидетелями как принадлежащие Иванову и находившиеся при нем в момент его гибели.

По нашему глубокому убеждению (есть мнения и другие), не установление хотя бы одного (и «всего лишь» одного) необходимого следствия, вытекающего из версии о виновности обвиняемого в совершении преступления, влечет неполноту и необъективность расследования, делает необоснованным привлечение лица к уголовной ответственности, влечет следственную, (а затем, зачастую, к сожалению, и судебную ошибку) в установлении виновности обвиняемого.

Именно этим можно объяснить следственную и судебную ошибку в деле «отцеубийцы» Дмитрия Карамазова в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского. Как помним, казалось бы, нашли подтверждения все необходимые следствия, вытекающие из версии о его виновности: и присутствие Дмитрия на месте происшествия, и наличие у него орудия убийства (пестика), и несомненное и всем очевидное наличие мотива, и т. д. И всего лишь одно необходимое следствие не было подтверждено. Его можно сформулировать так: «Если Дмитрий Карамазов убил отца и завладел при этом тремя тысячами рублей, следовательно, эти деньги либо находятся у него, либо он их растратил,

либо кому передал». Показания же Карамазова, что израсходовал он в Мокром не более полутора тысяч из «ладанки» и других денег у него нет и не было, ни следствием, ни судом опровергнуты не были; следовательно, необходимое следствие из версии установлено не было, но, как нередко бывает, «мужички за себя постояли» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1973. Т. 15. С. 173).

В связи с принципиальнейшим характером этого положения нами посвящены его обоснованию несколько публикаций (см. вводную главу в работе «Тактика следственных действий». Воронеж, 1992, 1995; статью «Ошибки следователя в логике доказывания виновности обвиняемого» // Уголовная ответственность: основания и порядок реализации. Самара, 1991).

Еще несколько необходимых положений, связанных с принципами построения и проверки криминалистических версий.

1. По каждому факту и обстоятельству, требующему объяснения, в процессе исследования преступлений надлежит выдвигать, формулировать и проверять все возможные, имеющие хотя бы какое информационное основание, версии, насколько бы маловероятными они не представлялись на первый взгляд. Ограничение здесь единственное: версии не должны быть, как говорят следователи, «лунными», т. е. не должны противоречить научно обоснованным фактам или строиться на основе предположений, не имеющих под собой научного теоретического подтверждения. Нельзя, например, в настоящее время всерьез выдвинуть и попытаться проверить версию о том, что расследуемое убийство совершено инопланетянами или зомби. По поводу последнего предположения — о возможности совершения преступления замбиrowанным человеком не все так уж очевидно: оно высказывается не только в детективах, но и обсуждается в достаточно серьезных научных публикациях.

2. Даже самая, казалось бы, наиболее вероятная версия, может оказаться ошибочной, а кажущаяся маловероятной, подтвердиться. Два при мера этому из следственной и судебной практики правоохранительных органов Воронежской области.

После обнаружения трупа изнасилованной и убитой Ивановой в ее доме изъяли ее дневник. Последняя запись в нем была о том, что ее накануне пытался изнасиловать ранее судимый за изнасилование и убийство Н. и что когда друзья ее от Н. «отбили», он сказал, что все равно она от него на уйдет, что он ее все равно «достанет». Эта запись, данные о том, что Н. действительно ранее судим за указанные в ней преступления, а также, что Н. видели с Ивановой в день ее исчезновения, очевидно делали наиболее вероятной версию о совершении данного преступления именно Н. Он был задержан, дал «признательные» показания и несмотря на то, что спустя несколько дней от них отказался, заявил себе алиби (кстати подтвержденное несколькими лицами). Н. был осужден за изнасилование и убийство Ивановой к 14 годам лишения свободы. Более того, в отношении лиц, подтверждавших в суде алиби Н., возбуждали уголовные дела о лжесвидетельстве. Спустя несколько лет было объективно установлено, что изнасилование и убийство Ивановой совершил серийный сексуальный убийца Р. А ведь действительно, на первый взгляд, версия об убийстве Ивановой Н. не только имела фактическую основу но и представлялась наиболее вероятной.

Утром в дверь квартиры директора одного из крупных воронежских заводов Л. позвонил мужчина. Открывшей ему дверь жене Л. он назвал свою фамилию (как впоследствии выяснилось, вымышленную) и попросил позвать мужа «по срочному служебному делу». Когда Л. вышел на лестничную площадку к незнакомцу, тот произвел в него выстрел в живот из, как потом было установлено, мелкокалиберного оружия и скрыл-

ся Л. от полученного ранения тут же скончался. Из множества выдвинутых версий пожалуй наименее вероятной представлялась версия о заказном характере этого убийства (поведение преступника, использованное им оружие, «непрофессиональный» выстрел и т. п.). И тем не менее расследование полностью и объективно подтвердило именно эту версию. Убийство носило заказной характер, заказчиком его являлся заместитель Л., а исполнителем один из рабочих завода.

3. Все выдвинутые версии подлежат параллельной проверки, но разумеется (и иное психологически, видимо, невозможно) с различной степенью интенсивности. В первую очередь наиболее интенсивно проверяются более вероятные предположения, объясняющие исследуемый факт или обстоятельство, затем иные... И в то же время помнить изложенное выше: может подтвердиться именно менее вероятная версия. К процессу выдвижения и проверки версий не в полной мере применим принцип Оккама (его именуют «бритва», «лезвие», «скальпель» Оккама) о том, что не следует создавать сущности (т. е. в нашем случае, версии) без надобности. Обеспечение оптимальной практической проверки сформулированных субъектом процессуального исследования преступлений криминалистических версий, выведенных из них необходимых и возможных следствий, составляет ядро, смысл планирования этой деятельности.

Основы планирования процессуального исследования преступлений

Нельзя верить тем оптимистам, которые говорят, что они не планируют свою работу, свою деятельность. Этого не может быть в принципе. Человек, как когда-то было замечено классиком, тем и отличается от пчелы, что, начиная строительство, он имеет в голове об-

раз желаемого строения. Осенью перед выходом из дома, каждый из нас смотрит на небо, слушает прогноз погоды и на этой основе решает, брать ему зонтик или нет. Студент, думая пойти или не пойти ему на лекцию (по той же криминалистике), решает для себя этот вопрос исходя из своих пристрастий, интересов, иных многочисленных стоящих перед ним проблем, также требующих немедленного решения. А все это — уже планирование. Не планировать свою деятельность невозможно в принципе. Все зависит от качества этого планирования. Тем более, когда речь идет о столь сложном и далеко неинвариантном виде деятельности как процессуальное исследование преступлений.

Опуская анализ известных определений этой криминалистической категории, мы полагаем, что **планирование исследования преступлений** есть мыслительная деятельность его субъектов, направленная на определение задач, требующих разрешения на определенных этапах исследования, главным образом в разрезе проверки версий сформулированных планирующим исследование преступлений субъектом, и способов решения этих задач.

Планирование процессуального исследования преступлений, как и любая иная деятельность, основана на определенных принципах. Применительно к нему следует говорить о следующих принципах планирования:

- *индивидуальность планирования.* Это означает, что определять стоящие перед субъектом задачи некоего этапа исследования им преступления, пути и способы их достижения можно лишь при полном учете специфики именно данного исследуемого уголовного дела. Как нет двух одинаковых преступлений, как нет двух одинаковых обвиняемых, так и не может быть двух одинаковых планирований исследования даже преступлений, относящихся к одному виду (скажем, двух убийств) или к одной категории (например, двух преступлений, совершенных несовершеннолетними или

рецидивистами) преступлений. Сказанное при всей своей очевидной аксиоматичности отнюдь не исключает необходимости единого научного подхода к планированию исследования преступлений. Отсюда, следующим принципом этой деятельности является:

- *научность планирования.* В основе планирования должна лежать корректная постановка задач, определенных системой выведенных из каждой из сформулированных версий необходимых и возможных следствий; именно они поддаются практической проверке, а потому и формулируются в виде локальных задач того этапа исследования, на котором они должны быть проверены. Планирование исследования преступления с позиции принципа его научности в части определения задач, стоящих перед его субъектом и способов их достижения, должно основываться на максимально полном использовании для того всех достижений наук криминального цикла, в первую очередь, теории судебного доказывания (о ней см.: Белкин А. Р. Теория доказывания. М., 1999) и криминалистики. Если в этой связи говорить о планировании расследования, то следователь должен постоянно следить за новейшими достижениями в области криминалистической техники, тактики и методик расследования отдельных видов преступлений и целенаправленно обращаться к ним при планировании расследования конкретных уголовных дел. Начинаяшему следователю, не имеющему своего серьезного следственного опыта, во многих случаях в основу планирования уместно положить программно-целевой метод, разработанный Г. А. Густовым и другими криминалистами. Интересные, имеющие ярко выраженную практическую направленность исследования этого вида следственной деятельности проведены А. М. Лариным в работе «Расследование по уголовному делу: планирование, организация» (М., 1970) и в монографии «От следственной версии к истине».

Определенную помощь в планировании расследования для следователей окажут и наши разработки методических основ расследования преступлений (см. Руководство для следователей. М., 1997);

- *динамичность и этапность* планирования исследования преступлений. Во-первых, планирование постоянно корректируется на основе поступающей по делу информации как процессуального, так и непроцессуального характера; эта информация может — обуславливать необходимость формулирования иных задач для данного этапа исследования преступлений, иногда видоизменения уже запланированных задач, последовательности и способов их достижения. Во-вторых, многие планируемые задачи могут решаться лишь поэтапно, в определенной последовательности, обусловленной и сущностью задачи данного этапа исследования преступления (например, чтобы назначить дактилоскопическую или почерковедческую экспертизу, необходимо получить соответствующие образцы, отпечатков пальцев подозреваемого, в первом случае, почерка, во втором) и требованиями уголовно-процессуального закона: скажем, вынося постановление о привлечение лица в качестве обвиняемого следователь согласно ст. 148 УПК обязан предъявить ему обвинение не позднее 2 суток с момента вынесения такого постановления, и т. п.

Другие принципы планирования исследования преступлений относятся к определяемым при этом его субъектом путей, средств и способов достижения сформулированных задач планируемого этапа исследования. К этим принципам можно отнести следующие:

- *реальность* реализации планируемых средств. Это означает, что планировать следует достижение поставленных задач средствами, которые имеются в распоряжении субъекта при исследовании им конкретного преступления и которые реально ему доступны. В настоящее время не всегда реально получить для этой

цели информацию, которая зафиксирована спутниками-шпионами и имеется в распоряжении соответствующих спецслужб (хотя, как о том сообщали СМИ, при расследовании в США дела об убийстве футболистом Симменсом своей жены и ее любовника использовались фотографии его машины, стоявшей у дома где было совершено преступление, полученные спутником-шпионом). Не всегда следователь имеет возможность проведения идентификации по ДНК («генная дактилоскопия»), а адвокат — использовать для получения информации услуги детективных агентств, и т. п. И тем не менее, о всех подобных криминалистических новейших возможностях нужно знать и изыскивать способы их использования;

- *экономичность* планируемых средств достижения поставленных задач. Любая нетривиальная задача может быть разрешена различными способами и средствами. Исследование преступлений не представляет в том исключения. Скажем, в отдельных случаях поставленную следственную задачу можно решить: посредством ряда последовательно назначаемых экспертиз; назначением и проведением единой обычно сложной комплексной экспертизы; проведением определенного (определенных) следственного эксперимента, и т. п. Поэтому субъекту при планировании исследования преступления из всех возможных способов достижения поставленной задачи следует выбирать если не оптимальные (об оптимальности выбранного средства можно судить лишь после его реализации с позиции полученного результата), то наиболее рациональные средства в сложившейся ситуации (следственной, защитной и т. п.). Однако следует иметь в виду, что если использованные экономичные средства не привели к получению искомого знания — решению поставленной задачи с позиции удовлетворения профессионального интереса субъекта планирования, следует переходить к выбору более сложных, менее эконо-

мичных средств, позволяющих эту задачу решить. Выбирая возможные экономичные средства и конкретные способы достижения запланированной задачи, непременно следует учитывать следующий важный принцип этой деятельности:

- *допустимость* средств и способов, планируемых к реализации для достижения задачи. Это, во-первых, означает, чтобы избираемое средство соответствовало букве и духу уголовно-процессуального закона; во-вторых, было нравственно допустимо; в-третьих, отвечало бы всем остальным критериям допустимости криминалистических средств, технико-криминалистических и тактических, подробно рассматриваемых в соответствующих разделах данной работы.

Мыслительная деятельность по определению задач определенных этапов исследования преступлений с позиции его субъектов и средств и способов их достижения, составляющая суть планирования исследования, реализуется в составлении соответствующих планов работы. План, однако, это не планирование как таковое, а внешнее выражение, форма в которой воплощаются результаты этой сложнейшей области деятельности по исследованию преступлений его субъектами.

Есть несколько видов планов, завершающих процесс планирования исследования преступления, воплощающих его результаты. Применительно к планированию *расследования* преступлений это планы:

- а) расследования по уголовному делу;
- б) расследования отдельного эпизода уголовного дела;
- в) производства отдельного следственного действия.

Техника составления таких планов подробно описана в литературе, что позволяет не останавливаться на этом подробно. Сформулируем лишь несколько положений, связанных с техникой составления планов.

План расследования по уголовному делу — основной из перечисленных выше видов планов — должен

состоять из двух разделов. В первом разделе следует формулировать задачи, решение которых необходимо для расследования данного преступления вне зависимости от тех версий, которые выдвигаются по делу, кроме типичных. Более того, именно в разрезе проверки последних этот раздел плана и должен составляться. Например, для расследования преступления, связанного с насильственной смертью человека, вне зависимости от конкретных версий, необходимо назначить и провести судебно-медицинскую экспертизу трупа, поставив на ее разрешение вопросы с причине смерти, способе ее причинения, времени наступления смерти, состоянии потерпевшего перед смертью (был ли в состоянии алкогольного или наркотического опьянения), группе его крови и т. п.. Если личность погибшего не установлена — запланировать проведение тактической операции по ее установлению (Р. И. Шиканов называет ее «атрибуция трупа»). Для расследования уголовного дела, возбужденного в связи с фактом выявления у материально-ответственного лица недостачи, вне зависимости от конкретных версий в этом разделе плана следует предусмотреть проведение документальной ревизии, результаты которой составят основу разработки типичных версий о причинах ее возникновения (хищения, злоупотребления служебным положением, халатности, кражи, совершенной посторонними лицами, счетной ошибки). Во втором разделе такого плана должны содержаться задачи, решение которых необходимо в соответствии с системой выведенных из каждой из сформулированных версий необходимых и возможных следствий, и способ достижения таких задач.

План расследования уголовного дела имеет смысл и практическую значимость лишь в том случае, когда он будет представлять собой график выполнения запланированных действий (когда, какое действие следует выполнить, какими силами — сам ли следователь будет

выполнять запланированное действие или другие лица, например, работники органа дознания по его поручению), а также постоянно корректироваться с учетом результатов уже проведенных следственных и других действий. К примеру, при предъявлении обвинения (ранее запланированного на определенную дату) обвиняемый сообщил о наличии у него алиби и пояснил, кто или чем его можно подтвердить. Очевидно, что ранее составленный план должен тут же претерпеть определенные изменения, требующиеся для безотлагательной проверки алиби обвиняемого.

Планирование исследования преступлений по многоэпизодным и (или) групповым делам зачастую должно воплотиться, кроме названных, и в так называемых вспомогательных видах планов. К ним относятся, например, схемы преступных связей по исследуемому делу и матрицы (таблицы), составляемые по различным основаниям. Скажем, преступная группа состояла из двадцати человек, которые в различных между собой сочетаниях совершили пятнадцать преступлений. Для составления матрицы участия каждого члена преступной группы в том или ином эпизоде ее преступной деятельности эти эпизоды последовательно нумеруются от 1 по 15-го и составляется таблица, в которой по горизонтали перечисляются фамилии членов преступной группы от 1-го до 20-го включительно, по вертикали — номера эпизодов, и в соответствующих таким образом образованных клеточках отмечается участие того или иного члена группы в том или ином эпизоде. Для наглядности приведем фрагмент подобной матрицы:

Фамилии	Эпизоды	1	2	3	4	5	6	7	8	...
1. Иванов		+		+	+		+		+	
2. Петров		+	+			+	+		+	
3. Сидоров		+		+		+	+	+		
...										

Подобным образом составляются матрицы для изучения личности обвиняемых, выполнения отдельных обязательных процессуальных действий (предъявления каждому члену преступной группы обвинения, выполнения требований ст. 200 УПК с каждым потерпевшим, ст. 201—204 УПК с каждым обвиняемым) и т. п.

Такие вспомогательные планы позволяют субъекту исследования уголовного дела более наглядно представлять себе как общую ситуацию по делу и свои необходимые для решения по нему задачи и действия, так и оптимальным образом организовывать свою работу.

У каждого субъекта процессуального исследования преступлений в производстве, как правило, находятся одновременно несколько уголовных дел. В настоящее время сложилась ситуация, когда у следователей органов МВД, количество их бывает запредельным — до 15—20 уголовных дел, находящихся одновременно в производстве одного следователя. В таких случаях практически невозможно обойтись без календарного планирования. Суть его в том, чтобы субъект исследования преступлений мог организовать свою работу таким образом, чтобы производство по каждому из одновременно находящимся у него уголовным делам осуществлялось параллельно, а не последовательно, как к сожалению, еще зачастую бывает на практике: следователь «хватается» за расследование одного дела, либо только что возбужденного и имеющего очевидную судебную перспективу, либо, напротив, по которому истекает срок расследования; другие же уголовные дела — лежат, ждут своей «очереди». Когда же и по ним подходят к концу сроки следствия — он «хватается» за них. Как негативно такой стиль работы отражается на качестве исследования по ним преступлений — очевидно. Оптимально, чтобы по каждому из одновременно находящихся в производстве делам, если не ежедневно, то хотя бы раз в несколько дней производилась опреде-

ленная работа по реализации плана исследования преступления, составленному по каждому из этих дел. Для иллюстрации приведем гипотетический пример. У следователя находятся в производстве пять уголовных дел, по каждому из которых у него есть план расследования. Фрагмент календарного плана работы по ним следователя, составленный им на предстоящую неделю, может выглядеть следующим образом:

Уг. дела	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница
№ 1	Допросить Иванова	Назначить суд. мед. эксперта	Допросить Никитина	Передопросить потерпевшего	
№ 2	Назначить экспертизу по вещ. докам	Допросить Кусенева		Ознакомить обвиняемых с постановлением о назначении экспертизы	
№ 3	Произвести выемку документов из ООО «Вега»		Прель-явить обвинение Ветрову		Допросить Костина
№ 4	Допросить Петрова	Допросить Анищеву	Допросить Малявина	Выполнить ст. 200 УПК	Выполнить ст. 201 УПК в СИЗО
№ 5	Допросить Сидорова	Очная ставка Сидоров Иванов	Запросить характеристику		

Составление календарных планов своей работы для таких субъектов исследования преступлений, как адвокат-защитник обвиняемого и государственный обвинитель более сложно, чем для следователя — они вынуждены «подстраиваться» под планы работы следователей и судей, в производстве которых находятся уголовные дела с их участием.

ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Вопросы:

- Понятие и система криминалистической техники.
- Основные технико-криминалистические средства и методы.
- Дискуссионные проблемы криминалистической техники.

Литература:

- Белкин Р.С. Курс криминалистики, Т.3, М., 1997.
- Гранович Г.И. Основы криминалистической техники Минск, 1981.
- Гончаренко В.И. Научно-технические средства в следственной практике. Киев, 1984.

Понятие и система криминалистической техники

Понятие криминалистической техники относится к числу первых научных категорий, с которой собственно и начался разрабатываться понятийный аппарат науки криминалистики. На этапе возникновения этой науки понятие «криминалистическая техника» (ее тогда именовали «уголовной» или «полицейской» техникой; сейчас в ряде стран называют «судебной наукой») вбирало в себя по существу все содержание криминалистики как науки об использовании данных естественно-научных знаний в целях расследования преступлений.

Со временем криминалистическая техника стала складываться в виде раздела науки криминалистики, в систему которой помимо общей теории криминалистики и техники входят криминалистическая тактика и криминалистическая методика. Однако это понятие продолжало длительное время обозначать часть криминалистики, включающую в себя способы применения для расследования преступлений данных естественных наук — медицины, химии, токсикологии, биологии, физики. В первом советском учебнике криминалистики для слушателей правовых вузов по этому поводу говорилось следующее: «Уголовная техника изучает способы применения естественных наук (физики, химии, биологии и т. д.) к расследованию преступлений» (Криминалистика / Под ред. А. Я. Вышинского. М., 1935. Т. 1. С. 6—7). Затем под криминалистической техникой стали понимать систему приемов исследования вещественных доказательств в целях розыска, опознания и идентификации лиц и предметов по следственным делам.

Как сообщает Р. С. Белкин в первом томе своего фундаментального трехтомного курса криминалистики (С. 272—273), в 1938 г. по ряду проанализированных им причин понятие криминалистической техники исчезло из отечественной научной и учебной криминалистической литературы. Это, разумеется, не означало, что ее проблемы не продолжали изучаться в рамках других разделов криминалистики. Вновь это понятие введено в научный оборот С. П. Митричевым в 1958 г. В настоящее время правомерность этого никак не ставится, обозначая один из разделов криминалистики.

В конце 80-х — начале 90-х гг. отдельные ученые стали говорить (в учебной и методической литературе) о криминалистической технике как о технико-криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования

преступлений, сокращенно — ТКС (А. Ф. Волынский, А. С. Шаталов и др.). Под ТКО ими понимается вид деятельности, «направленной, с одной стороны, на создание условий постоянной готовности ее субъектов к применению средств и методов криминалистической техники, а с другой — на реализацию таких условий в каждом конкретном случае раскрытия и расследования преступлений» (Волынский А. Ф. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Курс лекций по криминалистике. Вып. 10, Курск, 1999. С. 23).

Совершенно очевидно, что в таком контексте ТКО — не раздел науки криминалистики, а лишь один из объектов, изучаемых таким ее разделом, как криминалистическая техника.

В зарубежной специальной литературе чаще всего вместо понятия «криминалистическая техника» используется или выступает его синонимом категория «естественно-научная криминалистика». Под ней понимается «система знаний и методов всех естественных и технических наук в той части и объеме, в которых они могут быть использованы в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений». Немецкий ученый-криминалист и судебный эксперт Клаус Дитер Польш так пишет о предметной области этого раздела криминалистики: «Естественно-научная криминалистика (в англосаксонской терминологии — «судебная наука») занимается реконструкцией преступного деяния на основе исследования вещественных доказательств» (Клаус Дитер Польш. Естественнонаучная криминалистика. М., 1985. С. 15).

Из монографических и учебных работ, посвященных теоретическим и прикладным проблемам криминалистической техники, опубликованных в последнее время, наиболее значимые следующие: М. В. Салтевский. Собрание криминалистической информации

техническими средствами на предварительном следствии. Киев, 1980 г.; Г. И. Грамович. Основы криминалистической техники. Минск, 1981 г.; В. И. Гончаренко. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве. Киев, 1980 г.; он же Научно-технические средства в следственной практике. Киев, 1984 г.; Н. Н. Лысов. Фиксация доказательств в уголовном процессе. Часть 2. Фиксация информации, возникающей в материальных следах преступлений. Нижний Новгород, 1998.

В этих и других работах предлагаются различные определения предмета криминалистической техники. В частности, криминалисты санкт-петербургской школы (И. Ф. Крылов, Т. А. Седова и др.) рассматривают ее как часть науки криминалистики, изучающую теоретические положения и научно обоснованные приемы и методы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств в целях эффективного расследования и предупреждения преступлений. Р. С. Белкин считает, что *криминалистическая техника есть система научных положений и основанных на них технических (в широком смысле слова) средств, приемов и методик, предназначенных для собирания, использования и исследования доказательств в целях раскрытия и предупреждения преступлений*. В этом определении акцент делается на прикладной характер этого раздела криминалистики и на более широкое понимание самих технических средств как таковых.

Определение Р. С. Белкина точнее и полнее отражает современное содержание криминалистической техники как раздела науки криминалистики, но с единственным уточнением, вытекающим из сформулированного ранее определения предмета криминалистики в целом. Предметная область криминалистической науки в настоящее время — не только раскрытие и расследование преступлений, а более широкая — исследование пре-

ступлений субъектами этой деятельности криминалистическими средствами. И поэтому криминалистическая техника «принадлежит» всем субъектам таковой деятельности — и дознавателю, и следователю, специалисту и эксперту, государственному обвинителю и адвокату-защитнику обвиняемого по уголовному делу. Для оптимизации соответствующей деятельности этих лиц она изучается и разрабатывается.

Конечно же для каждого из этих субъектов должна быть «своя» техника. Для каждого из них криминалистическая техника имеет свою значимость и свои особенности, обуславливаемые их функциональными и уголовно-процессуальными обязанностями и возможностями того или иного использования достижений данного раздела науки криминалистики.

До рассмотрения специфики криминалистической техники ее отдельных субъектов необходимо очертить систему этого раздела криминалистики.

Состоит этот раздел науки криминалистики из вышеприведенного определения его предмета, из научных положений и основанных на них соответствующих технических средств, приемов и методик собирания, исследования и использования доказательств.

Методологической и общетеоретической основой, ядром ее научных положений выступают рассмотренные выше трасология — криминалистическое учение о следах и учение о криминалистическом распознавании. Именно с этих позиций данный раздел науки криминалистики творчески интерпретирует возможности использования для исследования преступлений в рамках уголовного судопроизводства научных положений и практических достижений естественных и технических систем знаний, адаптирует их в этих целях, создает собственно технико-криминалистические средства и методы.

Все средства криминалистической техники, состав-

ляющие разработочную, прикладную часть рассматриваемого раздела криминалистики, направлены на их использование в судебном доказывании, т. е. либо на собирание доказательств (их выявление, запечатление, фиксацию, изъятие) либо на предварительное и экспертное исследование. В то же время одни и те же средства в широком смысле слова могут использоваться для достижения всех этих целей (собираания, исследования, использования доказательств). Поэтому система криминалистической техники традиционно конструируется не по основаниям целей использования ее средств (хотя такой подход правомерен и встречается в литературе), а по отраслям технических и естественных наук и знаний, которые используются для достижения этих целей.

По этим основаниям в систему криминалистической техники большинство ученых помимо трасологии включают: судебную фотографию, киносъемку и видеозапись, судебную баллистику, криминалистическое исследование письма и документов, судебную габитологию (отождествление личности по внешним признакам); криминалистическую (уголовную) регистрацию, криминалистическое исследование материалов и веществ.

Как и любая иная научно-практическая система, система криминалистической техники находится в постоянном развитии. Появляются вызванные потребностями практики новые ее элементы. В настоящее время есть все основания для включения в эту систему таких отраслей, как криминалистическая фоноскопия (исследование аудио- и видеозаписей), криминалистическая взрывотехника и др.

Активно обсуждаются криминалистами проблемы научной обоснованности дополнения системы криминалистической техники такими отраслями, как судебная одорология и криминалистическая полиграфия

(проблемы, связанные с ними, будут рассмотрены позже).

Достижения криминалистики, отдельных естественных и технических наук обусловили и возникновение новых направлений исследований в традиционных элементах ее системы (Р. С. Белкин именует их подотраслями). Это судебное автороведение — научные положения и методики установления интеллектуального, а не технического, чем занимается почерковедение, авторства письма; микротрасология — исследование микроследов в рамках исследования веществ и материалов и т. д. Кроме того, в рамках отраслей и подотраслей криминалистической техники идет непрерывный поступательный процесс создания новых частных методик исследования соответствующих уголовно-релевантных объектов. К примеру, в последние годы созданы методики идентификации человека по радужной оболочке глаз, по папиллярным линиям ушей человека, разработана методика идентификации чулочно-носочных изделий и т. д.

Совершенно очевидно, что наиболее полно, всесторонне и углубленно криминалистическая техника изучается и разрабатывается применительно к деятельности ее субъектов — специалиста и эксперта. Именно они, соответственно участвуя в производстве следственных действий, осуществляя предварительное исследование уголовно-релевантных объектов и (или) производя на основе постановления следователя (определения суда) экспертизы, основные потребители всех достижений криминалистической техники. Потому вполне правомерно существование в ряде высших юридических учебных заведений самостоятельных экспертных факультетов для подготовки специалистов-криминалистов (в Волгоградском институте МВД РФ, в Саратовской и Екатеринбургской государственных юридических академиях и т. д.).

Следователь и другие субъекты уголовно-процессуального исследования преступлений (адвокат, государственный обвинитель) должны не столько сами уметь применять криминалистическую технику, сколько знать возможности криминалистической техники, отдельных ее отраслей и подотраслей; реально применять ее должны специалисты-криминалисты.

Конечно, следователь (адвокат, прокурор) должен уметь при необходимости включать-выключать аудио-видеотехнику, сфотографировать место происшествия или иной другой объект, рассмотреть документы в ультракрасных или ультрафиолетовых лучах. Но даже снятие с предмета отпечатков пальцев, качественное изготовление гипсовых слепков объемных следов обуви, не говоря уже о более сложных технических действиях, требуют не только теоретических знаний в этом отношении, но и постоянного «тренажа», практических навыков такой работы. Такими навыками эти субъекты, как правило, не обладают и не должны обладать — это поле деятельности специалистов в области криминалистической техники. Поэтому криминалистическая техника для следователя, адвоката, прокурора — не сами технические средства и методы как таковые, не умение лично их применять, а знания научных положений криминалистической техники, ее отраслей и подотраслей, общие знания об имеющихся технико-криминалистических средствах, приемах, методиках, которые возможно использовать для исследования тех или иных уголовно-релевантных объектов; основанное на этом умение надлежащим образом собирать необходимые объекты для их последующего экспертного исследования, грамотно ставить на разрешение экспертов вопросы, на которые следует получить от них ответы и, наконец, оценивать методологическую и методическую обоснованность выводов, к которым в результате своих исследований эксперт (эксперты) пришел.

В перспективе возможно вычленение в системе криминалистической техники ряда подсистем по основанию субъектов ее применения: «криминалистическая техника специалиста и эксперта», «криминалистическая техника следователя», криминалистическая техника других субъектов ее применения в уголовном судопроизводстве. По нашему мнению, к протоколу следственного действия, в котором принимал участие специалист, должен прилагаться его отчет, носящий характер либо самостоятельного процессуального документа либо приложения к протоколу следственного действия. Второе решение, на наш взгляд, не требует изменения процессуального законодательства и поэтому в настоящее время представляется более рациональным.

В этом случае станет ясно, что именно специалист сделал в ходе действия, какие технико-криминалистические средства применял, как и что выявил, изъяс, упаковал и т. д. Это существенно повысит ответственность специалиста за качество своего участия в проведении следственного действия. В настоящее же время он по существу никакой ответственности за это, даже дисциплинарной, не говоря уже о процессуальной (исключая может быть лишь, моральную) не несет.

В любом случае любой субъект криминалистической техники должен иметь определенные представления об ее основных средствах, методах и приемах.

Основные технико-криминалистические средства и методы

Технико-криминалистические средства — это любые устройства, приспособления и материалы, используемые для собирания и исследования доказательств, главным образом вещественных. По мнению Р. С. Белкина, эти средства, используемые для уголов-

но-процессуального исследования преступлений, можно подразделить на три группы: а) специально созданные и изготовленные для целей криминалистики; б) приспособленные для этих целей; в) универсальные или общетехнические, используемые в криминалистической практике без переделки или приспособления (см. Р. С. Белкин. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 227). Примерами первых из них могут служить средства и методы цветodelения, электронный трупoискатель, специально созданные для целей криминалистики. Пример вторых — биккулярный микроскоп для сравнительного микроскопического исследования двух объектов одновременно, скажем, для сравнения трассологических особенностей на гильзе, обнаруженной на месте происшествия с таковыми на гильзе, полученной в результате экспериментального выстрела из идентифицируемого экземпляра оружия. Классическим образом третьего вида технико-криминалистического средства являются линейка или лупа, сущность которой не изменилась со времени ее изобретения Левенгуком, а способы использования криминалистами — со времени Бертильона, Пинкертонa и Шерлока Холмса.

Технико-криминалистические средства в основном носят научно-технический характер, т. е. являются научно-техническими средствами. Однако не все технико-криминалистические средства есть средства научно-технические. К примеру, в криминалистической практике часто используются шупы. Шуп — это обычная токная заостренная металлическая палка, применяемая для прокалывания, например, подушек, обоев, участков земли в поисках тайников, документов и т. п. Большой науки в его создании, видимо, нет. Но есть шупы электронные, созданные для этих же целей на основе современных достижений электронной техники и технологий: электронный трупoискатель, реагирующий на

наличие биологических объектов, приспособления типа «Омуть», «Жасмин», позволяющие обнаруживать пустоты-тайники в стенах, полу и в других местах.

Обычно технико-криминалистические средства составляют целевые комплекты: комплекты для запечатлевающей фото- кино- видеосъемки; комплекты устройств, приспособлений, материалов для работы со следами на месте происшествия и т. п. Минимально необходимые наборы технико-криминалистических средств для работы следователя с вещественными доказательствами (главным образом на месте происшествия) составляют содержание комплектов, именуемых следственными чемоданами, портфелями, сумками. Имеются и спецкомплекты (чемоданы, портфели), составляемые с учетом специфики преступлений, по которым собираются и исследуются вещественные доказательства. Так, В. Ф. Зудиным, профессором кафедры криминалистики Воронежского госуниверситета, разработан следственный портфель для расследования преступных нарушений техники безопасности и охраны труда в угольных шахтах.

В последние годы широкое распространение получили ПКЛ — передвижные криминалистические лаборатории, наборы технико-криминалистических средств в которых позволяют применять достаточно сложные приспособления, устройства и материалы в полевых условиях — при производстве осмотра мест происшествия, обысков и т. п. действий. Кроме того, ПКЛ позволяют не только эффективнее обнаруживать, фиксировать и изымать вещественные доказательства, но и тут же — на месте осмотра, обыска — в необходимых случаях производить предварительное их блиц-исследование (последние составляют содержания «полевой криминалистики», проблемы которой изложены в т. 3 «Курса криминалистики» Р. С. Белкина). Поэтому они комплектуются и более узко специализированными

средствами, например, следственными чемоданами для работы с документами, экспертными чемоданами для работами с объектами биологического происхождения и т. п.

Несомненно, большая часть технико-криминалистических средств, главным образом научно-технических, предназначена для исследования вещественных доказательств в экспертных учреждениях. Это наиболее сложная и чувствительная криминалистическая техника чаще всего стационарного характера. Она позволяет использовать для исследований вещественных доказательств наиболее современные устройства, оборудование и методы. К числу последних относят методы оптической микроскопии, хроматографии, радиоскопии, спектрального, молекулярного, нейтронно-активационного и других видов анализа, многие иные эффективные методы, о сущности которых можно получить начальные и более углубленные сведения из любого учебника криминалистики.

Под технико-криминалистическими приемами следует понимать рациональные и допустимые способы применения технико-криминалистических средств: приемы работы с последними как таковыми (как осуществлять фото- и видеозапись и т. д.) и технические приемы выявления, фиксации и исследования вещественных доказательств (как осуществлять обзорную, узловую фотосъемку, выявлять невидимые отпечатки пальцев, их фиксировать и изымать и т. п.).

Криминалистическая техника, ее средства, методы и приемы использования активно и поступательно развиваются. Это обусловливается как собственными ее достижениями, достижениями научно-технического прогресса, так и потребностями криминалистической практики, обслуживающей все более усложняющийся процесс исследования преступлений в рамках уголовного судопроизводства. Из монографических исследова-

ний этих проблем последних лет следует выделить работу А. А. Эксархопуло «Основы криминалистической теории» (Санкт-Петербург, 1992). Но при этом возникают многочисленные проблемы, наиболее дискуссионные из которых будут рассмотрены позже. Они связаны в целом с решением вопроса о допустимости использования имеющихся технических возможностей в уголовном процессе. Этот вопрос представляется и в теоретическом, и в практическом плане принципиальнейшим — что может и что не может делать субъект процессуального исследования преступлений по использованию в этих целях криминалистических средств и возможностей.

Дело в том очевидном факте, что сами по себе приборы, аппаратура, приспособления, материалы, технические достижения в целом (иными словами, все то, что мы объединяем понятием ТКС — технико-криминалистические средства) как таковые, если так можно выразиться, вне закона, вне этики и морали. Они — данность. Ядерная физика позволяет познать глубины материи и мироздания. И она привела к созданию атомной и водородной бомб, к семипалатинской и черныбыльской катастрофам. Микроскоп можно использовать по его прямому назначению, но при большом желании им можно забивать гвозди или колоть грецкие орехи и т. д. Тем более важно решение проблемы допустимости в нашем случае, когда применение ТКС — штучно, касается конкретного уголовного дела, применяется к конкретным людям, от чего во многих случаях зависят их судьбы, зачастую — их свобода, а иногда в известных случаях — сама их жизнь.

Можно в этой связи говорить в двух направлениях: о допустимости самих ТКС и допустимости приемов их применения. Допустимость ТКС как таковых может быть оценена с позиций двух достаточно очевидных критериев: научной обоснованности средства для

достижения цели его применения и технической его безопасностью как для пользователя, так и для собираемого и исследуемого объекта.

Первый критерий обуславливает необходимость, чтобы ТКС было серьезно обосновано теоретическими положениями и экспериментальными результатами соответствующей базовой для данного ТКС науки: физики, химии, биологии и т. п., самой криминалистики, если речь идет о собственно криминалистическом техническом средстве (вспомним приведенную ранее классификацию ТКС).

Второй из названных критериев означает, что ТКС, во-первых, должно быть само по себе технически безопасно для его пользователя с учетом наличия у последнего соответствующих специальных познаний. **Безопасность ТКС должна оцениваться с позиций наличия у субъекта его применения специальных познаний:** далеко не все технические средства могут быть снабжены системой предохранителей, составляющих так называемую «защиту от дурака». Эти проблемы весьма актуальны, например, для ТКС, предназначенных для собирания и исследования взрывоопасных объектов (взрывчатых веществ, взрывных устройств), основанных на использовании для исследования вещественных доказательств радиоактивных изотопов и т. п. Во-вторых используемое ТКС не должно приводить к изменению или уничтожению собираемых или исследуемых объектов, если последнее не предопределяется самой сущностью существующей в настоящее время соответствующей технико-криминалистической методики. Например, для ответа на вопрос, пригодны ли представленные на исследование патроны для стрельбы, судебный баллист должен, во всяком случае в рамках существующей сейчас методики, произвести ими выстрелы. Одна из наиболее актуальных проблем современной криминалистической техники и состоит в создании теории и част-

ных методик неразрушающих вещественные доказательства методов их исследования (см., напр.: Россинская Е. Р. Концептуальные основы теории неразрушающих методов исследования вещественных доказательств. М., 1993).

Эти же критерии — а) научной обоснованности и б) безопасности применения — лежат в основе допустимости технико-криминалистических приемов работы с технико-криминалистическими средствами, как таковыми. Но помимо их, *допустимость технико-криминалистического приема* (далее — ТКП) связана с его соответствием еще ряду критериев.

ТКС должно быть законно, т. е. сама возможность использования технико-криминалистического средства должна быть предусмотрена нормой уголовно-процессуального закона, регламентирующей порядок производства того следственного действия, при осуществлении которого данное ТКС предполагается использовать. Но здесь возникает одна существенная проблема. Она связана с несовершенством действующего в настоящее время, принятого более тридцати лет назад уголовно-процессуального закона в части регламентации применения при исследовании преступлений технико-криминалистических средств. Скажем, ст. 141-1 УПК предоставляет право следователю на применение звукозаписи при допросе и в основных чертах алгоритмизирует порядок ее осуществления и ни слова не говорит о возможности использования при производстве этого следственного действия видеозаписи. Причины этого очевидны: к моменту создания УПК такого технического средства у нас в стране или вообще не существовало или о его наличии и возможности применения в расследовании разработчики этого закона не догадывались либо не считали этого в то время реальным.

Видимо по этой же причине, ст. 179 УПК предоставляет право следователю при осмотре производить

фотографирование и киносъемку, но умалчивает о видеозаписи и других возможных ТКС. В соответствии с УПК (ст. 183) при производстве следственного эксперимента возможно, как и при осмотре, фотографирование и киносъемка. В то же время это право не предусмотрено ст. 170 УПК, регламентирующей производство обыска и выемки. Более того, им законодательно не наделен следователь в производстве такого следственного действия, как предъявление для опознания (ст. 165 УПК). Это — очевидный нонсенс, ибо при производстве двух последних из названных следственных действий применение таких запечатляющих технических средств, как фотографирование или звукозапись (не говоря уже о видеосъемке), насущно необходимо. В первом из них они позволяют объективно зафиксировать и сам процесс поисков, и место обнаружения искомого объекта до его извлечения из тайника и тем самым предупредить или при необходимости опровергнуть возможные объяснения обыскиваемого о том, что данный предмет был ему подложен обыскивающими, либо, напротив, в отдельных случаях подтвердить этот факт. Приведем весьма показательный в последнем отношении пример из судебной практики.

При задержании и личном обыске Н. в кармане его брюк обнаружена граната, за хранение и ношение которой он и был привлечен к уголовной ответственности. Н. категорически настаивал на том, что граната ему подложена после задержания работниками милиции, подозревающими его в принадлежности к одной из организованных преступных группировок. Процесс задержания и личного обыска Н. оперативными работниками фиксировался видеозаписью, которая в качестве доказательства была представлена в суд. При ее просмотре в суде было установлено, что когда Н. работниками милиции был положен на землю животом вниз и на него были надеты наручники сковавшие его

руки за спиной, около его головы лежали слетевшие с его лица очки. Следующий кадр видеозаписи зафиксировал, как из кармана брюк Н. работник милиции достает гранату, а за ней... очки Н., ранее, как сказано, лежавшие на земле.

Суд совершенно обоснованно постановил по данному делу оправдательный приговор, оставленный в силе затем и кассационной и надзорной судебными инстанциями (Архив Бутурлиновского райсуда Воронежской области, 1999 г.).

Видеозапись всего процесса предъявления для опознания позволяет убедиться в том, например, были ли лица, предъявляемые для опознания, сходны между собой, как того требует закон, по внешности и одежде; не задавались ли следователем опознающему наводящие вопросы или осуществлялись наводящие, т. е. выделяющие опознаваемого из числа лиц, с которому он предъявляется, действия. Именно поэтому в настоящее время и при допросе, и при предъявлении для опознания и в других необходимых случаях следователи активно используют видеозапись.

Действующий уголовно-процессуальный закон вообще не рассматривает возможности применения технических средств другими участниками исследования преступлений — ни прокурором-государственным обвинителем, ни адвокатом-защитником обвиняемого по уголовному делу. И в настоящее время в практике возникли весьма актуальные в этой связи проблемы. В частности, могут ли эти субъекты (конечно, более важны эти вопросы для адвоката) пользоваться и при производстве следственных действий и в суде даже такими элементарными современными техническими средствами, как диктофон или ксерокс? Звукозаписью всего судебного процесса можно объективно установить соответствие или несоответствие протокола судебного заседания тому, как он действительно проходил (об

этих проблемах см. подробнее: Баев М. О., Баев О. Я. Защита от обвинения в уголовном процессе).

Отвечающим, во всяком случае не противоречащим, критерию законности будет применение ТКС и при производстве следственных и иных действий по исследованию преступлений, процессуальная регламентация которых не содержит прямого указания на такую возможность. Но при соблюдении двух обязательных условий: во-первых, применение ТКС не должно каким-либо образом нарушать или ограничивать права участвующих в данном действии лиц; во-вторых, его применение должно быть направлено на объективизацию самого процесса производства действия и полученных в результате его проведения результатов.

Законодателю при разработке УПК РФ следует вообще отказаться от перечисления ТКС, которые можно применять при производстве того или иного следственного действия, ибо никто сегодня не может предугадать, какое техническое средство эффективное для процессуального исследования преступлений, может быть создано криминалистами или приспособлено ими для этого в самое ближайшее будущее. УПК должен содержать не такой перечень, а лишь четко очерченные, научно обоснованные критерии допустимости применения технико-криминалистических средств в уголовном процессе любым его профессиональным участником.

Использование технико-криминалистического средства, иными словами, криминалистические приемы его применения, должны быть нравственно допустимыми, соответствовать требованиям морали и принципам общей и судебной этики. Разумеется, эта проблема наиболее актуализируется, когда ТКС используется при непосредственном взаимодействии с людьми с целью получения от них объективной информации об иссле-

дующим событии, которой эти лица, по мнению следователя, обладают.

Проблема эта весьма сложна и неоднозначна, она активно обсуждается криминалистами и специалистами в области судебной этики. В частности, достаточно интересна она рассмотрена в работе Л. Д. Кокорева и Д. П. Котова «Этика уголовного процесса» (Воронеж, 1993) и в коллективной монографии под ред. М. С. Строговича «Проблемы судебной этики» (М., 1970). Многие из наиболее принципиальных аспектов этой проблемы критически проанализированы Р. С. Белкиным в первом разделе третьего тома его фундаментального Курса криминалистики. Попытаемся вкратце сформулировать наше видение данной проблемы. Технико-криминалистические приемы недопустимы, если:

- 1) в результате их применения с использованием соответствующих технических возможностей искомая следователем информация получается от лица принудительно, помимо осознанного на то желания данного человека. Поэтому категорически недопустимо использование в целях процессуального исследования преступлений различных химических препаратов типа пресловутых «сывороток правды», о чем неоднократно и совершенно однозначно говорится в резолюциях практически всех международных симпозиумов и конференций криминалистов;

- 2) применение ТКС связано с унижением чести и достоинства лица, к которому оно применяется;

- 3) ТКП построен на введении в заблуждение лица относительно сущности используемого технического средства. Классическим в этом отношении является многократно описанный в различных работах пример «убеждения» допрашиваемого в том, что он дает ложные показания путем демонстрации ему колеблющейся стрелки вольтметра (стрелка отклоняется — допрашиваемый лжет, стрелка не колеблется — говорит правду);

4) с помощью технического средства лицу демонстрируется или доводится до его сведения ложная информация, чтобы убедить допрашиваемого дать правдивые показания. Полуанекдотическим, но к сожалению имевшим место быть, примером такого ТКП может служить случай из «передовой следственной практики», сообщенный автору этой книги одним следователем.

Расследовалось уголовное дело о дачи взяток старушками, вязавшими на продажу веники, директору заготовительного государственного пункта, на который они оптом сдавали свою продукцию. По имеющейся оперативной информации за каждый сданный веник старушки отдавали директору по 30 коп. (а так как количество веников исчислялось в сотнях, то и суммы складывались немалые). Большинство сдатчиц признало факты дачи ими взяток зав. приемным пунктом. Изучив личность одной из не сознающихся старушек и выяснив, что она человек богобоязненный, следователь применил смекалку и ТКС. Сделав трансфером (невидимыми чернилами, проявляющимися под воздействием тепла) определенную запись на листе чистой бумаги, он при допросе этой старушки предложил ей положить руку на данный чистый лист бумаги и пояснил, что сейчас точно узнает, давала ли она взятку. Бабушка положила руку на бумагу и под воздействием ее тепла на листе выступили слова. «Бабка, ты лжешь. Ты давала по 30 копеек с веника. Подпись... Бог...» Старушка совершенно обалдела и тут же призналась в даче взяток. Спустя несколько часов, как рассказал следователь, она вернулась к нему и плача сказала, что обманула его и боженьку... не по 30 копеек с веника она давала взятку, а по 35... Иначе как кощунством этот технико-криминалистический прием назвать нельзя.

Именно с позиций названных критериев допустимости и самих технико-криминалистических

средств, и технико-криминалистических приемов их применения следует оценивать возможность использования их по конкретным уголовным делам и рассматривать дискуссионные проблемы, связанные с возможностью применения для процессуального исследования преступлений новых средств и приемов предлагаемых для включения в арсенал криминалистической техники.

Дискуссионные проблемы криминалистической техники

Из многочисленного круга дискуссионных проблем криминалистической техники (многие из них поставлены и глубоко исследованы Р. С. Белкиным в третьем томе его Курса криминалистики) для обсуждения нами выбраны лишь две, наиболее актуальные для современных условий крайне усложнившейся криминалистической практики.

Проблема полиграфа. Полиграф — это прибор, регистрирующий эмоциональное состояние человека при воздействии на него словесными раздражителями (см.: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия, С. 167). «Полиграф, во многом положивший начало современной дискуссии по этой проблеме, — комплекс точных медицинских приборов, непрерывно и синхронно фиксирующих динамику таких реакций допрашиваемого, как давление крови, частоту пульса, глубина и частота дыхания, кожно-гальваническая реакция, степень мускульного напряжения, биотоки мозга и т. п. ...Запись реакций осуществляется таким образом, что оператор отчетливо видит, какой именно вопрос вызвал соответствующую эмоциональную реакцию допрашиваемого. Прибор связан с испытуемым с помощью системы контактных датчиков» (см.: Злобин Г. А., Яни С. А. Проблема полиграфа // Проблемы совершен-

ствования советского законодательства. Труды ВНИИ СЗ МЮ СССР, 1976, № 6. С. 125). В настоящее время есть весьма удовлетворительные попытки создания и бесконтактных «полевых» полиграфов.

Небольшая историческая справка. Создание полиграфа в современном его понимании относится к 20—40 гг. XX века и связано с именами отечественного психолога А. Р. Лурия, американских криминалистов Дж. Ларсона, Л. Килера и Дж. Э. Рида. Эффективность применения этих устройств весьма велика. По мнению отдельных исследователей, «полиграфными испытаниями можно определить наличие «виновных знаний» в 86—92% случаев (см. Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений. М., 1994. С. 6)

Полиграфы достаточно давно и активно используются в правоохранительной практике более 50 стран; в одних из них результаты испытания на полиграфе признаются в качестве судебного доказательства, в других (таких большинство) используются лишь как ориентирующая (диагностическая) информация.

Именно в этом и суть проблемы: можно ли признавать результаты использования данного технико-криминалистического средства в качестве судебного доказательства либо они носят исключительно характер ориентирующей информации?

Конечно, есть и точка зрения, по сути представляющая попытку вообще «закрыть» проблему полиграфа. Нам она представляется в целом непродуктивной — возникшие проблемы нужно решать, а не закрывать.

А. М. Ларин, относя полиграф к средствам лженауки — паракриминалистики — писал: «Сегодня же игры вокруг полиграфа поощряют недальновидные, невежественные руководители прокуратуры и МВД. Чтобы имитировать внедрение в расследование достижений науки и техники, они охотно присушивают к советам, которые им дают деятели особого рода. Эти шуст-

рые господа, которые не склонны день и ночь, в жару и холод преследовать преступников, по крохам в пыли и мусоре собирать доказательства. а предпочитают в комфортабельных кабинетах испытывать полиграфом подозреваемого и обвиняемого, трактуя вкривь и вкось графики на бумажных лентах, ни за что не отвечая и пользуясь при этом всеми благами и преимуществами сотрудников милиции или службы безопасности» (Дарин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996. С. 148). Нет нужды комментировать это высказывание, всецело вписывающееся в стиль разгромных публикаций не столь уж давних лет нашей истории о таких лженауках, как кибернетика или генетика...

Посмотрим на проблему полиграфа с позиций сформулированных выше критериев допустимости технико-криминалистических средств и приемов их применения.

Во-первых, законно ли применение полиграфа? Ответим на этот вопрос утвердительно. «Общую правовую основу тестирования с помощью полиграфа в РФ создают нормы УПК об участии специалиста в следственных действиях и о возможности применения технических средств для собирания, фиксации и использовании информации, а также Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности». В настоящее время действует также Инструкция «О порядке применения полиграфа при опросе граждан (утверждена Генеральной прокуратурой, ФСБ, МВД РФ), зарегистрированная в Минюсте России 28 декабря 1994 г.» (Образцов В. А. Криминалистическая полиграфология // Расследование преступлений: вопросы теории и практики. Воронеж, 1997. С. 57).

Нравственно ли применение полиграфа и соответствует ли оно этике как неременному условию допустимости использования технико-криминалистических средств и приемов? И вновь ответим на эти вопросы утвердительно, исходя из следующих соображений.

Во-первых, совершенно очевидно, что тестирование на полиграфе возможно лишь при согласии, более того, письменном, испытуемого и его адвоката, если таковой имеется — это требование заложено и в названной выше Инструкции о порядке применения полиграфа.

Во-вторых, ответы на предлагаемые вопросы испытуемый дает добровольно и свободно, они (и вопросы, и ответы на них) находятся под контролем его сознания и воли.

В-третьих, никакую ложь полиграф не разоблачает. Он лишь указывает, отклоняется или нет отдельные психофизиологические реакции испытуемого от присущего ему их эталона (который также устанавливается в ходе испытания) на вопросы, содержащие ключевые слова, набор которых связан с исследуемым событием и составляется специалистами на основе сообщаемых ему следователем обстоятельств этого события. «Полиграф не является и средством проникновения в мысли и чувства испытуемого он лишь регистрирует возникновение и наличие тех или иных эмоций и, с этой точки зрения, принципиально ничем не отличается от визуального их наблюдения и констатации следователем, что никем не признается безнравственным» (Белкин Р. С. Курс криминалистики, Т. 3. С. 52). По изложенным выше причинам полиграф обладает необходимым для признания допустимым свойствам избирательности воздействия».

Но есть еще один аспект этой проблемы, заставляющий нас отрицательно решать вопрос о допустимости использования результатов тестирования на полиграфе в качестве судебного доказательства.

То, что полиграф, как комплекс вообще-то сугубо медицинской аппаратуры и оборудования, глубоко научно обоснован, сомнений не вызывает. Но столь ли «научно обоснованна» работа мозга человека? Знаем ли

мы почему у человека возникает та или иная психофизиологическая реакция при ответах на определенные вопросы? Увы, нет. Всего лишь пять процентов нашей психической деятельности сознательна, остальная — подсознательна, и даже — бессознательна.

Пока наука не расшифрует деятельность мозга как судебное доказательство, результаты исследования на полиграфе допускаться не могут. Они носят лишь ориентирующее значение; с помощью полиграфа формируется не доказательственная, а именно ориентирующая информация. Мы согласны с В. А. Образцовым в его конечном выводе в ранее цитированной статье: «Конечным результатом отмеченного взаимодействия (тестирования на полиграфе. — О. Б.) является искомая ориентирующая информация об обстоятельствах, существенных для уголовного дела, выступающая в качестве сигнала, стимула и основы построения следственных версий о причастности либо непричастности испытуемого к расследуемому преступлению, о степени полноты и достоверности данных им показаний и т. д.» (там же. С. 58).

Следует обратить внимание и на такой момент: интерпретация данных тестовых испытаний на полиграфе — вещь очень тонкая и сложная. Очень многие факторы могут исказить его результаты или вообще помешать проведению таких испытаний. Так, В. А. Жбанков приводит следующий перечень обстоятельств, которые могут помешать проведению полиграфных испытаний: менструальный период у женщин или беременность сроком более 100 дней; паралич, ампутация органов, влиявших на расположение чувствительных нервных окончаний, другие сложные хирургические операции, перенесенные недавно; хронические заболевания: гипертония, гипотония, неврозы, сердечная недостаточность и т. д.; эмоциональная неуравновешенность в результате какого-либо происшествия, имеющего непос-

редственное отношение к испытуемому; наркомания, алкоголизм, особенно в период вынужденного отказа от приема алкоголя, наркотиков; неполноценное питание или сильная усталость; умственные и психологические недостатки (по методике, принятой в США, не подлежат проверке на полиграфе лица с коэффициентом умственного развития мене 70); иные психические заболевания и нервные расстройства; принятие лицом алкоголя, снотворного, транквилизаторов, наркотических веществ; наличие простудных заболеваний, хронических расстройств дыхательных путей и голосовых связок; наличие физических болей (Жбанков В. А. Свойства личности и их использование для установления лиц, совершивших таможенные правонарушения М., 1999. С. 102). И если еще можно найти человека, не подпадающего к моменту испытаний на полиграфе под условия, указанные В. А. Жбанковым первыми, то большинство людей так или иначе «впишутся» в остальной его перечень.

В заключение рассмотрения этой проблемы приведем два примера, почерпнутых из личных бесед с людьми, имеющими профессиональное отношение к применению полиграфа. Начальник полиции штата Оклахома (США) мистер М. Upchurch. разъяснил автору этой книги, что в его штате полиция очень часто использует полиграф, но суды штата, к его великому сожалению, результаты тестирования на полиграфе в качестве доказательства не принимают.

Професор И. Е. Быховский, один из первых криминалистов практически проводивших тестирование на полиграфе лиц, подозреваемых в совершении преступлений, рассказывал, что испытание на полиграфе Н., подозреваемого в убийстве, совершенном в подвале, выявило «пики» в его психофизиологических реакциях при ответах на все вопросы, в которых в любом контексте содержалось слово «подвал». В дальнейшем была

установлена полная непричастность Н. к совершению расследуемого убийства. Н. в последующих беседах с экспериментаторами утверждал, что никаких событий, связанных с подвалом, в его жизни не было. И лишь спустя длительное время Н. вспомнил, что в войну, когда он был совсем маленьким, его при бомбежке засыпало в подвале, о чем он в взрослой жизни никогда и не вспоминал. Вот так работает подсознание, вызывая соответствующие эмоциональные реакции на спрятанные в глубине души воспоминания.

В СМИ сообщалось, что британский профессор А. Хирш проанализировал с помощью компьютера изображения президента США Клинтона во время дачи им показаний по делу о лжесвидетельстве об его отношениях с Моникой Левински. По уверениям Херша, когда Клинтон говорил нечто похожее на неправду, его нос незаметно для обычного человеческого глаза... удлинялся. Хирш доказывает, что в основе этого феномена лежит активизация в результате психологического напряжения особых гормонов, что ведет к изменению лица человека. // Труд, №7 от 28 мая 1999.

Проблема судебной одорологии. Судебная одорология есть учение об использовании запахов для идентификации личности. Она основывается «на предположении, что каждый человек обладает присущим ему индивидуальным запахом, обусловленным рядом физиологических процессов, а также производственными, бытовыми и пр. запахами» (Криминалистическая энциклопедия. С. 144—145).

Общеизвестно, что служебно-розыскные собаки издавна и весьма успешно используются в практике оперативных служб различных ведомств (МВД, ФСБ, таможни). Применяются служебно-розыскные собаки для розыска, преследования и задержания преступников по их запаховым следам, неукоснительно и объективно остающимся на местах происшествий, и для вы-

борки собакой из числа представленных ей лиц того, чей запах остался на месте происшествия или на тот предмете, от которых она взяла след.

И не было здесь никакой проблемы до 1965 г., когда А. Винберг, В. Безруков, М. Майорова, Р. Тодорова разработали способ консервации запаховых следов и сконструировали ПОЗ — прибор отбора запаха. Это изобретение официально зарегистрировано в Госкомитете по изобретениям и открытиям с приоритетом с 5 марта 1965 г. Суть его весьма несложна и А. И. Винбергом описана следующим образом: «...тогда с них (объектов, на которых остались запаховые микроследы.— О. Б.) при помощи шприца отсасывается воздух с молекулами запаха и перегоняется в герметически закрывающиеся фляги, хранимые до момента, когда возникает необходимость их использования» (цит. по кн.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. С. 76).

Развивая эту идею, А. И. Винберг пришел к выводу о возможности говорить о становлении нового направления криминалистической техники-судебной (или криминалистической) одорологии в изложенном выше ее понимании. А затем логично возник и следующий вопрос — о возможности использования результатов применения служебно-розыскной собаки в судебном доказывании. «Идея использования результатов применения одорологического метода в доказывании основывалась на появившейся возможности осуществлять идентификацию по запаху не только на этапе интенсивного проведения оперативно-розыскных действий в начале расследования, но практически в любой момент производства по делу» (Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3.).

Началась (и продолжается в настоящее время) широкая научная дискуссия по этой проблеме. В ходе нее высказаны различные, а иногда и диаметрально противоположные мнения: от сводимых к лозунгу «не пус-

тим собаку в уголовный процесс» до обоснования методики производства одорологической экспертизы (таковые уже производятся, в частности, в одорологической лаборатории экспертно-криминалистического центра МВД РФ). К сожалению, в одно время дискуссия вышла из чисто научной области, переросла в личные конфликты между отдельными весьма уважаемыми криминалистами, попытка разрешения которых предпринималась не корректными для науки способами. Как шутили в этой связи в криминалистических кругах, «между ними пробежала собака».

Попытаемся разобраться в этой проблеме на основе сформулированных выше критериев допустимости технико-криминалистических средств и приемов.

В первую очередь, утвердительно ответим на вопрос о правомерности (законности) этого технико-криминалистического средства и технико-криминалистических приемов его применения, основываясь на следующих тезисах. Забор воздуха со следами запаха производится в рамках такого следственного действия, как осмотр места происшествия, регламентированного ст. 178 УПК. Образцы запаха подозреваемых лиц, как и получение любых иных образцов для сравнительного исследования, следователь может осуществить в порядке ст. 186 УПК. Составленный кинологом акт применения служебно-розыскной собаки можно рассматривать как разновидность документов, допустимость использования которых в судебном доказывании предусмотрена ст. 88 УПК. Кроме того, отдельными криминалистами обосновывается мнение, что использование биологического детектора (служебно-розыскной собаки) может быть осуществлено в рамках проведения судебно-odoroлогической экспертизы, назначаемой и проводимой в порядке ст. 78 УПК.

Что касается допустимости этого метода с позиций критерия этичности технико-криминалистических

средств и приемов, то мы не видим оснований сомневаться в их этичности. За единственным исключением. С позиций этого критерия вызывает большие сомнения в своей допустимости такой технико-криминалистический прием, как использование служебно-розыскной собаки для выборки ее по запаху подозреваемого или обвиняемого среди группы лиц заведомо непричастных к делу. Эти лица, предъявляемые собаке, должны чувствовать себя весьма некомфортно. Не говоря уже о том, что собака — источник повышенной опасности, даже если на ней намордник. Однако выборка собакой подозреваемого среди группы лиц — анахронизм, которого легко избежать. Всегда у подозреваемого или обвиняемого можно получить по закону в качестве образца источника запаха какую-либо вещь, бывшую в его личном пользовании, провести выборку вещей, что позволит избежать нежелательных эксцессов» (Белкин Р. С. Там же. С. 93).

Однако если продолжать рассматривать эту проблему с позиций другого обязательного критерия — научной обоснованности, то ответ о допустимости применения одорологического метода в процессуальном доказывании, значительно менее радужный. Во-первых, нет научного обоснования предположению о том, что каждый человек имеет свой сугубо индивидуальный запах. Во-вторых, несмотря на очень обширный положительный эмпирический материал, нет научного обоснования столь высокой, признаваемой всеми, чувствительности обонятельного анализатора собаки. Неизвестно, каким образом, каким путем, какой «собачьей логикой» собака руководствуется, идя по следу запаха к определенному человеку, от запаха к запаху, на чем основывается ее «вывод» о том, что именно этот человек оставил запах. Поэтому информация, полученная в результате применения одорологического метода, информация ориентирующая, а не информация доказательственная.

Наше мнение по этим двум весьма сложным и актуальным проблемам криминалистической техники, естественно, не претендует на его абсолютность. Эти проблемы поставлены жизнью, обусловлены необходимостью поиска новых средств и методов исследования преступлений в условиях столь усложнившейся криминальной и криминалистической практики. Они требуют своего дальнейшего глубокого изучения и проработки возможных путей своего — решения. Касаясь их и обосновывая свою по ним позицию, Р. С. Белкин именует ее именно так, осторожно — «возможные пути решения проблемы» (там же). Наше мнение нельзя рассматривать как попытку «закрыть» любую возможность использования информации, полученной с помощью этих технических средств для процессуального доказывания.

Тема 6

ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

Вопросы:

Понятие криминалистической тактики, ее научные основы и система.

Тактический прием как основа криминалистической тактики и проблемы его допустимости; тактическая операция.

Литература:

Басев М. О., Басев О. Я. Защита от обвинения в уголовном процессе. Тактика профессиональной защиты по уголовным делам. Право обвиняемого на защиту. Воронеж, 1995.

Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики. Волгоград, 1993.

Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987.

Комиссаров В. И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Саратов, 1987.

Шиканов В. И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск, 1983.

Понятие криминалистической тактики, ее научные основы и система

В системе науки криминалистики ее раздел, именуемый тактикой, занимает центральное место. И это неслучайно: все достижения криминалистической техники реализуются в конечном счете через средства криминалистической тактики. Криминалистическая же методика в значительной своей части есть ничто иное как адапта-

ция достижений и средств криминалистической тактики к исследованию соответствующим ее субъектом определенных видов и категорий преступлений.

По мнению большинства ученых, «криминалистическая тактика — это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих судебное исследование, и приемов проведения отдельных процессуальных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений» (Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т., М., 1997. Т. 1. С. 287—288).

Это определение представляется нам неточным, не в полной мере отражающим сущность рассматриваемого раздела науки криминалистики. В нем отсутствует указание на основной признак, отличающий тактику от других видов деятельности человека.

Свои рассуждения по этому вопросу начнем с напоминания, что «стремление к оптимизации достижения целей, удовлетворению интересов наиболее рациональным и экономичным способом присуще любому виду человеческой деятельности, тем более деятельности профессиональной. Однако в практике очень редко встречаются «чистые» задачи оптимизации... Человек, как правило, всегда оказывается в конфликтной ситуации — он стремится к разным целям, ему мешают стремления других субъектов и т. д.» (Моисеев Н. Н., Иванилов Ю. П., Столяров Е. М. Методы оптимизации. М., 1978. С. 8—9).

Средством оптимизации деятельности именно в таких «человеческо-специфических» условиях как раз и выступает тактика.

Термин «тактика» возник в военной науке и обозначает не просто линию поведения и приемы осуще-

ствления отдельных действий, а «особую область теории и практики военного искусства, которая изучает объективные закономерности боя и разрабатывает способы подготовки и ведения его» (Словарь основных военных терминов. М., 1965. С. 224). Обратим внимание на следующую особенность военной тактики (ее будем иметь в виду, ведя речь о различных видах криминалистической тактики): «Каждый вид вооруженных сил и род войск, исходя из присущих им особенностей, имеет свою теорию и практику по организации и ведению боя, а, следовательно, и свою тактику, которая называется тактикой вида вооруженных сил или рода войск» (там же).

В самом широком смысле слова тактика как способ действий существует там и только там, где есть необходимость предупреждать и (или) преодолевать непосредственное или опосредованное противодействие оптимальному (или хотя бы рациональному либо такими представляющимися) достижению интересов действующего в этих условиях субъекта.

Нет потенциального или реального противодействия, нет потенциальной или реальной конфликтности в интересах с кем-либо в достижении стоящей перед субъектом цели — нет нужды в тактике. Нельзя говорить, например, о тактике научной работы, изучения той или иной учебной дисциплины, тактики наук: криминалистики, химии, физики и т. п. Применительно к этим областям человеческой деятельности следует пользоваться понятием «методика» — методика изучения криминалистики, методика научной работы, методика химических или физических исследований и т. д. И в то же время совершенно правомерным и корректным (по очевидным на то причинам в контексте сказанного выше о сущности тактики) является использование этой категории в свете таких видов деятельности, как сдача экзамена (по той же криминалистики

или по любым другим учебным дисциплинам, что постоянно и достаточно эффективно используется многими студентами), утверждение плана работы химического или физического института, финансовых смет на проведение определенных экспериментов, утверждение бюджета и т. д.

Везде, где есть хотя бы элементы потенциальной или реальной конфликтности, где есть необходимость предупреждать или преодолевать чье-либо противодействие — есть тактика. И соответственно этому «во всех сферах деятельности человека, где имеет место тактика, будь то классовая борьба, военное искусство, дипломатия, спорт или расследование преступлений, присутствует элемент конфликтности и борьбы отношений, и каждая из сторон стремится избрать наиболее эффективные приемы достижения своих целей» (Ведерников Н. Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978. С. 74). Именно последним и обуславливается само существование тактики в той или иной области, сфере человеческой, тем более, профессиональной деятельности.

В криминалистику понятие «тактика» в данном его смысле привнесено одним из первых ученых-криминалистов А. Вайнгартом в 1910 г. Он написал в предисловии к одной из своих работ: «Цель этой книги — дать криминалисту то, что дает военному стратегия и тактика. Поэтому я и назвал ее «Уголовная тактика» (цит. по кн.: Бахин В. П. Понятие, сущность и содержание криминалистической тактики. Лекция. Симферополь, 1999. С. 4).

К сожалению, именно этот принципиальнейший аспект «выпал» из приведенного и большинства других известных нам определений криминалистической тактики. Помимо наших по этому поводу работ рассматриваемая особенность тактики отражена и в определении следственной тактики, предложенном в свое вре-

мя А. А. Фелющенко. По его мнению, изучаемая этим разделом криминалистики совокупность приемов раскрытия и расследования преступлений направлена на преодоление противодействия заинтересованных лиц и устранение факторов, препятствующих установлению истины (см.: Фелющенко А. А. Предмет и содержание криминалистической тактики // Теоретические проблемы криминалистической тактики. Свердловск, 1981. С. 11).

Криминалистическая тактика — это часть науки, разрабатывающая на основе соответствующих научных положений не только рекомендации по организации и планированию, определению линии поведения субъектов и приемы проведения отдельных действий. Криминалистическая тактика все это изучает и разрабатывает для совершенно определенных условий — потенциальной или реальной конфликтности интересов субъектов, профессионально взаимодействующих в уголовно-процессуальном исследовании преступлений — и в совершенно определенных целях — для преодоления реального и предупреждения потенциального, непосредственного или опосредованного противодействия со стороны субъектов, имеющих иные интересы, чем интересы субъекта, для которого данный вид тактики изучается и разрабатывается.

На криминалистическую тактику как раздел, подсистему науки криминалистики, распространяется все сказанное ранее о предмете этой науки, ее предметной области (уголовно-процессуальном исследовании преступлений) и ее субъектах — лицах, осуществляющих предварительное расследование преступлений (дознавателе, следователе), прокуроре-государственном обвинителе, адвокате-защитнике обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) по уголовному делу. За единственным исключением: специалист и эксперт, также относимые к субъектам криминалистики, не имеют

своего процессуального интереса в уголовном деле, связанного с необходимостью предупреждать или преодолевать чье-либо противодействие. Они субъекты изучения и использования достижений трех других разделов науки криминалистики (ее общей теории, криминалистической техники и криминалистической методики, последней при чем лишь в части методик использования ими специальных познаний и умений в целях исследования отдельных видов и категорий преступлений). Но субъектами криминалистической тактики по изложенным выше причинам они не являются.

Отсюда под криминалистической тактикой следует понимать систему научных положений и разрабатываемых на их основе соответствующих средств (приемов, рекомендаций по их реализации, операций) допустимого и рационального собирания, исследования и использования доказательственной информации следователем (дознавателем), прокурором-государственным обвинителем, адвокатом-защитником, каждым в соответствии со своей процессуальной функцией в условиях потенциального или реального, непосредственного или опосредованного противодействия со стороны лиц или органов, имеющих иные интересы в уголовном судопроизводстве, чем те, которые имеет субъект, для оптимизации деятельности которого соответствующий вид криминалистической тактики создается.

Таким образом, в системе криминалистической тактики можно выделить (вспомним сказанное выше о видах военной тактики) три самостоятельные подсистемы:

- тактика следственная (предварительного расследования преступлений);
- тактика прокурорская (государственного обвинения по уголовным делам);
- тактика адвокатская (тактика профессиональной защиты от подозрения или обвинения в совершении преступления).

Эти виды тактик содержательно различаются между собой тем, что создаются в целях оптимизации деятельности определенных субъектов. Скажем, изучение проблем производства следственных действий лежит в предметной области следственной тактики. Изучение проблем участия защитника в производстве следственных действий составляет весьма значительный раздел другого вида тактики — тактики профессиональной защиты от обвинения.

Все изучаемые и разрабатываемые криминалистической тактикой средства и методы (приемы, рекомендации, операции — их сущность рассмотрим ниже) базируются на соответствующих научных положениях. Последние, в свою очередь, аккумулируют в себе интерпретированные с учетом специфики данного раздела криминалистики результаты проявления определенных закономерностей, которым подчиняется криминалистическая деятельность и криминалистическая наука в целом.

В числе основных научных положений криминалистической тактики большинство ученых выделяют: уголовно-процессуальные, логические, психологические, этические, собственно тактические положения. Суть их ясна уже из самих наименований таковых. И тем не менее представляется полезным совершенно кратко раскрыть их суть.

Любые действия любого субъекта криминалистической тактики подчиняются уголовно-процессуальному закону, осуществляются в рамках процессуальных институтов и правоотношений, его прав и обязанностей, predetermined уголовно-процессуальным правом и регламентированных уголовно-процессуальным законом. Оптимизация деятельности субъекта тактики невозможна без учета закономерностей, выявленных науками логикой и психологией, основана на использовании проявлений отдельных из них, как и на

глубоком понимании, «прочувствовании» этим субъектом каждого своего действия, каждого реализуемого им приема, нравственного характера всей своей тактической деятельности, оцениваемых с позиций общей и судебной этики как науки о нравственности и морали. Специфика тактической деятельности в уголовном судопроизводстве, многолетний опыт ее позволяют рассматривать обобщенные результаты судопроизводства как систему соответствующих собственно тактических научных положений.

Если говорить также вкратце с самым содержанием криминалистической тактики, то в самом общем виде оно представляется следующим:

- тактика организации, планирования исследования преступлений с позиции соответствующего ее субъекта: тактика организации и планирования расследования преступлений; тактика организации и планирования возбуждения и поддержания государственного обвинения; тактика организации и планирования защиты от подозрения и обвинения в совершении преступлений на предварительном следствии и при судебном рассмотрении уголовных дел адвокатом-защитником подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного;

- тактика взаимодействий и взаимоотношений субъекта данного вида тактики с другими профессиональными участниками уголовного судопроизводства и другими лицами, в том или ином качестве участвующими в процессуальном исследовании преступлений или вовлекаемыми в этот процесс. Так, следственная тактика изучает и разрабатывает соответствующие средства взаимодействий следователя с органами дознания, экспертами, адвокатами, обвиняемыми, потерпевшими и т. д. Адвокатская тактика разрабатывает и изучает средства и способы взаимодействия защитника с следователем и другими указанными выше лицами.

но уже с своих позиций, в своих predeterminedных уголовно-процессуальной функцией защитника целях и в рамках своих процессуальных полномочий, и т. д. В силу значимости проблемы тактики взаимодействий остановимся на ней чуть подробнее. Для каждого субъекта криминалистической тактики серьезность и значимость противоречий в отдельных видах взаимодействий различна, следовательно, различны и средства их предупреждения и разрешения. Скажем, противоречия между следователем и обвиняемым более отчетливые и резкие, чем противоречия во взаимодействиях того же обвиняемого и его адвоката. Естественно они требуют для своего предупреждения и разрешения разных усилий и различных тактических средств. Кроме того, даже принципиальное единство профессиональных интересов некоторых участников исследования преступлений не исключает возможность и реальное возникновение между ними противоречий, предупреждение и разрешение которых предполагает использование тактических средств. Так, по результатам наших исследований, более 82% опрошенных следователей и оперативных работников органов дознания признали факты существования между ними конфликтов. Весьма примечательно, что респонденты называли различные их причины: следователи — нежелание работников дознания выполнять ответственно свои обязанности; дознаватели — неумение следователей использовать представляемую ими оперативную информацию и дачу следователями органам дознания поручений на производство следственных и иных действий, несвойственных функциональным обязанностям органов дознания. Иногда причиной противоречий во взаимодействиях является неверное понимание процессуальных функций взаимодействующих между собой субъектов исследования преступлений. Так, мнение почти половины опрошенных профессиональных

участников уголовного судопроизводства о том, что адвокат должен содействовать раскрытию и расследованию преступлений (да-да, именно так, хотя мы не сомневаемся, что это мнение ошибочно), естественным образом обуславливает возникновение противоречий с этим связанных между защитником и лицами, осуществляющими уголовное преследование подзащитного, и требует для их нейтрализации и разрешения соответствующих виду тактики (следственной, адвокатской) средств;

- тактика отдельных следственных и иных процессуальных действий по исследованию преступлений соответствующим субъектом, для которого данный вид криминалистической тактики изучается и разрабатывается.

Конечно, можно выделить и иные направления изучения и разработки содержания соответствующих видов тактики (например, тактику использования тем или иным ее субъектом в своей деятельности достижений научно технического прогресса, и т. п.). В свою очередь, внутри каждого вида криминалистической тактики можно провести классификацию его содержания и по другим основаниям. Например, следственную тактику можно изучать по этапам доказательственной деятельности следователя: тактика собирания, тактика исследования, тактика использования следователем доказательственной информации. Адвокатскую тактику можно изучать и разрабатывать как и по этапам его доказательственной деятельности, так и по стадиям уголовного судопроизводства, на которых она реализуется: тактика участия адвоката на предварительном следствии, тактика участия адвоката в судебном рассмотрении уголовного дела, в том числе в суде первой и других инстанций отдельно. Тактика государственно-го обвинения может состоять из тактики его возбуждения и тактики его поддержания в суде, в том числе,

как и в адвокатской тактике, в зависимости от вида инстанции, в котором оно осуществляется.

Наиболее существенную часть любого вида криминалистической тактики составляет тактика ее субъекта в производстве следственных действий, а также действий судебных следственного характера. Под таковыми в криминалистической и уголовно-процессуальной теории понимаются закрепленные уголовно-процессуальным законом отдельные комплексы познавательных и удостоверительных операций, направленные на собирание, исследование, использование и оценку доказательств (см.: Шейфер С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма. М., 1982).

В то же время ученые различно понимают и суть следственных действий и их систему. Одни полагают, что все процессуальные действия следователя есть действия следственные; другие (в том числе и автор данной книги) — что все следственные действия есть действия процессуальные. Однако не все процессуальные его действия есть действия следственные, ибо не все они направлены непосредственно на доказывание, на переработку доказательственной информации (например, избрание обвиняемому меры пресечения, отстранение его от должности и ряд других при всей своей несомненной важности, да и сложности исполнения в отдельных случаях по определению преследуют иные цели, чем доказывание). Также обстоит дело и с действиями судебными. Далеко не все они носят при всей своей значимости следственный характер. В силу значимости данной проблемы для определения содержания этой наиболее существенной части криминалистической тактики остановимся на ней несколько подробней.

А. А. Протасевич, Д. А. Степаненко и В. И. Шиканов, проанализировав действующий уголовно-процессуальный закон, пришли к выводу, что он закрепляет 14 следственных действий:

● допрос (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, свидетеля, потерпевшего, эксперта);

● очная ставка;

● предъявление для опознания;

● обыск;

● осмотр;

● задержание подозреваемого;

● наложение ареста на имущество;

● наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию;

● выемка предметов и документов, имеющих значение для дела (помимо почтово-телеграфной корреспонденции);

● следственный эксперимент;

● экспертиза;

● получение образцов для сравнительного исследования (см.: Протасевич А. А., Степаненко Д. А., Шиканов В. И. Моделирование в реконструкции расследуемого события. Иркутск, 1997. С. 11).

Вряд ли с этим перечнем с учетом сказанного выше о сущности следственных действий можно полностью согласиться.

Во-первых, одни из называемых ими в качестве самостоятельных следственных действий, по существу лишь разновидности других следственных действий, входящих в тот же перечень, соотносясь с ними как частное к общему. Что есть, например, освидетельствование, как не разновидность осмотра, состоящая в осмотре тела живого человека? Что такое очная ставка как не разновидность допроса, ибо суть ее и состоит в одновременном допросе двух лиц для устранения имеющихся существенных противоречий в данных ими ранее показаниях? Что такое выемка, как не разновидность обыска (на это прямо указывает уголовно-процессуальный закон, представляющий право на осуществление выемки принудительно. А принудитель-

ная выемка — это «чистый» обыск, правда, проводимый в облегченном по сравнению с «настоящим» обыском процессуальном режиме, в частности, без санкции на то прокурора).

Во-вторых, какая доказательственная информация в принципе может быть получена в результате таких действий, как наложение ареста на имущество, производство, как известно, для обеспечения возмещения причиненного преступлением материального ущерба и морального вреда и (или) возможной конфискации имущества по решению суда, либо задержание подозреваемого, преследующего совершенно конкретные цели, не обуславливаемые целями доказывания как такового?

В-третьих, какая сама по себе доказательственная информация собирается и исследуется в результате таких предследственных, вспомогательных действий, как эксгумация или получение образцов для сравнительного исследования? Эксгумация состоит в извлечении трупа из места его захоронения. При всей своей организационной и, зачастую, этической сложности проведения эксгумация сама по себе не ведет к получению доказательственной информации; последняя может быть получена не из самого факта извлечения трупа из земли, а в результате его осмотра и (или) проведения назначаемых в его отношении судебных экспертиз. Аналогично с этим, получение образцов для сравнительного исследования лишь предследственное, вспомогательное действие, обеспечивавшее возможность проведения такого действительно уже следственного действия, как назначение экспертизы.

В фундаментальном учебнике «Криминалистика» Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, Ю. Г. Корухова, Е. Р. Россинской тактические проблемы освидетельствования совершенно обоснованно составляют параграф главы, посвященной тактике следственного осмотра,

очной ставки — главы «Тактика допроса»; глава 40 озаглавлена «Технология (но не тактика. — О. Б.) получения образцов для сравнительного исследования» (см.: Криминалистика / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. С. 570—571, 621—823, 670—674).

По нашему мнению, к следственным действиям, тактика которых составляет соответствующую часть содержания криминалистической тактики в целом, следует отнести:

- следственный осмотр, в том числе его разновидность — освидетельствование);
- обыск (в том числе его разновидность — выемку);
- допрос (в том числе и очную ставку, являющуюся его разновидностью);
- следственный эксперимент (в том числе и проводимый путем воспроизводства и проверки показаний на месте);
- предъявление для опознания;
- назначение экспертизы (хотя есть и иные мнения, в том числе и приведенное выше, именно назначение экспертизы, а не сама экспертиза, является следственным действием; сама же экспертиза в сути своей — лишь научное исследование представленных следователем объектов, предполагающее методику, а не тактику производства).

Здесь может возникнуть следующий логичный вопрос: какое же противодействие следователь (будем говорить о нем, ибо следственная тактика — основной вид, подсистема криминалистической тактики) должен предупреждать или преодолевать при производстве таких действий, как осмотр или назначение экспертизы, производимых «бесконтактно» с лицами, имеющими иные, чем он, личные и профессиональные интересы в уголовном деле? И, следовательно, правомерно ли говорить о тактике этих следственных действий в контексте изложенного выше понимания криминалис-

тической тактики в целом? Ответим на этот вопрос утвердительно по двух причинам.

Во-первых, при производстве названных следственных действий следователь находится в условиях необходимости преодоления опосредованного противодействия со стороны лица (лиц), предпринявшего попытку уничтожить или исказить следовую обстановку произошедшего события (на месте происшествия, своей одежде, теле, осуществившего интеллектуальный или материальный подлог документов, и т. п.), либо скрывшегося с места происшествия или скрывшего свою причастность к расследуемому событию, либо, наконец, искажающего в своих объяснениях на месте происшествия его мотивы и(или) существенные обстоятельства. А это уже само по себе является противодействием объективному и полному исследованию данного деяния, в значительной мере усложняющим этот процесс. И именно на преодоление такого противодействия направлены названные следственные действия, для этого и разрабатывается их тактика.

Во-вторых, производство таких следственных действий осуществляется в условиях «конфликтов с природой». Суть их в том, что мы не знаем замысла Господа Бога, не знаем «замыслов» природы, но априори принимаем их антагонистическими (противоположными) интересам, в нашем случае, следователя. Этому тезису есть корректное научное обоснование в такой научной дисциплине, как теория игр (см.: Ватель И. Л., Ерешко Ф. И. Математика конфликта и сотрудничества. М., 1973. С. 15—16). Наиболее характерным примером «конфликта с природой» является ежегодно ведущаяся на полях нашей Родины «битва за урожай». Скажем, неизвестно, пойдет ли в конкретном случае расследования преступления дождь или снег, который смоем или скроет следы преступления, но предполагая гипотетическую такую возможность, криминалистическая

тактика и выработала одну из своих основополагающих относительно данного следственного действия рекомендаций — о неотложном характере осмотра места происшествия с учетом этого возможного противодействия со стороны природы. Объективное изменение следовой обстановки на одежде (и потерпевшего, и лица совершившего преступление) в случае ее контакта с другими объектами обусловило разработку соответствующих тактических рекомендаций по ее изъятию и хранению для предупреждения таковых контактов и последовательности назначения судебных экспертиз по данному объекту и т. д.

В этой связи необходимо сделать следующее замечание: в таком противодействии «природа» всегда «играет на руку» только одной стороне в исследовании преступлений. В самом деле, дождь, смывающий следы на месте происшествия, противостоит интересам следователя и его действиям по обнаружению их при осмотре. В то же время он (дождь) в определенном мере облегчает деятельность адвоката по защите обвиняемого, следы которого тот самый дождь смыл. Несоблюдение тактических рекомендаций по изъятию и хранению одежды, последовательности назначения по ней судебных экспертиз позволят защитнику поставить под обоснованное сомнение заключение экспертизы, например, по обнаруженным на ней микрочастицам, если таковое используется обвинением как изобличающее подзащитного доказательство, и т. п.

Перечисленные выше следственные действия, осуществляемые в суде (а в стадии судебного следствия, как известно, по закону возможно производство любого из них — ст. 70 УПК; практически условия судопроизводства исключают возможность осуществления в судебном процессе некоторых из них, в частности, обыска и предъявления для опознания личности) выступают как судебные действия следственного характера.

Кроме того, к ним с определенной степенью условности следует отнести и выступления сторон в судебных прениях в части, касающейся исследования и оценки в них сторонами доказательств, ибо этот компонент является необходимым элементом доказывания, носящим при этом достаточно отчетливый тактический характер.

Тактический прием как основа криминалистической тактики и проблемы его допустимости; тактическая операция

Основу разработочной части криминалистической тактики составляет тактический прием. О его сути в литературе высказываются различные мнения.

Одни ученые (Р. С. Белкин, И. М. Лузгин, В. И. Шиканов и др.) под тактическим приемом понимают рациональный способ действия или такую же линию поведения при организации, планировании и осуществлении предварительного и судебного следствия. Другие полагают, что тактический прием (в следственной тактике) есть «научно обоснованная рекомендация о наиболее оптимальном поведении, способе действия следователя, разработанном с учетом типичных ситуаций производства следственных действий в целях создания эффективных условий подготовки, организации выявления, собирания и оценки доказательственной информации» (Комиссаров В. И. Теоретические проблемы следственной тактики. Саратов, 1987. С. 65; Божкова Н. Р., Власенко В. Г., Комиссаров В. И. Следственная (криминалистическая) тактика. Часть 1. Саратов, 1986. С. 57—59).

Вторая точка зрения представляется нам неубедительной. При таком подходе ставится в сущности знак равенства между двумя криминалистическими категориями — приемом и рекомендацией. О том, что это неверно свидетельствует хотя бы элементарный синони-

мический анализ этих понятий: термин «прием», как известно, обозначает способ действия; «рекомендация» — совет (см.: Словарь русского языка М., 1959. Т. 3; 1961. Т. 4). Совет может быть лишь относительно чего-то, в том числе и относительно способов действия, т. е. приемов. Очевидно что совет может быть дан лишь при наличии многозначности в возможных и допустимых способах действий. Если такой альтернативы нет, можно говорить о существовании единственного способа действий, оптимального для всех ситуаций.

Криминалистическая тактика обосновала сейчас уже аксиоматичное положение с том, что успех допроса зависит от наличия психологического контакта между следователем и допрашиваемым. Установление его — тактический прием. Однако при расследовании преступлений различных видов, при взаимодействии с лицами различных социально-психологических характеристик (несовершеннолетними, рецидивистами и т. п.) реализация этого приема имеет серьезные особенности. Советы о том, как в тех или иных условиях устанавливать психологический контакт с допрашиваемым и составляют содержание соответствующих тактических рекомендаций.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и рассмотреть сущность такой криминалистической категории, как *следственная ситуация*. Именно применительно к отдельным из них преимущественно разрабатываются все тактические средства, ибо вся тактическая деятельность по исследованию преступлений — деятельность ситуационная. Тем более это представляется необходимым в связи с тем, что проблемы сущности и классификаций следственных ситуаций весьма неоднозначно трактуются в криминалистической литературе.

По мнению большинства ученых, следственная ситуация это обстановка расследования конкретного

преступления. Так, Р. С. Белкин понимает под ней «конкретную обстановку, в которой действует следователь и иные субъекты, участвующие в доказывании, и в которой протекает конкретный акт расследования» (Белкин Р. С. Указ. соч. Т. 3. С. 129). На этой же позиции стоят и авторы первого учебника криминалистики Казахстана. Следственная ситуация, полагают они, «существующая в данный момент реальности, те же условия, в которых действует следователь» (Гинзбург А. Я., Белкин А. Р. Криминалистическая тактика. Алматы, 1998. С. 3).

С такой трактовкой следственной ситуации согласиться нельзя. Основной просчет авторов, придерживающихся этой концепции, в том, что они не делают отличий между ситуацией (обстановкой) расследования конкретного преступления конкретным следователем и следственной ситуацией как категорией науки криминалистики.

При понимании следственной ситуации как обстановки, обуславливающей — осложняющей или облегчающей — расследование конкретного преступления, в ее структуру неизбежно вовлекаются личность конкретного следователя, а также технические, организационные и другие возможности, силы и средства, которыми конкретный следователь в каждом конкретном случае располагает при осуществлении расследования. Действительно, именно это во многом обуславливают, формируют ситуацию расследования конкретного преступления. И потому одна и та же обстановка расследования конкретного преступления разным следователям может показаться различной, оценена может быть ими различно. Это зависит от опыта следователя, его интеллектуальных, психологических и эмоциональных особенностей, специализации его на расследовании преступлений отдельных видов, даже, может быть, от пола следователя. В каждом конкретном случае следо-

ватель располагает различной и материальной и организационной базой для расследования. И если в этой связи понимать ситуацию расследования как следственную ситуацию, то наука криминалистика, разрабатывая тактические рекомендации по применению тех или иных приемов, должна эти факторы учитывать. Тогда бы эти рекомендации выглядели примерно следующим образом: если ты следователь умный делай так; если поглупее — делай так; а если совсем интеллектуально плохой — делай так; или: если у тебя есть машина делай так, если лошадка — делай так и т. п. Разумеется, это очевидный нонсенс.

По нашему убеждению, следственная ситуация как категория науки криминалистики есть ничто иное как модель типичных ситуаций расследования (об этом см. подробнее: Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987). И как любая модель, следственная ситуация в таком ее понимании охватывает, ограничивает себя лишь наиболее значимыми, наиболее типичными свойствами и признаками тех ситуаций расследования конкретных преступлений, моделью которых она выступает. И именно применительно к таким моделям ситуаций расследования и создаются все криминалистические, в том числе тактические средства.

Есть множество классификаций следственных ситуаций Р. С. Белкина, В. К. Гавло, Л. Я. Драпкина и др. Видимо, здесь нет необходимости в подробном их анализе. Наше мнение по этой проблеме изложено в работе «Конфликтные ситуации на предварительном следствии» (Воронеж, 1984). Хотелось бы лишь обратить внимание на следующий момент, недостаточно, на наш взгляд, учитываемый в исследованиях проблем следственных ситуаций: основания конструирования следственных ситуаций (создание моделей конкретных ситуаций расследования преступлений) различаются в

зависимости от того в каких целях — тактических или методических — это конструирование производится (о следственных ситуациях с позиций криминалистической методики речь пойдет в соответствующей главе настоящей работы).

С позиций следственной тактики наиболее значимы следственные ситуации, в основу классификации которых положено отношение субъекта взаимодействия следователя к имеющейся у данного субъекта и искомой следователем информации. По этому основанию можно выделить в самом широком смысле четыре следующих ситуации:

- субъект обладает искомой следователем информацией, адекватно ее воспринял, желает и может также адекватно воспроизвести ее следователю;
- субъект обладает искомой следователем информацией, но воспринял ее и (или) передает следователю с неумышленными на то искажениями;
- субъект обладает искомой следователем информацией, но умышленно ее скрывает или искажает;
- субъект не обладает требуемой следователю информацией, но последний считает, что субъект ее по тем или иным причинам скрывает.

Несколько иные основания обуславливают возникновение той или иной ситуации в адвокатской тактике (по аналогии со следственными ситуациями их можно именовать защитными). К ним можно отнести два их структурообразующих фактора:

- а) отношение подзащитного к сущности предъявленного ему обвинения (возникшего в отношении него подозрения) в совершении преступления;
- б) наличие доказательств, изобличающих подзащитного в совершении инкриминируемого ему деяния, и степень информированности о них защитника.

С этих позиций в самом общем приближении при-

менительно к моменту завершения предварительного расследования можно выделить следующие защитные ситуации:

- подзащитный признает свою вину в совершении вмененного ему преступления, и в деле имеются достаточные доказательства, объективно подтверждающие его признание;

- подзащитный виновным себя признает, однако доказательств, объективно подтверждающих его признание, в деле не имеется;

- подзащитный виновным себя не признает, а совокупность имеющихся доказательств, на взгляд адвоката, недостаточна для признания его виновным;

- подзащитный виновным себя не признает, однако он, по мнению защитника, изобличается имеющимися доказательствами и их совокупность достаточна для признания его виновным в совершении преступления (об этом подробнее см.: Баев М. О., Баев О. Я. Защита от обвинения в уголовном процессе. Воронеж, 1995).

Именно создание тактических приемов и рекомендаций по их реализации применительно к различным следственным (защитным) ситуациям в максимальной степени адаптирует все достижения криминалистической тактики к практическим потребностям того субъекта, для которого соответствующий вид тактики (следственной, адвокатской) разрабатывается.

Отсюда с учетом нашего понимания предмета криминалистической тактики в целом, под тактическим приемом следует понимать научно и экспериментально обоснованный рациональный и допустимый способ действия или такую же линию поведения при собирании, исследовании и использовании доказательственной информации субъектом соответствующего вида криминалистической тактики в условиях потенциального или реального, непосредственного или опосредованного проти-

водействия со стороны лиц и (или) органов, имеющих иные, чем данный субъект, личные или профессиональные интересы в уголовном судопроизводстве.

И соответственно этому, под тактической рекомендацией следует понимать криминалистический научно и экспериментально обоснованный совет о рациональном и допустимом применении отдельных тактических приемов субъектом соответствующего вида криминалистической тактики в различных тактических ситуациях осуществления им своей деятельности.

Далее остановимся на нескольких весьма важных, но ранее не комментируемых положениях, включенных в сформулированные выше определения тактического приема и тактической рекомендации: о научной и (или) экспериментальной обоснованности и рациональном и допустимом их характере.

Все тактические средства создаются и включаются в арсенал субъектов правоприменительной деятельности трояким путем. Во-первых, теоретическим, как обоснование наукой криминалистикой возможности использования в тактических целях результатов проявления отдельных закономерностей и отдельных результатов их проявления, осознанных в таком качестве и изученных наукой криминалистикой. Например, тактическая рекомендация о том, что для опознания человека опознающему следует предъявлять не менее трех, но не более девяти человек, основана на использовании психологической закономерности, известной в литературе как «закон миллеровской семерки». Согласно ему человек одновременно адекватно и качественно может воспринимать семь плюс-минус два объекта. Во-вторых, как обоснования криминалистикой возможности использования в тактических средствах отдельных способов действия и поведения, созданных практикой криминалистической деятельности. Характерным примером таковых последних лет являются нетрадици-

онные методы воздействия на допрашиваемого. Они предложены для включения в тактический арсенал на основе своего многолетнего следственного опыта Н. Н. Китаевым и другими криминалистами (использование биоритмов допрашиваемого, музыки, запахов в процессе допроса), научная обоснованность и допустимость которых широко и активно обсуждается в литературе. И, наконец, третьим путем включения в арсенал тактических средств отдельных приемов и рекомендаций является волеизъявление на то законодателя. Об этом следует сказать несколько подробнее.

В принципе в уголовно-процессуальный закон включаются лишь обоснованные наукой криминалистикой и теорией судебных доказательств приемы и рекомендации, проявившие свою оптимальность при исследовании преступлений любых видов во всех мыслимых следственных ситуациях (об этом см. подробнее: Баев О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. Воронеж, 1977). Но это только в принципе. Далеко не со всеми включенными в действующий уголовно-процессуальный закон тактическими приемами и рекомендациями можно согласиться, и не всегда законодатель в этом отношении последователен. Например, запрещение задавать наводящие вопросы касается лишь допроса свидетеля и потерпевшего, а также лица, дающего объяснения при производстве с ним опознания, но почему-то не закреплены в такой же императивной форме относительно допроса обвиняемого или подозреваемого, хотя негативные возможные последствия использования такого тактического приема, как постановка наводящих вопросов, при допросе этих лиц ни чем не меньше, чем при допросе свидетелей и потерпевших. Нам представляется тактически неверным то, что в соответствии с ст. 163 УПК допрос на очной ставке должен начинаться с выяснения отношений между собой допрашиваемых. Дело в том, что

выяснение отношений между участниками очной ставки перед постановки им вопросов по существу предмета этого следственного действия может иметь отрицательный «наводящий» эффект: лицо, которое понимает, что второй участник очной ставки даст изобличающие его показания, тут же может заявить, что отношения между ними неприязненные и тем самым опорочить такие показания. Вопрос об отношениях между допрашиваемыми выяснять, безусловно, надо, но вряд ли следовало бы обязывать следователя во всех ситуациях именно с него начинать очную ставку. Очень много спорных с позиции криминалистики приемов и рекомендаций содержится в обсуждаемых в настоящее время проектах УПК РФ. И тем не менее: «закон есть закон и содержащиеся в нем приемы и предписания, выраженные в императивной (обязательной) форме, подлежат неукоснительному их выполнению и соблюдению.

Говорить о тактическом приеме как о «наиболее оптимальном поведении, способе действия», как то предлагается В. И. Комиссаровым и некоторыми другими авторами, на наш взгляд, излишне амбициозно (не обращая даже внимание на саму некорректность словосочетания «наиболее оптимальное» — оптимальное означает наилучшее). Проблема оптимальности сложна и неоднозначна. Наилучшим ли был использованный прием или нет, можно судить лишь по результатам его применения в конкретных условиях, в конкретной тактической ситуации. Более точно говорить о рациональности приема. Иными словами, стоящую перед субъектом тактическую цель в принципе можно достигнуть несколькими способами действий. Один из них нам в настоящее время теоретически и эмпирически представляется более рациональным — его-то мы и облачаем статусом тактического приема, осознавая при этом, что возможно теория и практика криминалистики в

дальнейшем создаст более рациональный способ действия для достижения той же тактической цели.

Более сложный и более принципиальный характер носит вводимое в определение тактического приема указание на такое неперменное его свойство, как допустимость. Есть мнение, что включение указания на него в определение тактического приема необоснованно, ибо это аксиоматичное положение. Действительно, это аксиоматично. Но само понимание допустимости тактического приема настолько в высшей степени дискуссионно, что не может не сказаться на сущности разрабатываемых криминалистикой тактических средств. Прежде, чем рекомендовать тот или иной способ действия в качестве тактического приема, принципиально важно решить вопрос о его допустимости. Именно на это направлено данное указание в определении сущности тактического приема как одной из основных криминалистических категорий.

По мнению большинства исследователей проблем допустимости тактического приема и тактических средств, тактический прием допустим, если он отвечает трем взаимосвязанным и взаимообусловленным условиям (критериям): законности, нравственности и избирательности воздействия. Рассмотрим эти критерии в силу их значимости подробнее.

• *Тактический прием должен быть законен, правомерен.* Это означает его применение субъектом соответствующего вида криминалистической тактики в рамках и пределах его компетенции, установленных законом при неукоснительном соблюдении им установленных запретов на то или иное поведение (например, наводящие вопросы запрещаются) и предписаний об условиях производства отдельных следственных действий (например, лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех). Принципиальное значение для оценки допустимости тактического приема с позиций

критерия его законности являются положения ст. 20 УПК: «Запрещается помогать показаниям обвиняемого и других участвующих в деле лиц путем насилия, угроз и иных незаконных мер». (В этом, на первый взгляд, не вызывающем возражений положении, не все так просто. В частности, как понимать в его контексте предупреждение свидетеля и потерпевшего перед началом их допроса по ст. ст. 307 и 308 УК РФ? Разве это не угроза, но угроза законная и вполне допустимая уголовной ответственностью за дачу этими лицами заведомо ложных показаний или за отказ от дачи показаний?)

С этим процессуальным предписанием корреспондируются ст. 302 УК, установившая весьма строгую уголовную ответственность (до восьми лет лишения свободы при отягчающих обстоятельствах) за принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта к даче заключения путем применения угроз, шантажа и иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание. Речь в данной статье идет об уголовной ответственности следователя или дознавателя вне зависимости от того правдивые или ложные показания ими получают или делается попытка их получить запрещенными этой нормой закона способами.

Такой же граничный характер для оценки допустимости тактического приема с позиции критерия законности, но уже для адвокатской тактики носят уголовно-процессуальное предписание об обязанности защитника использовать лишь «все указанные в законе средства и способы» (ст. 51 УПК) и также имеющее отношение к тактической деятельности адвоката ст. 306 УК, установившая «полновесную» уголовную ответственность за подкуп или принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ими ложных показаний или

уклонению от дачи показаний, также как эксперта в целях дачи им ложного заключения и переводчика с целью осуществления им неправильного перевода. Неясно, однако, почему в круг лиц, в отношении которых возможны подкуп или принуждение не включены подозреваемый и обвиняемый? Разве не реальные ситуации, когда и в их отношении осуществляются подобные действия для «убеждения» «взять» преступление на себя либо смягчения степени участия и, соответственно ответственности другого лица? С высокой степенью уверенности можно предположить, что именно такие действия защитников имели в виду опрошенные профессиональные участники уголовного судопроизводства, 76,7 % которых отметили, что адвокаты чаще всего используют для защиты как законные, так и незаконные средства (см.: Баев М. О., Баев О. Я. Вопросы защиты от обвинения с точки зрения профессиональных участников уголовного судопроизводства // Защита прав и свобод граждан. Воронеж, 1998. С. 8—9).

• *Этичность тактического приема* означает, что он, вне зависимости от того, кем из профессиональных участников уголовного судопроизводства применяется, должен соответствовать принципам морали и нравственности, требованиям общей и судебной этики. Это, казалось бы, очевидно. Но как раз именно оценка допустимости конкретных тактических средств с позиций их этичности вызывает наибольшие разногласия среди криминалистов. К сожалению, на наш взгляд, большинство из них по сути решают этот вопрос исходя из личного понимания морали и нравственности, не утруждая себя серьезным этическим обоснованием своего мнения. Следует в этой связи согласиться с А. Д. Бойковым, заметившим, что наиболее существенным недостатком многих работ по судебной этике и является то, что нравственные оценки тех или иных тактических

приемов следователя, адвоката авторами не обосновываются, а лишь провозглашаются (см.: Бойков А. Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. М., 1978. С. 164).

Понимая всю серьезность подобных «обвинений», в подтверждение сказанному приведем мнения ученых по вопросу этической допустимости одного и того же приема из арсенала следственной тактики. Он заключается в создании у подследственного преувеличенного представления об объеме имевшихся у следователя доказательств и их значимости.

М. С. Строгович: «нет никаких сомнений в том, что (это) есть обман лица, с сообщением ему ложных сведений, а не что иное. Но солгать можно прямо, словами, а можно то же сделать более сложным способом, — таким образом, что слова и предложения сами по себе ложными не являются, но они так построены и даны в таком контексте, сказаны таким тоном и с такой мимикой, что тот, кому они высказаны, ложь примет за правду, а правду за ложь. А это есть обман, ложь, которая от того, что она подана в особо хитроумной форме, не делается допустимой; наоборот, она приобретает особо нетерпимый, незаконный и аморальный характер».

Мнение Г. Ф. Горского и Д. П. Котова по этому же поводу: «... при создании преувеличенного представления об объеме отдельных доказательств следователь всегда неизбежно стоит на грани лжи. Это всегда необходимо учитывать».

Р. С. Белкин, проанализировавший приведенные мнения, приходит к иному выводу — о допустимости этого тактического приема без каких-либо оговорок, ибо видит в нем лишь создание следователем условий, при которых у подследственного может сформироваться ошибочное представление об объеме имеющихся в распоряжении следователя доказательств: «он (следова-

тель) лишь создает такие условия, при которых у подследственного это формирование становится возможным, а случится это или нет — зависит целиком от подследственного, от свободно выбранной им позиции» (Белкин Р. С. Указ. соч. С. 138—139).

Таким образом, эти авторы приходят к принципиально различным суждениям об этической оценки допустимости рассматриваемого тактического приема. Видимо в этой связи, с одной стороны, прав Р. С. Белкин, который заключает свой анализ мнений различных авторов по проблеме допустимости ряда тактических приемов словами: «Криминалистическая тактика не рассчитана на «эксцесс исполнителя» и не может во всех случаях предусматривать популярную в технике «защиту от дурака» в виде, например, системы предохранителей, не позволяющих по невежеству или небрежности нажать спусковое устройство» (там же. С. 140).

С другой стороны, криминалистика разработала ряд систем оценки этической допустимости тактических средств. И такой подход не только вполне «допустим», но и плодотворен. Аккумулирование в них этических принципов и знаний в приложении к специфике различных аспектов криминалистической деятельности и к ее различным субъектам позволяет хотя бы в определенной степени решать столь насущный и вечно актуальный вопрос о правоприменении как нравственной самости, если не исключить, то хотя бы уменьшить вероятность подхода к праву как к «факультету ненужных вещей» — науки о формальностях, бумажках, процедурах» (Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М., 1389. С. 87).

И все же при всей тщательнейшей работанности этих проблем, предлагаемые отдельными авторами критерии нравственного поведения и действий профессиональных участников тактической деятельности в уголовном процессе, не вызывая в большинстве своем

принципиальных возражений, страдают, на наш взгляд, одним общим существенным недостатком: они оказываются в отдельных ситуациях либо недостаточными, либо «размытыми» для оценки с их позиций этической допустимости конкретных тактических средств в конкретных многообразных ситуациях практической деятельности.

Весьма показательны в этом отношении данные относительно допустимости тактических приемов, основанных на обмане, приводимые Р. С. Белкиным: «Опрос 210 следователей органов прокуратуры и внутренних дел свидетельствует, что 75 % респондентов считают обман допустимым, хотя и прибегают к нему в своей практике редко или вообще не прибегают; 10 % считают обман аморальным и недопустимым в следственной практике, указывая в то же время, что рекомендуемые в литературе «хитрости» и «ловушки» они не считают основанными на обмане; 15 % респондентов в той или иной форме уклонились от прямого ответа. К этому следует добавить, что некоторые из тех следователей, которые отрицают правомерность обмана, в личной беседе приводили подчас такие примеры, которые свидетельствовали об их нечетком представлении об обмане или слишком узком толковании этого понятия» (Белкин Р. С. Нравственные начала деятельности следователя органов внутренних дел. Лекция. М., 1999. С. 13).

Видимо, для того, чтобы критерий этичности тактических средств «работал», позволял в каждом конкретном случае наиболее точно и объективно оценить допустимость отдельных из них, он должен представлять значительно более разветвленную систему, в идеале охватывающую все мыслимые средства и все мыслимые ситуации, возникновение которых возможно в деятельности того или иного профессионального участника тактической деятельности в уголовном процес-

се. Криминалистика и судебная этика в основном применительно к деятельности следователя создали несколько таких систем. Обычно они представляют собой наборы условий, которым, на взгляд их авторов, с позиции нравственности и морали, принципов общей и судебной этики должен соответствовать избираемый тактический прием. Уязвимость такого подхода, на наш взгляд, заключается в том, что такие системы всегда «открыты»: они всегда могут быть дополнены и другими, не менее значимыми с точки зрения этики положениями (количество последних представляется неисчерпаемым).

Более плодотворным, «работоспособным» представляется подход к созданию системы условий, составляющих критерий этической допустимости тактических средств следователя, предложенный И. Е. Быховским. Им сформулированы практически исчерпывающие положения, ни одно из которых *не должно* нарушать тактический прием. Иными словами, если тактический прием не нарушает ни одного из предлагаемых им условий — он с позиции этики допустим и может использоваться следователем. Здесь уместно заметить, что заповеди Моисея, на которых строится в сущности вся современная мораль и этика, также негативны по форме: не убий, не укради, не лжесвидетельствуй...

По мнению И. Е. Быховского, тактический прием расследования не должен: 1) унижать честь и достоинство обвиняемого, подозреваемого или иных лиц; 2) влиять на позицию невиновного, способствуя признанию им несуществующей вины; 3) оправдывать само совершение преступления и преуменьшать его общественную опасность; 4) способствовать оговору со стороны обвиняемого или иного лица других невиновных, лиц, а также обвинению виновных лиц в большем объеме, нежели это соответствует их фактической вине; 5) строиться на неосведомленности подозреваем-

мого, обвиняемого или иных лиц в вопросах уголовно-го права и процесса; 6) способствовать развитию у обвиняемого, подозреваемого или иных лиц низменных чувств, даче ими ложных показаний, совершения других аморальных поступков; 7) основываться на сообщении следователем обвиняемому, подозреваемому или иным лицам заведомо ложных сведений, в частности, о происхождении предметов или документов; 8) подрывать авторитет органов прокуратуры, МВД, суда (см. Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы следственных действий. Автореф. дисс... д-ра юрид. наук. М., 1976. С. 19—20).

Очевидно, что для тактических средств профессиональной защиты от обвинения, как разработочной части адвокатской тактики, система запретов, составляющих этический критерий их допустимости, с учетом специфики уголовно процессуальной функции и самой деятельности адвоката, должна быть несколько иной.

Взяв за основу изложенную выше «систему Быховского» нами в одной из работ она интерпретирована применительно к тактическим средствам профессиональной защиты от обвинения следующим образом.

Тактическое средство профессиональной защиты от обвинения не должно: а) основываться на сведениях, унижающих честь и достоинство обвиняемого, потерпевшего и иных лиц, если таковые данные не влияют на вопросы доказанности виновности подзащитного или на степень его ответственности за совершенное преступление; б) оправдывать само совершение преступления; в) основываться на побуждении своего подзащитного или иных лиц к оговору ими невиновных лиц, а также обвинению виновных лиц в большем объеме, нежели это соответствует их фактической вине; г) препятствовать сознательному и свободному желанию подзащитного или иного лица признать свою

вину в совершении преступления или дать относительно него показания; д) оставлять в неосведомленности подзащитного с всех правовых аспектах его дела; е) основываться на использовании заведомо ложных сведений, в частности, о происхождении предметов и документов; ж) необоснованно подрывать авторитет следственных, прокурорских и судебных органов и отдельных их представителей (см.: Баев М. О., Баев О. Я. Защита об обвинения в уголовном процессе. Воронеж, 1995. С. 29—53).

Подробное обоснование этой системы этического критерия допустимости тактических средств профессиональной защиты приведено в выше названной работе. Здесь же хотелось бы обратить внимание, что основана она на постулате, сформулированном в свое время А. Ф. Кони: «...для защитника нет чистых и грязных, правых и неправых дел, а есть лишь даваемый обвинением повод противопоставить доводам прокурора всю силу и тонкость своей диалектики, служа ближайшим интересам клиента и не заглядывая на далекий горизонт общественного блага» (Кони А. Ф., Собр. соч. в 8 т. М., 1964. Т. 4. С. 64).

- *Избирательность тактического приема*, как критерий его допустимости, представляется нам наиболее «прозрачным», чем рассмотренные выше критерии, и позволяющим практически безошибочно, однозначно решать проблемы возможности использования конкретных средств из тактического арсенала субъекта соответствующего вида криминалистической тактики.

Суть его применительно к следственной тактике может быть сформулирована следующим образом: тактический прием должен оказывать желаемое следователем воздействие лишь на лицо, обладающее искомой следователем информацией и быть нейтральным (т. е. не оказывать воздействия) на всех остальных лиц, в отношении которого он применяется.

Здесь надо обратить внимание на такой принципиальный момент: следовательно, обдумывая возможность применить тот или иной тактический прием, достоверно не знает, обладает ли субъект его предполагаемого воздействия искомой им, следовательно, информацией, а лишь предполагает это с определенной, меньшей или большей степенью вероятности, основанной на имеющихся у него доказательствах или оперативных данных. Достоверно же этого он не знает. Именно роль лакмусовой бумажки в этом отношении и должен выполнить допустимый с позиций рассматриваемого критерия тактический прием: выявить обладает ли данный субъект необходимой следователю информацией и в оптимальном случае — побудить данного субъекта к свободной и осознанной передаче такой информации следователю.

И потому неточно, на наш взгляд, утверждение Белкина Р. С. и других авторов, что избирательность воздействия «есть направленность воздействия лишь на определенных лиц и нейтральность по отношению к остальным» (Р. С. Белкин Курс... Т. 3. С. 220; Бахин В. П. Указ. лекция. С. 23). Не направленность, а именно воздействие приема лишь на лицо, обладающее требуемой следователю информацией, и нейтральность (т. е. «невоздействие» этого же приема на лиц таковой не обладающих), есть суть избирательности как критерия допустимости тактических приемов.

Если тактический прием в принципе не может повлечь за собой ложный самооговор или ложный оговор человеком, к которому он применяется, иных лиц в совершении преступления — он допустим; противное исключает допустимость тактического приема. Именно на этом подходе основано наше мнение о допустимости «следственных хитростей» (их именуют «психологическими ловушками» или «тактическими комбинациями») и значительно более осторожное отношение к

допустимости. такого тактического приема как «разжигание конфликта» (о сущности этих приемов и достаточно подробное их исследование с позиций рассмотренных критериев допустимости см.: Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж, 1992, 1995).

Применительно к адвокатской тактике критерий избирательности заключается в том, чтобы используемое защитником тактическое средство не усугубляло бы положения подзащитного и было, как минимум, нейтральным по отношению к предъявленному последнему обвинению или возникшему в отношении него подозрению в совершении преступления, степени ответственности за его совершение и доказанности обвинения или подозрения. За обоснованием этого положения вновь отсылаем к названной выше нашей монографии, посвященной защите от обвинения в уголовном процессе. Здесь же ограничимся цитатой из работы известного отечественного юриста Н. Н. Полянского: «Защитник не должен сознательно вредить своему клиенту даже во имя справедливости... Защитник не вправе представлять суду доказательства или сообщать обстоятельства, которые увеличивают шансы обвинительного приговора или могут повлиять в неблагоприятную для подсудимого сторону» (Полянский Н. Н. Правда и ложь в уголовной защите. М., 1927. С. 48—49).

Некоторые криминалисты в систему критериев допустимости тактических средств включают и иные положения: научную обоснованность и эффективность приема (С. Ю. Якушин), праксеологические требования, такие как целесообразность, рентабельность, безопасность, доступность (В. Г. Лукашевич) и т. д. Однако сформулированные выше критерии (законность, этичность, избирательность воздействия), как нам представляется, самодостаточны для решения с их позиций принципиальнейшего вопроса допустимости тактических средств.

И, к слову сказать, совершение непонятно, почему избирательность воздействия, как один из основных критериев допустимости тактических средств, «выпал» из числа таковых в фундаментальном учебнике для вузов по курсу «Криминалистика» (см.: Криминалистика / Под ред. Р. С. Белкина, М., 1999. С. 453—456).

Помимо приема и рекомендаций арсенал тактических средств включает в себя и тактическую операцию. Насколько нам известно из литературы, это понятие введено в криминалистический оборот в начале семидесятых годов известным криминалистом А. В. Дуловым. В дальнейшем проблемы теории тактических операций активно и плодотворно разрабатывались Р. С. Белкиным, Л. Я. Драпкиным, В. И. Шикановым и другими учеными. Основа теории тактических операций заключается в осознании того, что отдельные тактические задачи расследования не могут быть разрешены проведением лишь одного или нескольких следственных действий даже с использованием в их рамках всех соответствующих тактических приемов, а требуют сложного комплексного подхода к разрешению поставленной (возникшей) перед субъектом исследования преступления задачи.

Исходя из этой посылки, А. В. Дулов, уточнив и углубив под влиянием проведенных различными авторами исследований свое первоначальное определение тактической операции, в конечном счете сформулировал понятие данной криминалистической категории следующим образом: тактическая операция есть «совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий» (Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979. С. 44).

Столь усложненное определение тактической операции сконструировано А. В. Дуловым, видимо, с желанием «обойти» в нем высказанные сомнения в содержании, да и в правомерности использования в данном контексте самого термина «операция». Дело в том, что отдельные ученые, в частности, Р. С. Белкин полагают, что поскольку: а) термин «операция» обозначает совокупность взаимосвязанных и необходимых действий для достижения желаемого результата, а б) задачи, стоящие перед, тактическими операциями в приведенном их понимании, для своего достижения далеко не всегда требуют совокупности действий, обладающих указанными их признаками (необходимостью и взаимосвязанностью), главным образом, первым из этих свойств), то для их обозначения научно корректен термин не «операция», а «комбинация» (см. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. С. 202—210).

Под тактической комбинацией предлагается понимать «определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией» (там же. С. 210).

Не представляется принципиальным, каким термином «операция» или «комбинация» в данном контексте следует пользоваться. Но с учетом так называемой «бритвы Оккама» (не следует создавать новые сущности без надобности), мы не видим необходимости в замене уже в целом устоявшегося в криминалистической литературе понятия «тактическая операция» каким-либо другим, в том числе и «комбинацией». И в то же время целесообразно хотя бы вкратце высказать несколько соображений по некоторым связанной с этой проблемой вопросам.

Во-первых, вряд ли можно согласиться с тем, что обязательным признаком операции является совокупность необходимых составляющих ее действий (согла-

сованных — да, но необходимых ли?). Ссылкам Р. С. Белкина на утверждения отдельных ученых о необходимом характере действий, составляющих операцию (см. там же) можно противопоставить и иные. Например, в научной дисциплине «исследование операций» термином «операция» именуется «совокупность действий, направленных на достижение некоторой цели» (Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь. М., 1963. С. 228—223). Также практически определяет это понятие и энциклопедический словарь.

Операция — а) законченное действие или ряд связанных между собой действий, направленных на решение определенной задачи; б) совокупность ударов, боев, сражений, согласованных и взаимосвязанных по цели, времени и месту... (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 941). Жестко обозначить всю совокупность действий, составляющих операцию, без учета многообразных объективных и субъективных факторов, в том числе и ситуации ее планирования и проведения, значит уподобляться небезызвестному немецкому генералу из «Войны и мира» («...Для этой цели необходимо... Первая колонна марширует... вторая колонна марширует... третья колонна марширует...» (Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1968. Т. 1. С. 326).

Что касается второго замечания Р. С. Белкина, то нам кажется, что все исследование преступлений можно представить себе в виде необходимости последовательного или параллельного решения его субъектом отдельных локальных задач. Минимально необходимый перечень их предопределен и очерчен пределами предмета доказывания по уголовному делу (ст. 68 УПК: событие преступления — место, время, способ и другие обстоятельства совершения преступления; виновность обвиняемого в совершении преступления, мотивы его, и т. д.). В глубине их «лежат» более локальные, но также необходимые для разрешения задачи установления

фактов, именуемых в уголовно-процессуальной литературе промежуточными, доказательственными (проверка алиби обвиняемого и т. п.).

Действительно, далеко не всегда, к счастью, та или иная тактическая задача требует для своего разрешения операции. В этом мы согласны с изложенным выше мнением Р. С. Белкина. Сошлемся лишь на несколько локальных задач, для решения которых системы тактических операций наиболее разработаны в литературе. Отсутствие сомнений в личности погибшего делает ненужной тактическую операцию «атрибуция трупа»; бесспорное установление факта нахождения обвиняемого на месте преступления в момент его совершения — тактическую операцию «проверка алиби»; захват лица, обоснованно заподозренного в совершении преступления — тактическую операцию «розыск и задержание подозреваемого» и т. д.

В то же время при расследовании преступлений отдельных видов и категорий и в различных следственных ситуациях возникает необходимость в планировании и реализации тактических операций для разрешения неких задач, по иным делам и в иных ситуациях, не представляющих проблемы. Скажем, для расследования преступлений, совершаемых на железнодорожном и других видах транспорта, (от краж грузов до убийств) почти всегда возникает потребность в сложной и достаточно необычной для расследования иных преступлений тактической операции «установление места совершения преступления».

И в то же время существует, как минимум, две тактические операции, планирование и производство которых обязательны при расследовании преступлений любых видов и категорий и практически во всех следственных ситуациях. Ими являются тактическая операция «Защита доказательств» и (по большинству уголовных дел) тактическая операция «проверка по-

казаний лица, признавшегося в совершении преступления». О сути их подробно будет сказано при рассмотрении методических основ расследования преступлений.

Обобщая изложенное выше, скажем, что тактическая операция есть система следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий и реализуемых при их производстве тактических приемов, направленная на достижение определенной локальной задачи исследования преступлений, разрешение которой с учетом вида преступления и ситуации другим образом невозможно или нерационально.

Тема 7

ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ

Вопросы:

Сущность методических основ расследования преступлений

Обязательные тактические операции при расследовании преступлений

Литература:

Баев О. Я. Сущность методических основ расследования преступлений // Руководство для следователей. М., 1997

Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Курс лекций в 4-х частях, СПб, 1992—1993

Трухачев В. В. Преступное воздействие на доказательственную информацию. Воронеж, 2000

Шаталов А. С. Криминалистические алгоритмы и программы. М., 2000

Чурилов С. Н. Проблемы общего метода расследования преступлений. М., 1993

Сущность методических основ расследования преступлений

Криминалистическая методика — заключительный, синтезирующий раздел науки и учебной дисциплины криминалистики. В этом разделе аккумулируются все теоретические и прикладные достижения предшествующих ее частей (общей теории криминалистики, криминалистической техники и, в большей части, крими-

налистической тактики), адаптируемые для рационального исследования (в настоящее время для расследования) отдельных видов и категорий преступлений.

Криминалистическая методика как раздел криминалистики состоит из общих научных методических положений (общие принципы организации расследования, построения методик расследования, сущность категорий криминалистическая характеристика преступлений и методическая следственная ситуация и т. д.) и собственно методик расследования отдельных видов и категорий преступлений. Их обычно именуют *частными методиками расследования*.

Р. С. Белкин, проанализировав видение криминалистической методики известными отечественными криминалистами, пришел к следующим существенным выводам относительно сущности частных криминалистических методик. Во-первых, частная криминалистическая методика — это система определенных элементов, взаимозависящих и взаимоопределяющих; ее элементы образуют относительно самостоятельные подсистемы, а также, на наш взгляд, структурное построение частной методики. Во-вторых, «элементами системы являются не криминалистические приемы и средства, следственные или иные действия и мероприятия, а криминалистические (в данном случае — методические) рекомендации, т. е. научно обоснованные и апробированные практикой советы, касающиеся организации расследования, выбора и применения с учетом определенных обстоятельств технико-криминалистических средств и криминалистических приемов. Система выступает как комплекс советов типизированного характера, то есть отражающий типичное для расследования преступлений определенного вида» (Белкин Р. С. Курс... Т. 3. С. 302).

С учетом этого положения и своего видения предметной области криминалистики (о котором подробно

говорилось в первой теме данного курса лекций) криминалистическая методика может быть определена как система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по рациональной организации и осуществлению уголовно-процессуального исследования преступлений отдельных видов и категорий профессиональными субъектами этой деятельности (лицами, представляющими органы уголовного преследования — дознавателем, следователем, прокурором, и адвокатом-защитником обвиняемого).

В основе конструирования и классификации традиционных частных методик лежит уголовно-правовая характеристика преступлений, их уголовно-правовые виды. По этому основанию И. А. Возгрин с учетом построения Особенной части УК РСФСР выделял 12 групп частных методик (убийств, краж, мошенничества, нарушения техники безопасности и т. д.). Внутри их разрабатываются, так называемые *особенные частные методики*, формируемые с целью углубления конкретизации разрабатываемых криминалистических рекомендаций по объекту совершения этих преступлений, их мотивации и т. п. основаниям. Например, методика расследования краж имеет такой подвид (особенную частную методику), как методика расследования квартирных краж, краж, совершаемых с охраняемых объектов и т. д. методика расследования убийств — методику расследования убийств, совершаемых по сексуальным мотивам, по найму и т. д.

Создаются также частные криминалистические методики и по другим основаниям:

- месту совершения преступлений (скажем, методика расследования преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте);
- особенностям оружия, применяемого при совершении преступлений (есть, например, методика расследования преступлений, совершенных с использованием огнестрельного оружия);

• особенностям личности преступника и (или) потерпевшего (методика расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, иностранцами или в отношении этих лиц) и т. д. (об этом см.: Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Курс лекций. Часть 4, СПб, 1993. С. 9—13; Белкин А. Р. Криминалистические классификации. М., 2000. С. 90—93).

С учетом того, что последние методики конструируются не по уголовно-правовому основанию, считаем корректным именовать их частными методиками расследования не видов или подвидов, а *категорий преступлений*.

Обычно частные криминалистические методики структурно состоят из рекомендаций по организации и осуществлению расследования (именно этой наиболее сложной частью процессуального исследования преступлений будет ограничен объем изучения данной темы) по следующей схеме. Здесь мы обобщили и несколько интерпретировали со своих позиций мнения по этому вопросу Р. С. Белкина, А. Н. Васильева, И. А. Возгрина, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимова, И. М. Лузгина, В. А. Образцова и ряда других криминалистов):

1. Особенности криминалистической характеристики данного вида или категории преступлений;
2. Особенности возбуждения по ним уголовных дел;
3. Особенности первоначальных следственных действий и их сочетания с оперативно-розыскными мероприятиями;
4. Особенности построения версий и планирования расследования;
5. Особенности последующих следственных действий;
6. Особенности работы следователя на заключительной этапе расследования преступлений, относящихся к рассматриваемому виду и (или) категории.

Небольшое отступление. В настоящее время создано весьма значительное количество частных криминалистических методик расследования определенных видов, разновидностей и категорий преступлений (не меньше нескольких сотен). Но также очевидно, что идет постоянный процесс возникновения новых способов совершения преступлений и соответствующие частные методики за ними «не успевают»; не успевают обобщить передовой в этом отношении криминальный опыт; криминализируются достаточно последовательно отдельные виды правонарушений, ранее не признававшиеся преступными, в связи с чем методика их расследования попросту отсутствует. Напомним, что только УК РФ 1996 г. криминализировал ряд правонарушений в области компьютерной информации, провокацию взятки и коммерческого подкупа, фальсификацию доказательств и т. д.

Однако есть ряд общих положений, осмысление и углубленное понимание которых позволяет самому следователю по сути создать весьма рациональную методику расследования конкретного преступления даже из числа тех, в отношении которых нет разработанной частной методики или таковая данному следователю неизвестна. Систему этих общих положений мы обозначили как *методические основы расследования преступлений* и посвятили их обоснованию и достаточно подробному рассмотрению (см.: Сущность методических основ расследования преступлений // Руководство для следователей. М., 1997; Методические основы расследования преступлений против личности // Расследование преступлений против личности. Воронеж, 1998; Расследование преступлений: практические приложения общего метода расследования // Расследование преступлений: вопросы теории и практики. Воронеж, 1997 и др.). В концептивном изложении эти положения приводятся ниже.

1. При совершении преступления того или иного вида (убийства, нанесения телесных повреждений, изнасилования, кражи, разбоя и т. д.) лицу независимо от его субъективных качеств, а зачастую и от складывающейся криминальной ситуации, необходимо совершить ряд типовых действий. Сущность и характер этих действий определяются:

- содержанием, соответствующей главы Особенной части УК РФ (объектом посягательства) и диспозиции отдельной нормы уголовного закона, которые предусматривают ответственность за совершение определенного противоправного деяния. Так, для совершения убийства преступнику надо противоправно и виновно лишить потерпевшего жизни; для совершения изнасилования — преодолеть сопротивление потерпевшей или воспользоваться ее беспомощным состоянием и совершить половой акт;

- способом совершения преступления определенного вида: одни типовые действия обязательны при совершении убийства с использованием бытовых предметов, другие — при применении для достижения того же результата (лишения человека жизни) взрывчатых веществ и взрывных устройств;

- мотивом совершения преступления: одни действия преступника будут при совершении убийства с целью завладения имуществом, иные — при совершении убийства (может быть, того же потерпевшего и в тех же условиях) по сексуальным мотивам.

2. Типовые действия, которые преступник вынужден совершить при приготовлении, исполнении и сокрытии преступления против личности определенного вида, неизбежно и неукоснительно ведут к возникновению характерных следов на соответствующих этому виду преступлений объектах. (В криминалистике изложенное выше традиционно именуется механизмом слеодообразования.)

Это происходит в полном соответствии с диалектическим процессом отражения, присущим любому взаимодействию (а совершение преступления — есть взаимодействие между собой как минимум двух, а в подавляющем числе случаев значительно большего числа объектов). Результаты этого процесса отражения существуют объективно, вне воли и сознания воспринимающих их субъектов.

Напомню (об этом подробно говорилось в теме 2 нашего Курса), что криминалистически значимая информация представляется следователю в виде следов двух типов: материальных (биологических, трасологических, баллистических) и идеальных (их еще именуют интеллектуальными, памятными следами) — следов в памяти лиц об обстоятельствах, связанных с расследуемым событием (в памяти потерпевших, лиц, совершивших преступление, свидетелей). При этом надо иметь в виду, что отсутствие следа — это тоже след. Отсутствие следа может указывать:

- во-первых, на то, что в конкретных условиях конкретному лицу не было необходимости производить некое действие типовое для этого вида преступлений, (например, отсутствие следов физического или психического воздействия на потерпевшую от изнасилования дает основание предположить, что насильник воспользовался беспомощным состоянием потерпевшей, конечно же, если сам факт изнасилования сомнений не вызывает);

- во-вторых, на то, что неизбежно возникавшие следы умышленно или по неосторожности после совершения преступления уничтожены (например, отсутствие отпечатков пальцев, следов обуви или ног на месте обнаружения трупа);

- в-третьих, на то, что следы попросту не обнаружены следователем по различным причинам (в том числе и по незнанию им методологических основ расследования преступлений определенного вида, незна-

нию того, на каких объектах ему необходимо искать эти следы и какова должна быть сущность последних);

- в-четвертых, на то, что если все вышеуказанные обстоятельства исключаются (необходимое действие для совершения преступления по имеющимся сведениям произведено, следы от него не уничтожались, все возможные действия по их выявлению своевременно и качественно были произведены), то отсутствие следа дает основание выдвинуть версию, ставящую под сомнение сам факт совершения расследуемого события либо существенные обстоятельства последнего. Например, если потерпевшая заявляет, что насильник причинил ей телесные повреждения, а судебно-медицинское обследование показало отсутствие на ее теле соответствующих следов, то такой факт свидетельствует о том, что изнасилование вообще не имело места либо оно не было связано именно с физическим насилием над потерпевшей и показания ее об этом по неким субъективным причинам недостоверны.

Как уже говорилось, типовые действия преступника оставляют характерные следы, и они подлежат изъятию, исследованию и использованию в ходе расследования.

Собирание доказательств следователь осуществляет путем производства следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, а также истребованием от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан предметов и документов, могущих установить необходимые по делу фактические данные, и, наконец, актами и заключениями ревизий, проведение которых он вправе требовать от компетентных органов и должностных лиц. Эта же норма УПК (ст. 70) дополняет, что доказательства могут быть представлены подозреваемым, обвиняемым, защитников, обвинителем, потерпевшим, гражданским истцом и ответчиком, их представителями, а также любыми гражданами, предприятиями, учреждениями и организациями. Таким образом, большую часть

криминалистически значимой доказательственной информации следователь получает в результате проведения следственных действий.

3. Зная механизм следообразования при совершении преступления определенного вида против личности (убийства, изнасилования, причинения телесных повреждений различной тяжести) и возможности того или иного следственного действия по собиранию (извлечению), исследованию и использованию таких следов, следователь может без особого труда составить кассету (набор) последних, обязательных для производства при расследовании конкретного преступления этого вида. Эта кассета (набор) будет составлять основу плана его расследования. Приведем пример.

Н. заявила об изнасиловании ее в определенный день в определенном месте лицом, которое применило физическое и психическое насилие (преступник ее избил, угрожал убийством; она оказывала ему сопротивление, следы которого возможно остались на теле насильника). Эти типовые для изнасилования действий преступника должны привести к возникновению типовых следов на следующих объектах:

- тело и организм потерпевшей, где должны остаться следы физического насилия и совершенного полового акта;
- одежда потерпевшей, на которой должны остаться следы, связанные с насилием (в частности, разрывы одежды), совершенным половым актом, микрочастицы тела и одежды насильника;
- место происшествия, на котором должны быть следы, указывающие на борьбу, а также, возможно, различные следы идентификационной значимости;
- тело насильника, на котором должны остаться следы оказанного потерпевшей сопротивления, микрочастицы совершенного полового акта, тело и одежда потерпевшей.

• одежда насильника, на которой должны остаться аналогичные описанным в предыдущем пункте следы;

• идеальные следы, т. е. следы в памяти лиц о самом преступном эксцессе, предшествующих и последующих ему событиях и действиях: следы в памяти потерпевшей, следы в памяти насильника, следы в памяти свидетелей.

С учетом возможностей работы с этими следами следователь может составить достаточно исчерпывающую кассету следственных и других действий по собиранию (извлечению), исследованию и использованию этих следов, составить основу плана расследования уголовного дела об изнасиловании Н.:

Следовоспринимающие объекты	Действие по извлечению, исследованию и использованию следов
1. Тело и организм Н.	1. Назначение судебно-медицинской экспертизы Н.
2. Одежда	2. Выемка, осмотр одежды Н., назначение по ней необходимых экспертиз (наложения микрочастиц, судебно-медицинской, трасологической и др.)
3. Место происшествия	3. Осмотр места происшествия, назначение необходимых экспертиз по изъятым объектам диагностического, идентификационного и другого характера
4. Тело насильника	4. Следственное освидетельствование, назначение судебно-медицинской экспертизы в отношении подозреваемого (обвиняемого)
5. Одежда насильника	5. Выемка, осмотр одежды подозреваемого (обвиняемого), назначение в отношении ее соответствующих экспертиз
6. Идеальные следы	6. Допрос потерпевшей Н., свидетелей, подозреваемого (обвиняемого), предъявление для опознания, очные ставки, следственные эксперименты по проверке показаний отдельных лиц, оперативно-розыскные мероприятия

4. Таким образом, знание механизма образования следов при совершении того или иного вида преступлений, их содержания и типовых действий по обнаружению, изъятию и доследованию позволяет, если не оптимальным, то во всяком случае, рациональным путем работать с этими следами; выдвигать и верно формулировать версии об обстоятельствах подлежащих выяснению по каждому делу (принципы выдвижения версий и их проверки изложены выше, при рассмотрении темы 4 Курса); определять рациональные следственные и другие действия и во многом, их последовательность при осуществлении такой проверки. В этом существеннейшую помощь следователю может оказать знание криминалистической характеристики того вида и категории преступлений, к которым относится расследуемое деяние. Криминалистическая характеристика преступлений — это система элементов отдельного вида преступлений, значимых для расследования конкретных преступлений этого вида, и взаимосвязей между этими элементами. Механизм следообразования — наиболее стабильный и значимый элемент в этой системе.

В качестве таких элементов (помимо механизма следообразования) в криминалистической характеристике преступлений обычно выделяются данные о разновидностях способов совершения этих преступлений, их сокрытия, личности преступников, мотиве, месте и времени совершения преступлений, виктимологических особенностей потерпевших и ряд других, относящихся к подвиду и категории отдельных преступлений против личности. Как и во многих других теоретически сконструированных системах, значимость криминалистической характеристики отдельного вида преступлений состоит не столько в выделении самих этих элементов как таковых, сколько в установлении взаимосвязей между выделенными элементами. Цель создания криминалис-

тической характеристики отдельного вида преступлений — разработать наиболее рациональные направления следственного поиска на основе выявленных взаимосвязей между отдельными криминалистически значимыми элементами этого вида преступлений, т. е., чтобы следователь, установив один или несколько элементов расследуемого преступления, мог с достоверностью либо с достаточно высокой степенью вероятности предполагать существование других, еще не установленных элементов расследуемого события.

Взаимосвязи между элементами криминалистической характеристики отдельного вида преступлений могут быть двух типов: однозначные и статистические. Скажем, если установлено, что убийство было сопряжено с изнасилованием, однозначно, что преступником (или одним из исполнителей) был мужчина и этим фактом во многом и будет предопределяться направление следственного поиска на первоначальном этапе расследования данного преступления. Однако большая часть взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики вида преступлений — статистические. Они выявляются в результате научного изучения по специально разработанной анкете репрезентативного количества дел о преступлениях данного вида. Например, Л. Г. Бидонов и Н. А. Селиванов выявили разветвленную систему зависимостей между местом убийства и его мотивом, мотивом и личностью убийцы, местом, временем убийства, возрастом потерпевшего и расстоянием от места убийства до местожительства преступника. Следственная практика показала достаточно устойчивый характер таких взаимосвязей в структуре криминалистической характеристики убийств и высокую эффективность их использования при определении направлений следственного поиска при расследовании этих преступлений. Поэтому, приступая к расследованию конкретного преступления

против личности, необходимо не только основываться на механизме слеодообразования, но и использовать сведения о других элементах и взаимосвязях криминалистических характеристик того вида преступления, к которому относится данное деяние. Однако не следует забывать, что многие из них носят статистический характер, поэтому при расследовании именно данного преступления далеко не все из них могут подтвердиться.

5. Помимо изложенного выше методика расследования преступлений во многом обусловливается возникающей следственной ситуацией, представляющей собой модель (т. е. наиболее значимые и типичные характеристики) обстановки расследования, определяющей характер необходимых действий следователя на том или ином этапе расследования конкретного преступления.

В методическом отношении (в отличие от тактического) следственная ситуация на каждом этапе расследования в основном предопределяется имеющейся информацией, которая обуславливает направленность и возможности следствия по «переработке» механизма слеодообразования, подробно описанного выше.

На первоначальном (наиболее сложном и ситуативном) этапе расследования возможно возникновение следующих следственных ситуаций:

- известно криминальное событие (деяние, содержащее достаточные данные, указывающие на признаки преступления, — ст. 108 УПК РФ): необходимо установить, кто и при каких наиболее существенных обстоятельствах учинил его, наличие в его действиях состава преступления, а также все другие обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу. Понятно, что эта ситуация так называемого неочевидного преступления, когда следователь отталкивается в расследовании лишь от самого факта криминального со-

бытия. Эта ситуация наиболее характерна для начала расследования большинства преступлений против личности;

- известно лицо, которое по имеющейся информации учинило уголовно наказуемое деяние: необходимо установить, действительно ли этим лицом совершено криминальное деяние, содержит ли оно все необходимые элементы состава того или иного преступления, а также все обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу в смысле ст. 68 УПК РФ;

- известно криминальное событие, известна личность, его учинившая: необходимо установить наличие или отсутствие всех элементов состава того или иного преступления против личности (или иного преступного деяния) и все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. Если предыдущая ситуация характерна для так называемого очевидного преступления, то эта возникает при задержании человека с поличным при совершении деяния или непосредственно после его совершения.

В примере расследования изнасилования Н. возникновение той или иной следственной ситуации первоначального этапа расследования дела будет обусловлено той информацией, которая заключена в поводе к возбуждению дела (с учетом специфики данного вида преступления, чаще всего в заявлении потерпевшей, хотя не исключено ее получение в результате оперативных мероприятий или сообщения граждан): сообщает ли Н. об изнасиловании ее известным ей лицом, либо о том, что насильник ей неизвестен.

Содержательное различие этих ситуаций в том, что в первой из них у следователя нет необходимости устанавливать человека, который, по заявлению Н., учинил над ней насилие: он известен, могут лишь возникнуть проблемы с его розыском и задержанием. И потому вся деятельность следователя направляется на

установление факта совершения этим лицом изнасилования и исключение версии об оговоре (что, в первую очередь, очевидно предполагает тщательное изучение взаимоотношений Н. и данного лица и самих обстоятельств исследуемого события),

Во второй ситуации направленность действия следователя на первоначальном этапе расследования во многом иная: установление личности человека, совершившего посягательство на Н., с активнейшим использованием всех следственных возможностей для извлечения и использования материальных и идеальных следов идентификационной значимости. И, как правило, если личность человека, на которого в этой ситуации указывает потерпевшая, будет бесспорно установлена, то изобличение его в изнасиловании затруднений не вызовет (хотя бы потому, что, не считая уникальных случаев женщине нет необходимости ложно заявлять, что ее изнасиловал незнакомый ей человек).

Механизм следообразования и следственная ситуация друг от друга не зависят: независимо от того, какая следственная ситуация в дальнейшем возникает, механизм следообразования в результате совершения преступления того или иного вида и будет одним и тем же; следственная ситуация может выявить лишь объем, последовательность и в некотором смысле само содержание действий следователя по работе с механизмом следообразования.

6. Для успешного, всестороннего и объективного расследования преступлений с методических позиций очень важно, чтобы все действия следователя осуществлялись под знаком типичных версий, постоянно интерпретируемых и наполняющихся конкретным содержанием с учетом конкретных обстоятельств расследуемого дела и возникающей следственной ситуацией.

Так, получив сообщение об обнаружении трупа, следователь еще до выезда на место происшествия

предполагает, чем можно объяснить смерть человека (т. е. выдвигает в этом отношении типичные версии): ненасильственная смерть, несчастный случай, самоубийство, убийство. С этих позиций он и приступает к осмотру места происшествия и трупа.

Убедившись, что выявляемые обстоятельства события свидетельствуют о том, что смерть человека последовала в результате убийства либо произошла при сомнительных обстоятельствах (например, при внешних признаках самоубийства выявляются негативные обстоятельства), следователь акцентирует свое внимание на типичных версиях в отношении мотивов убийства: на почве личных отношений, из хулиганских побуждений, сексуальных, связанных с завладением имуществом потерпевшего, заказном характере совершенного убийства. И уже под этим углом он будет продолжать осмотр места происшествия, производить другие следственные действия и проводить оперативно-розыскные мероприятия.

Используя данные криминалистической характеристики того вида преступлений против личности, к которому относится данное расследуемое событие, с учетом выявляемой им и поступающей к нему информации по данному делу, следователь будет выдвигать типичные версии о лице, совершившем расследуемое преступление (пол преступника, предполагаемый возраст, его близость к потерпевшему, другие данные о его личности, совершено ли преступление одним человеком либо носило групповой характер и т. д.).

Аналогично типовые версии выдвигаются и по главному вопросу первоначального этапа и всего расследования в целом: совершено ли расследуемое преступление конкретным лицом? Их можно сформулировать таким образом: расследуемое преступление совершено этим лицом; сведения, лежащие в основе выдвижения версии о совершении преступления именно этим ли-

цом, ошибочны в силу некоего стечения связанных с ним случайных обстоятельств либо в связи с созданием заинтересованными лицами искусственных данных о причастности этого человека к совершению расследуемого преступления.

7. Расследование любого преступления можно представить в виде последовательного или параллельного решения следователем ряда локальных задач, обеспечивающих раскрытие преступления и всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Далеко не всегда можно решить ту или иную задачу с помощью одного следственного действия, тактического приема, оперативно-розыскного мероприятия. В таких случаях следователь планирует и реализует тактическую операцию (в литературе ее именуют тактической комбинацией, криминалистическим или тактическим комплексом).

Под тактической операцией понимается система следственных действий, тактических приемов их осуществления, а также организационно-подготовительных, оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на решение отдельных (локальных) задач, подчиненных общим целям расследования уголовного дела (подробнее об этом см. в предыдущей теме)

Типовыми тактическими операциями, которые планирует и осуществляет следователь, расследуя, например, преступления против личности, являются обычно: «розыск и задержание подозреваемого», «проверка алиби», «установление личности погибшего» (В. И. Шиканов именует эту тактическую операцию как «атрибуция трупа») и некоторые другие. Конечно, нет необходимости по каждому уголовному делу проводить все эти тактические операции. Например, нет нужды в «атрибуции трупа», если личность погибшего бесспорно установлена к началу или в самом начале расследова-

ния; отпадет необходимость в тактической операции «проверка алиби», если на очной ставке с обвиняемым лицом, которое по мнению первого должно было подтвердить алиби, его не подтвердило, а обвиняемый под воздействием этого изменил свои показания в отношении своего алиби и отказался от него.

Но есть следующие две тактические операции, обязательные для планирования и осуществлению по всем делам — независимо от того, к какому виду или категории относится расследуемое преступление и в какой следственной ситуации производится: «защита доказательств» и «проверка показаний лица, признавшего себя виновным в совершении преступления».

Обязательные тактические операции при расследовании преступлений

Тактическая операция «Защита доказательств». Как известно, доказательствами в уголовном судопроизводстве являются фактические данные, полученные из источников, строго предусмотренных уголовно-процессуальным законом и со строжайшим соблюдением при этом им же установленной процессуальной формы их получения (ст. 69 УПК) Природа судебного доказательства двуедина. Это фактические данные, устанавливающие обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу в смысле ст. 68 УПК (их называют, напомним, доказательственными фактами), а также необходимые в процессе и для процесса их установления (так называемые, промежуточные факты), и допустимые источники их получения. Это двуединство в сути своей и составляет обязательные свойства доказательства — его относимость и допустимость в судебном доказывании (см. об этом: Кокорев Л. Д. Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: дока-

зательства и доказывание. Воронеж, 1995; Белкин А. Р. Теория доказывания. М., 1999). Следовательно, чтобы разрушить доказательство, лишить фактические данные доказательственной значимости достаточно, чтобы они потеряли хотя бы одно из названных свойств — относимости или допустимости. Либо — не приобрели бы этих свойств, даже одного из них, изначально.

Но со сказанным связана еще одна проблема, необходимость решения которой обуславливает во многом, структурирует содержание рассматриваемой тактической операции: объективность информации, полученной и получаемой из допустимых и относимых источников, т. е. формально обладающей необходимыми доказательственными свойствами.

Совершенно ясно, что весьма часто выступающая в качестве доказательств в изложенном выше их понимании информация либо изначально непреднамеренно (или умышленно) была неполной или искаженной, либо также (непреднамеренно или умышленно) искажается в процессе последующего исследования преступления — при его расследовании и (или) судебном рассмотрении уголовного дела.

Причины этого весьма различны: от банального нежелания быть вовлеченным в орбиту уголовного процесса (вспомните как Остап Бендер вызволял от разгневанной толпы великого слепого Паниковского) и альтруизма — бескорыстно своими показаниями помочь интересам обвиняемого (что чаще) или потерпевшего, до более сложной мотивации: отказ или изменение показаний под чьим-то влиянием, либо, наконец для исключения или смягчения своей и (или) других лиц ответственности.

В последнее время воздействия на людей-носителей доказательственной информации со стороны заинтересованных в том лиц и организованных преступных сообществ приобретает (и уже приобрело) более жесткие

и изощренные формы: от пыток и похищения таких людей, удержания их в недоступных для правоохранительных органов местах на время расследования и суда до их физической ликвидации. А до принятия, а тем более до практической реализации государственной программы защиты свидетелей, потерпевших и других носителей доказательственной информации, при всей очевидной необходимости такового, путь достаточно долгий.

Уголовно-правовые меры, направленные на предупреждение вовлечения в уголовный процесс такой необъективной информации (ответственность за заведомо ложный донос — ст. 306 УК, за подкуп или принуждения названных в ст. 309 УК лиц в целях дачи ими ложных показаний и др., как показывает практика, мало эффективны (они практически не работают).

Одна из рекомендаций по защите такой доказательственной информации содержалась еще в опубликованной в 1533 г. «Уголовной Конституции Карла V» (известной, как «Каролина»): «Когда имеется несколько арестантов (по одному делу.— *О.Б.*), их надлежит отделить друг от друга, поскольку это возможно по тюремным условиям, дабы они не могли соглашаться между собой в сложных показаниях либо сговариваться о том, как они намерены оправдываться в своих деяниях» (цит. по кн.: Хрестоматия по истории государства и права. Т. 1. Воронеж, 1999. С. 393).

Но не только вербальная (словесная) информация может быть не полной или непреднамеренно или умышленно искажаться. Такими могут быть фактические данные, полученные или получаемые из материальных источников. Опосредованным осознанием этого может служить уголовно-правовая новелла 1996 г. об ответственности за фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и защитником (ст. 303 УК).

Понимание всего сказанного выше и должно лежать в основе планирования и осуществления тактической операции «Защита доказательств». Ее сущности, основам направлениям разработки системы защиты доказательств (хотя при этом автор не использует понятие тактической операции) посвящена глубокая и интересная монография доцента кафедры криминалистики Воронежского университета В. В. Трухачева «Преступное воздействие на доказательственную информацию: Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления, нейтрализации» (Воронеж, 2000).

Отметим лишь основные положения, связанные с защитой доказательств, выделяемые В. В. Трухачевым.

Угрозы для доказательственной информации со стороны определенных субъектов подразделяются на «внешние» и «внутренние». Субъектами, реализующими «внешнюю угрозу» доказательственной информации, выступают преступники лица, находящиеся в зависимости от них, а также адвокаты, осуществляющие защиту подозреваемых, обвиняемых по уголовному делу. Вторая группа включает в себя угрозы, которые могут быть реализованы работниками правоохранительных органов, как не причастных, так в большинстве случаев причастных в силу своих служебных полномочий к расследованию либо судебному разбирательству данного дела.

Средства защиты доказательственной информации от внешней и внутренней угрозы (с учетом специфики их характера) подразделяются на средства предупреждения посягательств на доказательственную информацию; средства устранения, ликвидации действительных угроз доказательственной информации и ее объективности; средства восстановления и защиты доказательственной информации, связанные с возникновением угрозы ее безопасности (создание и внедрение компьютерных программ, позволяющих восстанавливать доказатель-

ственную информацию, которая умышленно или неосторожна была стерта из памяти компьютера, восстановление похищенных либо уничтоженных материалов уголовных дел; привлечение лиц, отказавшихся от дачи показаний либо изменивших их в результате преступного воздействия, к позитивному сотрудничеству с правоохранительными органами и т. д.).

Совершенно обоснованно В. В. Трухачев в системе защиты доказательств выделяет и достаточно подробно рассматривает в названной выше работе следующие средства:

- а) технические;
- б) организационные;
- в) оперативно-розыскные;
- г) правовые (уголовно-правовые и уголовно-процессуальные);
- д) криминалистические.

Тактическая операция «Проверка показаний лица, признавшего себя виновным в совершении преступления». Аксиоматично, что показания лица, признавшего себя виновным в инкриминируемом ему преступлении, требуют тщательной проверки и объективного закрепления. Поэтому не случайно, что уголовно-процессуальный закон предупреждает, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу (ст. 77 УПК).

Практика показывает, что по большинству уголовных дел в определенный момент (чаще всего в достаточно краткий срок после задержания или ареста) подозреваемые и обвиняемые признавали себя виновными в совершении вменяемого им преступления, от которых затем зачастую отказывались по различным причинам. В общем-то, получить от человека так называемые «признательные» показания не очень сложно,

даже не используя незаконные методы ведения следствия. Как известно, последние не являются уникальными исключениями в современной правоохранительной деятельности, особенно органов дознания.

Впечатляющие данные в этом отношении приводит начальник отдела по расследованию бандитизма и умышленных убийств следственного управления прокуратуры Воронежской области В. И. Саньков. «Изучение уголовных дел об умышленных убийствах, расследовавшихся следственным управлением прокуратуры Воронежской области показывает, что в период с 1996-го по 1999 г. за недоказанностью участия обвиняемых в убийствах прекращено уголовное преследование по 6 делам (9 эпизодов) в отношении 8 лиц, которые в ходе следствия признавались в совершении данных преступлений а предварительное следствие приостановлено ввиду не установления лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых. Еще по 3 делам уголовное преследование прекращено в отношении 14 человек, ранее обвинявшихся в совершении убийств на основании ст. 5 п. 2 УПК РСФСР за отсутствием в их действиях состава преступления, поскольку в результате расследования была установлена их непричастность к инкриминировавшимся им деяниям. Причем из числа этих лиц 12 признавались в совершении убийств либо в качестве исполнителей, либо соучастников, оговаривая других. По последним трем делам были установлены и привлечены к уголовной ответственности действительные преступники» (Саньков В. И. Тактика допроса лица, признающего в совершении убийства // Криминалистические средства и методы исследования преступлений. Воронеж, 1999. С. 79).

Нет сомнений, что по многим уголовным делам получение от подозреваемого или обвиняемого «признавательных» показаний крайне желательно: ведь он (если действительно совершил преступление) может назвать

все детали его, места сокрытия орудий преступления, трупа, его останков, предметов и документов, которыми он завладел в результате совершения преступления, своих соучастников, в том числе и организаторов или заказчиков преступления. Но, не говоря уже о том, что такие показания должны быть получены законными и допустимыми средствами, они представляют доказательственную ценность лишь в одном своем уникальном качестве — как источник получения других доказательств о тех обстоятельствах, которые мы перечислили выше (о местах сокрытия отдельных объектов, соучастников).

На наш взгляд, в основе проверки достоверности даваемых лицом «признательных» показаний, т. е. в основе соответствующей тактической операции, должны лежать следующие послылки.

1. Непротиворечие их «узловым», объективно установленным фактам расследуемого преступления: о способе и месте совершения данного преступления против личности, его мотивах (если таковые на момент допроса этого лица сомнений не вызывают и существенны для оценки даваемых показаний). Например, В. признал себя виновным в том что убил З., нанеся ему несколько ударов по голове молотком. Однако согласно заключению судебно-медицинской эксперта смерть З. наступила в результате удушения, а следов телесных повреждений, которые могли бы быть причинены ударами молотка, на голове потерпевшего не имелось. Объяснить эти противоречия В. не мог; последующее расследование показало, что В., оговорил себя в убийстве З., будучи психически больным человеком.

Признавая себя виновным в нанесении телесных повреждений, Ю. в то же время категорически утверждал, что никаких ценностей у потерпевшего У. он не забирал (на последнего было совершено разбойное нападение и отобран видеоманитофон). Это противоре-

чие вызвало сомнения в достоверности данных Ю. «признательных» показаний. Проверка их показала, что Ю. «взял на себя разбойное нападение», совершенное его старшим братом. Ю. в дальнейшем выяснил, что, давая «признательные» показания, он был вынужден в то же время отрицать факт завладения видеомagneтофоном, так как не «придумал», как объяснить, куда он его дел;

2. Соответствие даваемых показаний объективным фактам, установленным до дачи таких показаний (в ходе осмотра места происшествия, обыска, допросов иных лиц, чьи показания не вызывают сомнений в своей достоверности). Эти факты могут касаться как существенных обстоятельств, непосредственно составляющих предмет доказывания по данному делу, так и обстоятельств менее значительных, однако указывающих, что допрашиваемый действительно знает даже мельчайшие нюансы, связанные с обстановкой происшедшего.

Давая «признательные» показания, К. пояснил, что с Н. он в своей квартире распил две бутылки водки, после чего между ними произошла ссора, в результате которой он убил Н. После убийства он из квартиры ушел и был задержан спустя несколько дней, когда в его квартире был обнаружен труп Н. Следовательно ограничился этими показаниями К., не сопоставив их даже с протоколом осмотра места происшествия, согласно которому на столе в квартире К. стояли не две, а четыре бутылки из-под спиртных напитков (две с водочными этикетками, одна с коньячной, одна с этикеткой болгарского вина), и поэтому, естественно, не устранил данного противоречия.

К. на следующий же день после дачи «признательных» показаний от них категорический отказался, заявив, что они давались в результате физического воздействия на него работниками милиции (наличие на

теле К. многочисленных следов побоев спустя два дня подтверждено судебно-медицинской экспертизой).

Указанное противоречие между объективными данными об обнаруженных бутылках и показаниями К. в этой части позволило защите выдвинуть версию о том, что убийство Н. было совершено не К., а другим лицом, с которым после ухода К. Н. в его квартире распил бутылку коньяка и бутылку вина. Эта версия опровергнута не была, хотя органы дознания располагали оперативными данными, что данные бутылки стояли на столе еще до того, как за ним встретились К. и Н. Уголовное дело в отношении К. было прекращено за недоказанностью предъявленного ему обвинения в убийстве Н.;

3. Наличие в «признательных» показаниях деталей, нюансов описываемых событий, которые «нельзя выдумать», свидетельствующие о достоверности данных показаний. Значимость этих, так сказать, «частностей» иногда своевременно следователем не осознается: далеко не всегда они фиксируются следователем в протоколе допроса — последний, как правило, является продуктом совместного творчества допрашиваемого и следователя. Вот почему так важно использовать при допросе такого лица вспомогательные средства фиксации его показаний — аудио- или видеозапись, которая отразит все, в том числе казалось бы несущественные моменты и даже оговорки в его показаниях. Особенно важны они для использования в той ситуации, когда данное лицо в дальнейшем отказывается от данных ранее «признательных» показаний. Анализ соответствующей аудио- или видеозаписи позволяет выявить такие частности в показаниях этого лица и тактически правильно их использовать как в последующих его допросах, так и при составлении обвинительного заключения в части обоснования достоверности именно «признательных», а не последующих показаний обвиняемого.

Например, С. признал себя виновным с совершении убийства А. Рассказывая об обстоятельствах сокрытия трупа, С. объяснил, что непосредственно после убийства он не смог как следует закопать труп (была зима) и спрятал его в полуосыпавшемся окопе, забросав ветками и снегом. Весной же, боясь, что труп будет обнаружен, он пришел на место его захоронения, выкопал рядом глубокую яму и перезахоронил в нее останки А. (там они спустя полтора года и были случайно обнаружены). Эти показания С. записали на магнитную ленту. В дальнейшем С. сделал попытку частично от них отказаться, в том числе от факта перезахоронения трупа А.

Прослушивая аудиозапись «признательных» показаний С., следователь обратил внимание на то, что, рассказывая об обстоятельствах перезахоронения трупа, С. мельком заметил, что когда он извлек труп из места первоначального его сокрытия, то кисть левой руки трупа была обглодана мышами. Сопоставив звукозапись с протоколом допроса С., следователь убедился, что, не придав в свое время значение этой детали, он ее в протокол допроса признавшегося С. не внес. В то же время она полностью соответствовала заключению судебно-медицинской экспертизы трупа А., отметившей наличие на кисти левой руки следов зубов, возможно, оставленных грызунами. При этом экспертиза была произведена значительно позже дачи С. изложенных показаний.

При повторном допросе С. следователь воспроизвел ему звукозапись его же «признательных» показаний в этой части, предъявил С. заключение судебно-медицинской экспертизы трупа А., обратив внимание допрашиваемого на даты того и другого, и предложил объяснить, откуда он, С., мог, не перезахоранивая труп, знать еще до экспертов о такой детали, как обглоданная животными именно кисть и именно левой руки

трупа. Поняв невозможность как-либо убедительно объяснить эту свою «виновную осведомленность», С. был вынужден вновь подтвердить факт перезахоронения трупа А., одновременно вновь признав и другие обстоятельства совершения им убийства потерпевшего;

4. Из приведенного выше примера становится очевидным необходимость использование при допросе лица, признающего себя виновным, дополнительных средств фиксации показаний: аудио- и видеозаписи (последняя предпочтительней). Кроме того, ее наличие, во-первых, психологически затруднит попытку допрошенного отказаться от данных «признательных» показания (если, конечно, они были правдивы); во-вторых, значительно снизит вероятность того, что в случае отказа от них данное лицо будет ссылаться на применение к нему незаконных методов ведения следствия. Во всяком случае позволит суду объективно оценить обоснованность подобных объяснений обвиняемого о причинах дачи им ранее таких «признательных» показаний;

5. «Штатным» средством закрепления «признательных» показаний лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, по праву является проверка его показаний на месте происшествия. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство такого следственного действия не знает. Поэтому реализовываться это средство должно в процессуальном и тактическом режиме следственного эксперимента, осуществляемого, как известно, путем не только совершения опытных действий, но и воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события (ст. 183 УПК). Именно это по сути и составляет содержание «проверки показаний на месте». «Проверка на месте» убедительное средство объективного подтверждения достоверности показаний лица, признавшего себя виновным в совершении

преступления против личности в том случае, когда в процессе ее проведения подозреваемый (обвиняемый):

- указывает на отдельные места, связанные с совершенным им преступлением (места подготовки, совершения деяния, сокрытия его следов), о которых могло знать лишь лицо, действительно совершившее преступление и на которых ранее следователем или в ходе этого следственного действия обнаружены объективные данные, свидетельствующие о криминальном (и криминалистическом) значении этих мест;

- демонстрирует свои действия при совершении преступления, соответствующие объективным данным о них, полученным ранее при расследовании дела, либо достоверность которых подтверждается в дальнейшем при «проверке показаний на месте». Приведу несколько примеров, иллюстрирующих данное положение. На месте обнаружения трупа Ц. следователь, заканчивая осмотр, оставил так называемый условный ориентир — зарытый на небольшую глубину (для сохранности) контейнер с записью, подписанной им, другими участниками осмотра места происшествия и понятыми, удостоверяющей факт обнаружения в том месте трупа. Подозреваемый Г. в процессе проверки показаний указал место, где им был в свое время сокрыт труп Ц. Раскопав по предложению следователя верхний слой земли на этом месте, подозреваемый извлек ранее оставленный следователем «условный ориентир», также по предложению следователя раскрыл его и огласил содержание находившей в нем записи.

Д., признавший себя виновным в совершении разбойного нападения, при проверке показаний указал место сокрытия ценностей, которыми он завладел. Там они были обнаружены и в дальнейшем опознаны потерпевшим как принадлежащие ему.

Давая пояснения в ходе проверки показания на месте происшествия. Ж., признававший себя виновным в

совершении изнасилования, указал место, находясь на котором он поджидал жертву, и указал на несколько находящихся там окурков, пояснив, что они от сигарет, выкуранных им в то время. Окурки, на которые указал подозреваемый, были изъяты, в дальнейшем судебно-медицинская экспертиза установила, что обнаруженная на них слюна могла принадлежать Ж.

3., убив потерпевшего ударом металлической трубы по голове, при проверке его «признательных» показаний на месте происшествия, используя макет трубы, на дублере потерпевшего, показал, как им наносился удар и каково было в этот момент их (его и потерпевшего) взаиморасположение. Назначенная экспертиза, проанализировав акт судебно-медицинской экспертизы трупа и результаты описанного следственного действия, пришла к выводу, что смертельный удар потерпевшему был нанесен именно так, как о нем на месте происшествия рассказал и показал 3.;

6. «Признательные» показания лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, могут быть достоверно проверены проведением других видов следственного эксперимента: проверки возможности совершения им определенных действий, входящих в канву обстоятельств, о которых он дает показания, наличия определенных навыков или профессиональных умений, использованных при совершении расследуемого преступления;

7. Достоверность показаний лица, признавшего себя виновным в совершении преступления, может быть также проверена предъявлением ему для опознания потерпевшего, оружия преступления и других предметов, связанных с расследуемым преступлением, очными ставками между данным лицом, его соучастниками, а также потерпевшим и свидетелями (естественно, при наличии для их производства указанных в процессуальном законе оснований).

Как показывает практика, лицо, отказавшееся в дальнейшем от своих «признательных» показаний, зачастую объясняет причину их дачи физическим воздействием на него со стороны работников органов дознания. С целью предупреждения таких объяснений необходимо: во-первых, подвергнуть задержанного до его допроса по существу дела судебно-медицинскому освидетельствованию на предмет установления наличия телесных повреждений; в случае если таковые будут обнаружены, незамедлительно допросить подозреваемого об обстоятельствах их получения. Во-вторых, после дачи подозреваемым «признательных» показаний вновь произвести его судебно-медицинское освидетельствование. Цель его ясна: установить, что в промежутке между первым и вторым освидетельствованиями у подозреваемого не появились телесные повреждения.

Совершенно очевидно, что в структуре данной тактической операции существенное место должно отводиться оперативным мероприятиям, проводимым органами дознания либо инициативно, либо по поручению о том следователя, расследующего данное уголовное дело.

В заключение отметим: чтобы избежать психологически вообщем-то понятной переоценки значения таких «признательных» показаний, необходимо проанализировать собранные по делу доказательства со следующей позиции: какие доказательства, изобличающие обвиняемого по делу, останутся, если из материалов дела исключить «признательные» показания обвиняемого? Если в результате такого анализа окажется, что иных доказательств вины обвиняемого нет или их совокупность недостаточна для однозначного обоснования обвинения, должен быть сделан единственный логически и процессуально правильный вывод: вина обвиняемого не доказана, преступление не раскрыто.

**Краткие сведения
об основоположниках и ведущих представителях
мировой и отечественной криминалистики**

(Сведения приводятся по:

Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997)

АБДУМАДЖИДОВ Гафур Абдумаджидович (р. 1928), доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований — проблемы предварительного расследования и криминалистической методики.

Осн. труды: Борьба с преступлениями в области хлопководства. Л., 1960; Расследование преступлений. Таш., 1986.

АВЕРЬЯНОВА Татьяна Витальевна (р. 1952), доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований — общая теория судебной экспертизы, методы экспертного исследования, проблемы баллистики.

Осн. труды: Содержание и характеристика методов судебно-экспертных исследований. А.-А., 1991; Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы Баку, 1992 (совм. с И. А. Алиевым); Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития. М., 1994 (в соавт.); Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебной экспертизы. М. 1994; Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. М. 1997 (в соавт.).

АРОЦКЕР Лев Ефимович (1927—1980), доктор юридических наук, профессор, один из ведущих специалистов в области почерковедения и проблем использования кри-

семи темам, которые в своей системе, на мой взгляд, составляют основы криминалистики как науки и учебной дисциплины.

Может быть, здесь излагаются не лучшие импровизации автора на эти темы, и с выбором их не все согласятся; несомненно отдельные проблемы той или иной темы автором либо опущены либо упущены, видимо, есть и прямые погрешности в обобщении материалами все же я решил их опубликовать, ибо, как предупреждал критиков, публикуя свои работы ранних лет Артур Шопенгауэр, время, когда я уже ничего не смогу исправить, не может быть очень далеко».

И еще несколько «вводных» замечаний. Работая над этим курсом лекций, я, разумеется, ознакомился с текстами многих лекций, именитых криминалистов. И, на мой взгляд, недостаток ряда из них состоит в том, что, хотя в большинстве текстов видна авторская позиция по излагаемому материалу, но нет авторской интонации. А без нее — это не лекция, это — иной жанр: учебного или учебно-методического пособия. Как удалось (и удалось ли) мне сохранить авторскую интонацию — судить читателю.

Не по всем вопросам всех освещенных здесь тем у меня есть собственное мнение. И тогда я ограничиваюсь изложением мнений по ним, высказанными в литературе. В подобного рода изданиях это допустимо, в чем меня убеждают (и где-то утешают) слова американского философа и поэта Ральфа Эмерсона: «Использование заимствованных мыслей всегда сопровождается некой неловкостью, но, едва мы осознаем, как нужно применить их, они становятся нашим состоянием».

И последнее: очень много лет тому назад Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн Хасан ибн Али ибн Сина в одной из своих работ сделал такое отступление: «Если этот вопрос не был бы длинным, то я бы стал излагать его. Поэтому то, что я могу объяснить вкратце, заключается в следующем...» Эти слова философа и целителя, известного нам под значительно более коротким великим именем Авиценны, можно считать эпиграфом к предлагаемому на суд читателей курсу лекций по основам науки и учебной дисциплины криминалистики.

Тема 1

ВВЕДЕНИЕ В КУРС КРИМИНАЛИСТИКИ

Вопросы:

Краткий экскурс в историю возникновения и становления науки криминалистики.

Современные воззрения на предмет науки криминалистики.

Система, основные понятия и методы криминалистики.

Направления развития науки криминалистики.

Литература:

Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 томах. Т. 1., М., 1997.

Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999.

Торвальд Э. Ю. Сто лет криминалистики. М., 1974.

Крылов И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Л., 1975.

Баев О. Я.

Краткий экскурс в историю возникновения и становления науки криминалистики

Давно известно: чтобы понять какое-либо явление, необходимо знать как это явление возникло, какие этапы оно проходило в своем развитии. И лишь после этого станет ясным, чем является оно в настоящее время. Сказанное относится и к возникновению и становлению любой науки, в том числе и к науке криминалистики.

Тут необходимо небольшое отступление. Как в любом повествовании, отступления в лекциях необходимы и мне — воспользуюсь словами одного хорошего писателя — «нередко придется употреблять это почти одиссеевское словечко, ибо отступление в прозе — нечто в роде зигзага по пути в Итаку» (Аксенов В. Скажи изюм. М., 1999. С. 17).

Потребности человека, потребности общества вызывают к жизни тот или иной вид деятельности — от строительства жилища и врачевания до изучения круговращения звезд и определения места человека под ними. Накопленный в этих видах деятельности опыт нуждается в обобщении и теоретическом осмысливании. И тогда возникает соответствующая наука: медицина и архитектура, астрология, астрономия и философия.

Говорят, что второй древнейшей профессией, вторым древнейшим видом профессиональной деятельности является журналистика (на первое место ставят проституцию). Вряд ли с этим можно согласиться. Задолго до журналистики потребности общества вызвали к жизни фигуру расследователя «возмутителей спокойствия», расследователя того, что с возникновением государства стало называться деликтами, правонарушениями и преступлениями. История человечества, история цивилизации — это во многом история преступлений и наказаний. А чтобы наказать преступника, его надо, как минимум, найти и изобличить.

Основы деятельности по расследованию преступлений таятся св глубокой древности, в той, где таится первое из наиболее известных, «знаковых» преступлений на земле — убийство Авеля.

Вот как это произошло и расследовалось:

«...восстал Каин на Авеля, брата своего и убил его.

И сказал Господь (Бог) Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?

И сказал (Господь): что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли» (Быт., 4).

Классическая до сегодняшнего дня схема: убийство, попытка уйти от ответственности, извернуться («разве я сторож»), изобличение — «кровь брата твоего» и последующее наказание (по «данному делу» в виде изгнания и «каиновой печати»).

Менялись эпохи, менялись и методы изобличения правонарушителей, методы расследования преступлений. Уже несколько тысяч лет тому назад древние китайцы создали способы расследования, учитывающие психофизиологию человека: заподозренным в совершении преступления людям на кончики языков клали щепотки риса; у кого он оставался сухим, тот и объявлялся преступником. Исходили китайские расследователи из посылки, что у виновного от волнения не выделяется слюна. При всей своей кажущейся наивности что-то научное в этом способе есть. Во всяком случае особенности психофизиологических реакций человека активно изучаются и используются и в современной криминалистике, в плане диагностики личности, в том числе и с использованием для того аппаратов типа полиграфа.

Уже в Законе XII Таблиц (первом своде законов Древнего Рима, 451—450 гг. до н. э.) содержались сугубо криминалистические предписания по тактике обыска. В частности, указывалось: «Закон XII Таблиц предписывает, чтобы при производстве обыска обыскивающий не имел никакой одежды, кроме полотняной повязки, и держал в руках чашу» (цит. по кн.: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под. ред. З. М. Черниловского. М., 1984. С. 50). Трудно представить, как можно реально производить обыск с чашей в руках, но практический смысл этой рекомендации ясен и актуален и для наших дней: чтобы не возникали сомнения в том, что обыскивающий

что-то значимое в доказательственном отношении подкинул в обыскиваемое помещение.

Суровое время средневековья явило обществу инквизиционный процесс с клещами, с дыбой, другими пытками, четко регламентированными по ступеням и степеням, с огнем и водой как методами изобличения преступников. Например, женщине, заподозренной в связях с нечистой силой, связывали руки и бросали в воду: если всплывет, совершенно очевидно — ведьма и в огонь ее! Если утонет — ошибочка вышла, но Господь отпустит ей и палачам ее грехи.

Достойные святые отцы монахи — инквизиторы XV в. Генрих Инститорис и Яков Шпренгер в одной из, пожалуй, самых страшных книг в истории человечества «Молоте ведьм» подробно расписали как расследовать преступления еретиков. Вот как звучит наименование одного из параграфов этого сугубо «научно обоснованного учебно-методического пособия»: «Пятнадцатый вопрос о том, как продолжается пытка, о признаках, по которым судья узнает ведьму, как должен он защищать себя от околдования и как они остригаются и где прячут свои орудия околдования. К сему добавляются разные объяснения о том, как надлежит сломить их запирательство» (Молот ведьм. М., 1990. С. 299).

Все эти века, все эти томительные десятилетия средства и методы расследования преступлений изучались и обобщались в рамках теории уголовного судопроизводства, как бы мы сказали сегодня, в рамках науки уголовного процесса. И так продолжалось до середины XIX в. Чем же знаменит под углом изучаемой темы этот девятнадцатый век?

Обычно в этом отношении говорят о резком и практически повсеместном — от России до Франции, от Англии до Америки — всплеске преступности. Конечно и это имело место. Но, на наш взгляд, дело все

же в несколько ином: в осознанной общественной потребности целенаправленной борьбы с преступностью, в ограждении членов общества от преступных посягательств, в обеспечении неотвратимости наказания за совершение преступлений. Тогда-то и появляются первые профессионалы «уголовного сыска», первые органы, занимающиеся исключительно расследованием преступлений.

Обычно возникновение криминальной полиции в узком значении этого понятия связывают с именем Эжена Видока. В 1810 г. он после весьма бурно проведенной молодости явился в парижскую полицейскую префектуру и предложил использовать свои знания преступного мира для борьбы с ним. Как сообщает Ю. Торвальд, Видок с несколькими своими людьми (как и он сам из числа бывших преступников) за год изобличил и арестовал около 1000 убийц, взломщиков и воров. За 20 лет своего нахождения на посту криминальной полиции Видок создал архивы, досье преступников, зачатки идентификации. В частности, когда он уже не мог скрывать свою роль шефа полиции, Видок систематически посещал тюрьмы, осматривал заключенных. Обладая феноменальной зрительной памятью, он запоминал их внешность, что давало возможность устанавливать в дальнейшем тождество отдельных из них с разыскиваемыми преступниками. Знаменитая картина Ван-Гога «Прогулка заключенных» представляет изображение так называемого «полицейского парада»: заключенные проходят по кругу, в середине которого стоят полицейские, запоминающие их внешность.

На несколько десятилетий ранее в Англии судья Генри Фильдинг (он же известный писатель — Фильдинг) также организовал сыскную полицию: дюжина его помощников была не только снабжена пистолетами, но и одета в красные жилеты как опознавательны-

ми знаками (видимо, это была первая форма полицейских). На посту шефа английской сыскной полиции Генри Фильдинга сменил его сводный брат Джон. Он был слепым, но как свидетельствует история (а может быть, легенда) он по голосу в конце жизни мог опознавать более 2500 преступников.

Примерно в те же годы некий американский бондарь случайно был вовлечен в расследование убийства. Используя природную интуицию и склонность к дедуктивному мышлению, он раскрыл преступление и на следующее утро он проснулся великим детективом государства, в котором, как сообщает Ю. Торвальд, самая сильная полиция в Чикаго насчитывала всего лишь одиннадцать в высшей степени сомнительных сотрудников. Этот бондарь не упустил своего шанса и основал первое в истории Национальное сыскное агентство, дав ему свое имя. Звали его — Аллан Пинкертон. (Торвальд Ю. Сто лет криминалистики. М., 1974).

И хотя именно с фамилиями Видока, Фильдинга, Пинкертона историки связывают возникновение профессиональной криминальной полиции и появление криминалистов по своей основной профессии, нельзя не «восстановить отечественный приоритет». Как упоминает Р. С. Белкин, еще в 1741 г. вор-рецидивист Ванька Каин (кличка Ивана Осипова) подал в Сыскной приказ челобитную с просьбой принять его в службу «для сыску и поимки» 32 преступников, перечисленных в челобитной. «Просьба его была удовлетворена, и он занимался «доносительством» до конца 40-х годов, когда обнаружилось, что Каин параллельно с «доносительством» сам совершает преступления в сговоре с чиновниками полиции и Сыскаго приказа». Время было суровое, шутить императрица Елизавета Петровна не умела и Ваньке Каину вынесли смертный приговор, замененный затем наказанием кнутом, вырезанием ноздрей, клеймением и ссылкой «в тяжелую

работу» (Белкин Р. С. Курс криминалистики, М., 1997. Т. 1. С. 185).

Делая краткий исторический экскурс возникновения профессиональной криминальной полиции, мы не случайно обратили внимание на феноменальную зрительную память Эжена Видока, феноменальную слуховую память Джона Фильдинга, на «полицейские парады» и на то, что Ванька Каин в конце своего славного пути был клеймен.

Дело в том, что перед любой криминальной полицией, перед любым «сыском и поимкой» всегда возникала и возникает в настоящее время, в качестве перво-степенной задача отождествления лица либо как совершившего разыскиваемое преступление, либо как ранее уже совершавшего преступления.

Долгие годы решались эти задачи описанием разыскиваемого преступника («а лет ему отроду 20. А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая» — так описан «злой еретик» Гришка Отрепьев («Борис Годунов» Пушкина) либо клеймением, позволяющим безошибочно распознавать рецидивистов, что лицо ранее «привлекалось» (вспомним лилию на роскошном плече миледи из «Трех мушкетеров»).

Очевидно, что эти способы отождествления либо крайне неточны, либо крайне негуманны. Профессиональная криминальная полиция в просвещенном XIX в. удовлетвориться ими не могла. И вот тогда-то и возник первый научный метод отождествления личности.

«Процесс образования научных дисциплин, — писал известный философ П. В. Копнин, — носит конкретно-исторический характер; длительное время система знаний развивается внутри какой-либо науки, а потом ее связи с другими теоретическими системами, входящими в нее, ослабевают и сама она внутренне разрастается, вырабатывает свой язык и метод и, таким образом,

становится самостоятельной областью знания, получает свое имя» (Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. С. 310). Именно таким образом возникала и наука криминалистика. Длительное время система знаний о расследовании преступлений развивалась внутри науки уголовного процесса, но затем общественная потребность обусловила возникновение научного уже метода, «не вписывающегося» в науку уголовного процесса; затем народившаяся наука получила свое имя (о чем скажем чуть позже).

Летом 1879 г. мелкий чиновник Парижской полиции Альфонс Бертильон, заполняя многочисленные карточки на преступников с указанием их примет, которые никак не могли помочь их установлению (рост низкий, волосы черные и т. д.), («Ай да бумага! по этим приметам не мудрено будет вам отыскать Дубровского. Да кто же не среднего роста, у кого не русые волосы, не прямой нос, да не карие глаза! Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с самим Дубровским, а не догадаешься, с кем Бог тебя свел. нечего сказать, умные головушки приказные», — справедливо возмутился Кирилл Петрович, выслушав «приметы Владимира Дубровского, составленные по сказкам бывших его дворовых людей»); вдруг понял, что естествознание дает возможность безошибочно отличать одного преступника от другого по отношениям между собой частей человеческого тела. Ю. Торвальд пишет, что А. Бертильон потом признавался, что эта идея родилась у него от сознания полнейшей бессмысленности своей работы и одновременно из воспоминаний детства о работе своего отца и деда (отец его был профессором, а дед известным математиком и естествоиспытателем). Так родился первый научный антропометрический метод расследования преступлений, именуемый еще по фамилии его создателя — *бертильо-нажем*.

Суть его сводится к следующему обоснованному положению: размеры костей взрослого человека всю жизнь остаются неизменными и что если вероятность совпадения роста людей представляет соотношение 4:1, то рост плюс еще одно измерение, например, длина тела до пояса, уменьшает вероятность совпадения до 16:1. Если же сделать 11 измерений и зафиксировать их в карточке преступника то по теории вероятности шанс найти его одного человека с такими же данными будет 1 на 4 с лишним миллиона; если же воспользоваться, 14 измерениями, то этот шанс снизится на 1 к 286 с лишним миллионов.

Так родился первый, весьма трудоемкий, не очень может быть совершенный, научный метод исследования, родилась наука криминалистика. Как в любой науке в ней есть свои герои и мученики. В то время, когда Бертильон в Париже измерял и фотографировал сопротивлявшихся тому преступников, служащий британской администрации в Индии Вильям Хершель писал письмо: «С этим прилагаю работу о новом методе идентификации личности. Он заключается в отпечатках указательного и среднего пальцев правой руки с использованием обычной штемпельной краски».

В это же время шотландец Генри Фулд в письме из Японии сообщал: «Я рассматривал несколько найденных в Японии черепков глиняных сосудов и обратил внимание на некоторые отпечатки пальцев, которые, видимо, возникли, когда глина была еще мягкой. Сравнение этих отпечатков с вновь сделанными побудило меня заняться этой проблемой. Рисунок линии кожи не изменяется в течении всей жизни и может лучше фотографии служить средством идентификации».

В те же годы поисками путей идентификации занимались Фрэнсис Гальтон в Лондоне, Эдвард Генри в

Калькутте, Жан Вучетич в Аргентине — одна из самых трагических фигур из числа пионеров криминалистики: создав и внедрив в практику полиции Аргентины и других южноамериканских государств дактилоскопический метод идентификации личности, он умер в глубокой бедности, за несколько лет до смерти в припадке ярости уничтожив рукопись последней своей работы «Всеобщая теория идентификации».

Несомненно, метод дактилоскопической идентификации не только значительно проще и точнее «бертильонажа» (в этой связи скажем только, что по научно обоснованным выкладкам Ф. Гамильтона вероятность совпадения отпечатков десяти пальцев одного человека с отпечатками десяти пальцев другого человека невероятно мала, более того практически невозможна ибо составляет соотношение 1 : 64 000 000 000), но давал следователем возможность идентифицировать человека по следам пальцев рук, обнаруживаемых на месте происшествия, в высшей степени объективно доказывая его присутствие на данном месте.

Как всем хорошо известно, дактилоскопия остается основным методом идентификации и в настоящее время.

Естественно, не только с научными методами идентификации связано рождение науки о расследовании преступлений. Это и активное использование в целях расследования достижений медицины и химии, биологии и баллистики. Еще в 1835 г. английский полицейский Г. Годдар по следам на пуле разыскал убийцу. Научные основы судебной баллистики историки криминалистики связывают с именем Ч. Уайта, в двадцатые годы двадцатого века обосновавшего, что каждое оружие оставляет на пулях и гильзах свои, уникальные следы.

Весьма весомый вклад в становление и развитие научных методов расследования преступлений внесли и

русские криминалисты: В. И. Молчанов и И. В. Скопин, разработавшие методы рентгенологического, спектроскопического, химического и биологического анализа огнестрельных раневых каналов; Бохман, создавший «насыпной» метод изготовления гипсовых слепков объемных следов обуви; М. Ф. Буринский — один из основоположников методов судебной исследовательской фотографии в частности, метода цветоделения, позволяющего выявлять невидимые тексты и восстанавливать содержание документов (Российская Академия Наук приравнивала открытие М. Ф. Буринским метода цветоделения к изобретению микроскопа); Ф. А. Чистович, еще в 1884 г. научно обосновавший способы определения видовой принадлежности крови, и другие отечественные ученые, поставившие свои дарования на службу святого дела создания научных методов расследования преступлений.

Самому же термину «криминалистика» для наименования и обозначения возникшей самостоятельной системы научных знаний о расследовании преступлений мы обязаны австрийскому комиссару полиции и профессору Гансу Гроссу, предложившему его в 1897 г., а в следующем году издавшему фундаментальный труд «Руководство для судебных следователей как система криминалистики». Полный перевод 4-го немецкого издания этой работы опубликован в России в 1908 г. Однако, как сообщает Р. С. Белкин, еще в 1899 г. журнал «Право» в нескольких номерах опубликовал перевод рукописи статьи Г. Гросса «Новые данные из области криминалистики» (см.: Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3-х томах. М., 1997. Т. 1. С. 15). И с тех пор наука о расследовании преступлений именуется как криминалистика, хотя ее в разных странах именовали, а иногда именуют и сейчас, и «полицейской техникой», и «научной полицией» и «уголовной техникой».

Ниже приводятся хронологические сведения о становлении и первых шагах практической криминалистики в России (сведения заимствованы из: Болгов В. И., Владимиров В. Ю., Солонуха М. А. От судебно-фотографической лаборатории до экспертно-криминалистического управления // Вестник Санкт-Петербургского университета. МВД России, 1999, № 1. С. 106—108):

11 сентября 1880 г. Е. Ф. Буринский на собственные средства открывает при Петербургской судебной палате первую в России судебно-фотографическую лабораторию.

1 января 1893 г. учреждена при прокуратуре Санкт-Петербургской Судебной Палаты лаборатория для производства судебно-фотографических исследований по уголовным и гражданским делам.

6 июля 1908 г. учреждается Сыскное отделение полиции, при котором открываются первые в России антропометрическое бюро и бюро фотографии.

9 декабря 1912 г. открыт первый в России кабинет научно-судебной экспертизы при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты.

Первая в России дактилоскопическая экспертиза проведена по делу Шунько и Алексеева по факту убийства провизора Вайсброд в ночь на 18 февраля 1912 г. При осмотре обнаружили осколок стекла со следом пальца руки. Эксперт З. И. Лебедев, произведя экспертизу, установил, что след на осколке оставлен Алексеевым.

Первая в России баллистическая экспертиза произведена в 1913 г.: исследование двух гильз, обнаруженных на месте убийства; пули, обнаруженной в теле убитого; пистолета «Браунинг», изъятого у подозреваемого лица.

С 1 по 9 июля 1916 г. под руководством профессора С. Н. Трегубова состоялся первый съезд экспертов-криминалистов России.

16 апреля 1917 г. Временное правительство создало Управление уголовного розыска, в составе которого стало действовать справочное регистрационно-дактологическое бюро.

5 января 1918 г. Петроградский Совет принял решение о создании Комиссариата уголовного розыска, в состав которого перешло Справочное регистрационно-дактологическое бюро бывшей сыскной столичной полиции.

Более глубоко ознакомиться с историей возникновения криминалистики можно по увлекательнейшим работам Юргена Торвальда «Сто лет криминалистики», «Следы в пыли», «Криминалистика сегодня»; И. Ф. Крылова «Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы», «Были и легенды криминалистики»; Р. С. Белкина «История отечественной криминалистики».

Современные воззрения на предмет науки криминалистики

Так что же такое наука криминалистика? Что является предметом ее изучения?

Вновь используем исторический подход и посмотрим — буквально в нескольких тезисах — как определялся предмет криминалистики основоположниками этой науки, как со временем трансформировалось его определение, в первую очередь в отечественной криминалистике, и какой наука криминалистика представляется в наше время.

«Криминалистика,— писал Ганс Гросс (ему мы обязаны самим наименованием нашей науки),— по природе своей начинается лишь там, где уголовное право, также по своей природе, прекращает свою работу: материальное уголовное право имеет своим пред-

метом изучение преступного деяния и наказания, формальное уголовное право (процесс) включает в себя правила применения материального уголовного права. Но каким именно способом совершаются преступления? Как исследовать эти способы и раскрывать их, какие были мотивы в совершении такового, какие имелись в виду цели — обо всем этом нам не говорят ни уголовное право, ни процесс. **Это составляет предмет криминалистики**» (выделено мной.— О. Б.; это и нижеследующие определения предмета криминалистики, если иное не оговаривается, приводятся по работе Р. С. Белкина «Курс криминалистики» в 3-х томах. Т. 1. Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 73—115).

По существу в русле этих же идей в 1921 г. российский ученый Г. Ю. Мансс полагал, что криминалистика изучает «во-первых, способы совершения преступлений, профессиональные особенности и быт преступников (их жаргон, их суеверия и т. д.) и, во-вторых, приемы расследования преступлений, включая идентификацию преступников».

Спустя двадцать лет Б. М. Шавер определил криминалистику как науку «о приемах и методах обнаружения и исследования доказательств, используемых в целях раскрытия преступления, обнаружения и опознания преступника». Наиболее принципиальное различие этих определений в том, что если Г. Ю. Мансс считал криминалистику прикладной дисциплиной — даже статья, в которой формулировано приведенное определение предмета криминалистики называлась «Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания» — то Б. М. Шавер отстаивает самостоятельный характер этой науки.

Двадцать лет спустя А. Н. Васильев по сути дела повторил мнение о том, что «лучше определить криминалистику как науку об использовании данных естественных и технических наук, в частности, физики,

химии, механики, биологии как и психологии, логики, науки управления и других в деятельности по расследованию и предупреждению преступлений, осуществляемой на основе уголовно-процессуального закона». Тем самым он вновь лишил криминалистику ее собственного содержания, вновь сведя ее к уровню прикладной дисциплины, «науке об использовании данных...» Как говорил по поводу подобных новаций Гегель, «можно пойти дальше вперед и дальше назад» (Гегель В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 155); определение А. Н. Васильева — «дальше назад». Разве может быть самостоятельной наукой наука об использовании чего-то в таких-то целях?

В 1967 г. Р. С. Белкиным впервые предложено (совместно с его учеником Ю. И. Краснобаевым, к сожалению, очень рано ушедшим из жизни) принципиально новое представление о предмете науки криминалистики как науки о закономерностях, лежащих в сфере судебного исследования преступлений. И это было — «дальше вперед». Действительно, чем занимается любая наука, претендующая на самостоятельный свой характер? Изучением закономерностей, которым подчиняется объект ее исследований. Эта посылка — методологическая аксиома, но, приложенная к криминалистике, вызвала научный бум.

После длительных, несомненно плодотворных научных дискуссий большинство их участников присоединились к концепции Р. С. Белкина. Автором с учетом критических прозвучавших в ее адрес замечаний она уточнялась в окончательном виде. «По Белкину», «криминалистика — наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных сред-

ствам и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» (там же. С. 112).

Таким образом, криминалистика изучает три группы закономерностей — закономерности совершения преступлений, значимые для их судебного исследования; закономерности возникновения и существования информации о преступлениях; закономерности самой деятельности по судебному исследованию преступлений. Именно на этой основе и создаются специальные средства и методы судебного исследования и предотвращения.

Нельзя, однако, не сказать, что в последнее время высказываются сомнения в том, что изучение закономерностей преступной деятельности входит в предмет науки криминалистики. Наиболее категоричен в этом отрицании В. А. Образцов. «Преступная деятельность, — пишет он, в очень интересном, но достаточно спорном, на мой взгляд, по своей структуре и некоторым излагаемым идеям «Курсе лекций по криминалистике», — может стать объектом, но не криминалистики, а какой-то другой науки, если таковая состоится, — науки о совершении преступления, способствующей повышению эффективности преступной деятельности (даст Бог, до этого не доживем)» (Образцов В. А. Криминалистика. Курс лекций. М., 1996. С. 12).

С этим подходом нельзя согласиться. Нельзя отрывать исследование преступлений от того, что исследуется, от механизма совершения преступлений, от того, каким закономерностям, значимым для их исследования, они (преступления) подчиняются. Начиная исследование, следователь не может не думать, в первую очередь, о том, как расследуемое преступление было совершено, какие и на каких объектах следы неизбежно или возможно остались от его совершения, т. е. ищет результаты проявления определенных закономерностей преступной деятельности. Разрабатывать средства су-

дебного исследования преступлений в отрыве от закономерностей последних — все равно, что пытаться начертить прямоугольник одной линией — либо без длины, либо без высоты.

Данное виденье предмета криминалистики в настоящее время разделяется большинством ученых. И тем не менее, отдельные его положения требуют существенных корректировок и уточнений, позволяющих несколько иначе определить предмет этой науки.

Дело в том, что процесс развития любой науки, в том числе и криминалистики, — это, в первую очередь, процесс самоидентификации, непрерывный процесс уточнения предмета этой науки и ее места в системе знаний, изучающих тот или иной объект реальной действительности.

Два момента из определения Р. С. Белкина требуют уточнения и конкретизации. Во-первых, что есть «специальные средства», основанные на познании указанных автором закономерностей? Во-вторых, кто является субъектами «судебного исследования», для которых эти специальные средства создаются?

Ответ на первый вопрос следует искать в подходе к соотношению криминалистики и науки уголовного процесса, в частности, теории доказательств. Совершенно прав Р. С. Белкин, что «указание на специальный, то есть криминалистический характер средств и методов судебного исследования и предотвращения преступлении отграничивает эти средства и методы от средств и методов, составляющих предмет процессуальной науки».

Здесь необходимо небольшое отступление. Проблема соотношения криминалистики и науки уголовного процесса обсуждается еще со времен Ганса Гросса и других основоположников криминалистики: где кончается формальное уголовное право (процесс) и где начинается криминалистика (вспомним приведенное вы-

ше Г. Гроссом определение предметной области криминалистики). Научные дискуссии по этому вопросу серьезно обострились и актуализировались после того, как в 1977 г. один из наиболее крупных отечественных криминалистов А. И. Винберг выдвинул положение, согласно которому наука уголовного процесса в части, относящейся к собиранию и исследованию доказательств, познанию закономерностей этого (теория доказательств), составляет раздел науки криминалистики. Поэтому она должна изучаться в рамках общей теории последней (см.: Винберг А. И. Теория доказательств в науке советской криминалистики // Сов. гос. и право, 1977, №12. С. 75). Свое мнение по этой проблеме высказали Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, Г. М. Миньковский, А. Р. Ратинов, И. Ф. Пантелеев и многие другие ведущие ученые — криминалисты и процессуалисты. В самом общем виде в рассматриваемом в данной лекции аспекте эта проблема может быть сформулирована следующим образом: закономерности собирания и исследования доказательств изучает теория доказательств или криминалистика, либо — и этой позиции придерживаемся мы, и теория доказательств и криминалистика.

Наша позиция достаточно подробно изложена и обоснована в нескольких работах (см.: Баев О. Я. Предмет криминалистики и теория судебных доказательств // Правоведение, 1983, № 3; Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Воронеж, 1984). Поэтому здесь она изложена тезисно и лишь в необходимых для уяснения рассматриваемого вопроса пределах.

Информация, циркулирующая в рамках уголовного судопроизводства, всего лишь один из видов информации в широком значении этого понятия. В результате совершения преступлений возникают не доказательства как таковые в уголовно-процессуальном смысле, а информация, связанная с совершением преступлений, с фактами изменения вследствие этого реальной дей-

ствительности. Такая информация существует объективно, вне сознания лица, расследующего преступление (или иного субъекта уголовно-процессуальной деятельности). Ее возникновение, сохранение, возможности собирания и исследования подчиняются определенным объективным закономерностям.

Только сознание следователя, его целенаправленная деятельность, обращение его к информации на основе познания как названных закономерностей, так и закономерностей формирования судебных доказательств, позволит придать части объективно возникшей в результате совершения преступления информации (ее в науке называют уголовно-релевантной — т. е. криминалистически значимой) доказательственную силу, включить ее в этом качестве в процесс доказывания.

Самые общие информационные закономерности (возникновения, существования, использования и т. д. информации) изучаются не теорией доказательств, и не криминалистикой. Они изучаются наукой, приобретающей в наше время все большее и большее методологическое значение — теорией информации, предмет которой и составляют «законы и способы измерения, преобразования, передачи, использования и хранения информации» (см.: *Философская энциклопедия*. Т. 5. М., 1970. С. 210). В сущности, и теория доказательств, и криминалистика изучают те же закономерности. Но, во-первых, относительно специфического, уголовно-релевантного вида информации; во-вторых, каждая из них изучает эти закономерности в своих целях.

Цель изучения информационных закономерностей теорией доказательств — учет их самих и результатов их проявления в возникновении и развитии норм доказательственного права, его институтов и систем. На этой основе, как верно отмечалось в литературе, в частности В. Я. Колдиным, «теория доказательств иссле-

дует процесс доказывания как динамическую систему правоотношений». Иными словами, теория доказательств изучает общественные отношения, связанные с процессом доказывания в уголовном судопроизводстве.

Но процессуальные отношения и процессуальные институты не охватывают и в принципе не могут охватить всей многогранной далеко не инвариантной деятельности по собиранию, исследованию, использованию и оценке уголовно-релевантной информации. Подобно тому, как теория шахматной игры не в состоянии формализовать все ситуации, возникающие и которые могут возникнуть в практике игры, как военное искусство не может предугадать все перипетии предстоящего сражения, так и теория доказательств не может облечь в форму соответствующих правоотношений весь процесс доказывания, формализовать (в лучшем смысле этого слова) всю информационно-познавательную деятельность по исследованию преступлений.

Более того, даже соблюдение всех процессуальных норм и предписаний без наполнения их криминалистическим содержанием — еще не расследование, не исследование преступлений. «Очень многие следственные производства, — писали семьдесят лет назад В. Громов и Н. Лаговьер, — являясь удовлетворительными с точки зрения соблюдения процессуальных форм, в то же время совершенно неудовлетворительны с точки зрения основной цели всякого расследования — раскрытия материальной истины. Процессуальные нормы внешним образом соблюдены, следствие по делу закончено, а «след»-то самый безнадежно утерян... Но что было сделано, чтобы «след» найти, чтобы запутанный клубок распутать? На первый взгляд, сделано все: свидетели допрошены, длинная цепь протоколов налицо. Но более внимательное ознакомление с делом показывает,

что в действительности следователь брал лишь те доказательства, которые, если так можно выразиться, сами плыли ему в руки... В сущности вместо доподлинного расследования и искания истины оказывается чисто обрядовая регистрация всевозможных фактов, которые всплыли сами собой» (Громов В., Лаговьер Н., Искусство расследования преступлений. М., 1927. С. 130—131). По причинам, требующим глубоких специальных исследований (освещение которых явно выходит за пределы темы настоящей лекции), это наблюдение одних из первых российских криминалистов не только не потеряло, но и приобрело большую актуальность в настоящее время.

Возникновение криминалистики, ее постоянное и поступательное развитие обусловлены необходимостью познания средств и методов, структуры информационно-познавательной деятельности в данной специфической области, в первую очередь, закономерностей, лежащих в ее основе. Именно они составляют сердцевину предмета криминалистики. Следовательно, последняя изучает закономерности возникновения, сохранения, переработки информации при доказывании, но в иных целях, чем теория доказательств — в целях оптимизации средств и методов информационно-познавательной деятельности при процессуальном исследовании преступлений.

Тот факт, что отдельные средства и методы информационно-познавательной деятельности и порядок их реализации предусмотрены уголовно-процессуальным законом, никоим образом не меняет их качественно-го, информационно-познавательного, криминалистического характера. Они обязательны для исполнения потому что предусмотрены законом и, на взгляд законодателя, оптимальны для всесторонности, полноты и объективности доказывания во всех мыслимых ситуациях расследования любых преступлений (и в свя-

зи с этим введены в закон). Совершенно прав В. Я. Колдин, утверждавший, что «в тех случаях, когда информационно-познавательные процессы становятся предметом правового регулирования, происходит пересечение, но не совпадение предметов рассматриваемых наук (уголовно-процессуальной науки и криминалистики. — О. Б.)» (Колдин В. Я. Предмет криминалистики // Сов. гос. и право. 1979, № 4. С. 33).

Отсюда следует, что специальные средства и методы криминалистики — это основанные на познании указанных выше закономерностей средства и методы информационно-познавательной деятельности субъектов исследования преступлений, реализуемые в рамках системы правоотношений, установленных уголовно-процессуальной формой.

Для кого же эти специальные, криминалистические средства создаются и разрабатываются, кем используются?

Принципиально значимым является то, что Р. С. Белкин, давая определение предмета криминалистики, как о ее предметной области говорит не только о расследовании преступлений (к изучению и обсуждению которого традиционно ранее сводили криминалистику), а оперирует значительно более широким понятием — «судебное исследование преступлений».

Однако очерченный Р. С. Белкиным круг субъектов этой деятельности («судебного исследования преступлений») вызывает серьезные возражения.

По Белкину, под судебным исследованием преступлений понимается «совокупная деятельность органов дознания, следствия, суда, экспертных учреждений по установлению истины по делу» (там же. С. 84).

Нет сомнений, что следователь, органы предварительного следствия, специалисты, эксперты и экспертные учреждения являются основными субъектами судебного исследования преступлений криминалисти-

ческими средствами в сформулированном выше их понимании. Именно для них в основном эти средства и разрабатываются, ими они в основном и используются. Более двенадцати лет назад А. Р. Шляхов, а затем А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская высказали прогрессивную, на наш взгляд, мысль о том, что в перспективе возможно «отпочкование» от криминалистики самостоятельной научной дисциплины, целенаправленно изучающей и обслуживающей деятельность специалистов, экспертов и экспертных учреждений. Эти авторы предлагают именовать эту научную дисциплину «судебной экспертологией».

Деятельность органов дознания — это предметная область криминалистики лишь в достаточно узком смысле понятия «дознания» — только как формы предварительного расследования преступлений. Собственно розыскная и оперативно-розыскная деятельность, составляющая основные функции органов дознания, в предметную область криминалистики не входят. Они объект изучения не криминалистики, а иной научной дисциплины — теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Это обусловлено тем, что данные виды деятельности осуществляется специально уполномоченными на то и привлекаемыми к ней лицами в ином правовом режиме и весьма специфическими (преимущественно, негласными) средствами, чем деятельность криминалистическая. И потому не криминалистика, а теория ОРД изучает выше перечисленные закономерности, которым подчиняется уголовно-релевантная информация в целях оптимизации этих видов деятельности именно таковыми средствами.

Одновременно отметим следующее: опираясь на практику правоохранительной деятельности, мы полагаем, что предотвращение преступлений, включаемое Р. С. Белкиным и другими учеными в предметную об-

ласть криминалистики, осуществляется преимущественно не криминалистическими, а оперативно-розыскными средствами и методами, и потому как таковое в предмет криминалистики не входит. Оно составляет часть предметной области теории ОРД.

Нельзя согласиться с тем, что в число субъектов криминалистики, в число субъектов судебного исследования преступлений криминалистическими средствами (как бы это на первый взгляд не казалось парадоксальным) включается суд. Эта позиция достаточно подробно (применительно к криминалистической тактике) обоснована нами в нескольких опубликованных работах (О понятии и предмете криминалистической тактики // Материалы международной научно-практической конференции. Иркутск. 1995; Криминалистическая тактика // Актуальные проблемы правоправедения. Екатеринбург, 1992), и потому ограничимся тезисным изложением своих доводов.

Задача суда — единственного органа осуществления правосудия по уголовным делам — слушать, исследовать и принимать законное и обоснованное решение. Суд, по определению, должен решать задачи не поискового (что является прерогативой действительных субъектов криминалистики), а чисто исследовательского характера, в принципе близкие к научному исследованию в области правоприменения. Он должен проверить имеющиеся в деле доказательства «на прочность», подвергнуть тщательному изучению доказательства, впервые представляемые ему сторонами на стадии судебного следствия, выслушать мнения участвующих в процессе сторон о доказанности обвинения, его юридической оценке, личности подсудимого, наказании, по другим, связанным с обвинением, вопросам, а затем на этой основе, руководствуясь законом, своим внутренним убеждением и правосознанием, решить дело.

На такой характер судебной деятельности обращал внимание еще А. Ф. Кони. Обязанность суда *«не заподозреть и исследовать, а разбирать исследованное и приговаривать»* (Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми тт. Т. 2. М., 1966. С. 390.).

Еще один, на наш взгляд, достаточно серьезный довод: все достижения и разработки криминалистики рассчитаны на определенного потребителя — на профессионала. Таковыми не являются народные заседатели, входящие в состав суда при рассмотрении большинства уголовных дел по первой, основной инстанции. Кроме того, создание суда присяжных, который будет (и уже начал в отдельных регионах страны) рассматривать определенные наиболее сложные категории уголовных дел, в силу специфики судопроизводства в нем, в принципе снимает вопрос о суде как субъекте криминалистики.

Сказанное отнюдь не означает, что профессиональный судья (председательствующий при рассмотрении дела с участием народных заседателей, в суде присяжных, член коллегии судей) не должен обладать определенными знаниями хотя бы в части планирования судебного исследования доказательств, криминалистических возможностей отдельных следственных и судебных действий, отдельных видов экспертиз, методологии их производства, и т. п. Но эти познания и их реализация судьей не есть криминалистика. Это то, что Л. Е. Ароцкер называл совершенно точно и научно корректно — использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел (см.: Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964).

Не суд как таковой, а две состязающиеся в суде стороны (обвинения и защиты) являются субъектами криминалистики при судебном рассмотрении уголов-

ных дел: прокурор — государственный обвинитель и адвокат-защитник подсудимого. Осуществляя свою процессуальную функцию, они используют криминалистические средства для собирания, представления, исследования доказательств и убеждения суда в правомерности и обоснованности избранной позиции. Вновь обратимся к А. Ф. Кони: «Розыск доказательств в самом широком смысле слова производит судья, вооруженный опытом и знаниями (согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству — следователь.— О. Б.), и свою работу он передает другим судьям, которые уже ее оценивают, присутствуя (разрядка наша.— О. Б) при совокупной работе сторон при разработке этих доказательств» (Кони А. Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 38.).

Наши высшие судебные инстанции «дозрели» до осознания этого наиболее принципиального для осуществления правосудия положения и существенно ограничили возможности суда по собиранию доказательств и возвращению по собственной инициативе уголовных дел для дополнительного расследования (см.: Постановление Конституционного Суда РФ № 7-П от 20 апреля 1999 г.; Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 84 от 8 декабря 1999 г. «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования»). Комментируя эти Постановления, заместитель председателя Верховного Суда РФ В. П. Ворин пишет: «Суд не должен заниматься собиранием доказательств виновности обвиняемого и по собственной инициативе принимать меры к доказыванию наличия в деле обстоятельств, предусмотренных ст. 68 УПК РСФСР, ...он обязан принять предусмотренные законом меры, которые способствуют реализации сторонами их процессуальных прав по собиранию и представлению доказательств, имеющих значение для правиль-

ного разрешения дела и вынесения законного и обоснованного приговора» (Ворин В. П. О практике направления уголовных дел для дополнительного расследования // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, № 7, 2000. С. 22).

Однако в рассматриваемом определении судебного исследования преступлений ни деятельность прокурора, ни деятельности адвоката-защитника по уголовным делам, не отражены, хотя каждый из них свою уголовно-процессуальную функцию реализует не только (а может быть и не столько) процессуальными средствами, а средствами криминалистическими, основанными на познании закономерностей, изучаемых наукой криминалистикой. Это упущение в определенной степени обедняет содержание предмета криминалистики.

И еще одно замечание: поскольку суд не является субъектом криминалистики, совокупную деятельность действительных ее субъектов по исследованию преступлений уместно именовать не судебным, а *уголовно-процессуальным исследованием*.

Подведем итог нашему пониманию предмета науки криминалистики.

Криминалистика есть наука об уголовно-релевантных закономерностях — преступной деятельности, возникновения и существования информации в результате совершения преступлений, ее собирания, исследования, использования и оценки и основанных на познании этих закономерностей средствах и методах информационно-познавательной деятельности дознавателя, следователя, специалиста, эксперта, прокурора и адвоката, каждым в соответствии со своей процессуальной функцией и полномочиями, реализуемых в рамках динамической системы правоотношений, установленных уголовно-процессуальной формой для исследования преступлений.

Система, основные понятия и методы криминалистики

Наука криминалистика в изложенном выше понимании ее предмета — сложная, динамическая, открытая система.

На языке теории систем это означает, во-первых, что криминалистика состоит из нескольких взаимосвязанных и взаимообусловленных подсистем; во-вторых, что она активно и поступательно развивается, реагируя на изменения криминальной и криминалистической практики; в-третьих, она «не имеет заборов», т. е. открыта для включения в нее новых направлений, средств, приемов, методов, основанных на познании вновь открываемых закономерностей движения уголовно-релевантной информации и результатов их проявлений. Ограничение здесь может быть только одно — очерченная выше предметная область науки — уголовно-процессуальное исследование преступлений.

Дискуссии о системе криминалистики сопровождают всю более чем столетнюю историю этой науки. Если первые криминалисты сводили ее лишь к «полицейской технике» — использованию данных естественных и технических наук к расследованию преступлений (Н. И. Макаренко), то затем эту науку представляли состоящей из двух частей (техники и тактики — «по И. Н. Якимову», либо общей и особенной части — «по Б. М. Шаверу»). В конце 20-х гг. В. И. Громов ввел понятие «методика расследования преступлений», которым впоследствии стали обозначать самостоятельный раздел науки криминалистики. Высказывались и иные мнения о системе этой науки (в частности, А. А. Эйсман видел ее состоящей из 5 элементов), как и о том, что составляет содержание каждого ее звена, каждой подсистемы.

В конце концов в ходе этих дискуссий выкристаллизовалась общепринятая ныне система науки кримина-

листки, состоящая из следующих относительно самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимообусловленных подсистем: 1. Общая теория криминалистики; 2. Криминалистическая техника; 3. Криминалистическая тактика; 4. Криминалистическая методика.

Мы согласны с Р. С. Белкиным, что именно такая система криминалистики в настоящее время максимально адекватно отражает предмет данной науки (там же. С. 390).

Для того, чтобы дальнейшее изложение этой и всех последующих тем было наиболее предметным и целенаправленным, необходимо ввести определения основных криминалистических категорий, обозначающих подсистемы науки криминалистики и их содержание. Воспользуемся тем, как их обозначает Р. С. Белкин в «Криминалистической энциклопедии» (М., 1997). Отдельные его определения с учетом нашего видения предмета криминалистики вызывают у нас некоторые возражения и требуют уточнения, что мы попытаемся обосновать при изучении соответствующих тем курса.

Общая теория криминалистики — система принципов, теоретических концепций, категорий и понятий, методов и связей, определений и терминов — научное отражение всего предмета криминалистики; методологическая основа криминалистической науки. К основным элементам О. т. к. относятся:

- учение о предмете криминалистики, ее задачах, целях, принципах, месте криминалистики в системе научного знания, понятие и содержание общей теории;
- учение о закономерностях механизма преступления в аспекте криминалистики;
- учение о закономерностях возникновения информации о преступлении и преступнике, собирания, исследования и использования доказательств, как базы

для разработки криминалистических средств, методов и рекомендаций по их использованию в практике борьбы с преступностью; познании их осуществляется в рамках частных криминалистических теорий, которые в этом плане также составляют часть общей теории криминалистики;

- учение о языке криминалистики;
- учение о методах криминалистики и методах практической деятельности по борьбе с преступностью;
- систематика криминалистическая.

Криминалистическая техника — система научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов и методик, предназначенных для собирания, исследования и использования доказательств и иных мер раскрытия и предупреждения преступлений. К. т. разделяется на отдельные отрасли: криминалистическая фотография, кино-съемка и видеозапись криминалистическое исследование документов; трасология (следоведение); судебная баллистика; отождествление личности по внешним признакам; криминалистическая регистрация; криминалистическая одорология; криминалистическая фоноскопия и др.

Криминалистическая тактика — система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения осуществляющих его лиц, приемов проведения отдельных следственных и судебных действий, направленных на собирание, исследование доказательств, на установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Центральное звено К. т. — тактические приемы; их система образует тактику того или иного следственного или судебного действия (тактику осмотра, тактику допроса и т. д.).

Криминалистическая методика — синтезирующий раздел криминалистики, объединяющий положения криминалистической техники и криминалистической тактики в их специфическом преломлении применительно к условиям и задачам расследования конкретного вида преступления. Содержит систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения преступлений; включает в себя, помимо общих положений, и систему частных криминалистических методик расследования отдельных видов и категорий преступлений (например, расследования убийств, расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и т. п.).

Так определяются в современной криминалистике основные категории криминалистической науки и их содержание. Как видим, Р. С. Белкин в них по сути уходит от своего же понимания судебного исследования преступлений как предметной области криминалистики, а сводит ее по существу к узкой традиционной — к раскрытию и расследованию преступлений.

В этом же контексте под **техничко-криминалистическим средством** понимается устройство, приспособление, материал, используемые для собирания и исследования вещественных доказательств.

Криминалистический прием — есть рациональный и допустимый (об этом принципиальнейшем условии применения криминалистических приемов подробно поговорим в соответствующем месте) способ действия или такая же (рациональная и допустимая) линия поведения следователя при собирании и исследовании доказательств.

Криминалистическая рекомендация — научно обоснованный и апробированный практикой совет, касающийся выбора и использования технико-криминали-

стических средств и криминалистических приемов в различных следственных ситуациях и при расследовании различных видов и категорий преступлений.

Таковыми представляются в настоящее время предмет и система науки криминалистики, ее основные категории и понятия.

Но любая система знаний имеет право именоваться наукой, когда располагает системой собственных методов изучения своего предмета. Великий Декарт писал: «под методом я разумею достоверные и легкие правила, строго соблюдая которые, человек никогда не примет ничего ложного за истинное» и сможет добавить новое знание «без лишней траты умственных сил» (Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 80). Каким же представляются методы науки криминалистики? Можно говорить о трех видах, трех уровнях этих методов.

Во-первых, это — **метод общий, метод материалистической диалектики**. Уголовно-процессуальное исследование преступлении частный случай познания, и поэтому оно изучается на основе закономерностей и законов, выявленных диалектикой, сформулированных и апробированных человеческой практикой. Это и основные законы диалектики (единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество, отрицания отрицания), и ее основные категории (например, содержание и форма, свобода и необходимость). Это и теория отражения, на основе которой изучаются механизмы слеодообразования при совершении преступлений как процесса взаимодействия между собой, как минимум, двух объектов. Это и законы логики (индукции, дедукции, построения силлогизмов и т. д.), без учета и использование которых невозможна версионная деятельность при процессуальном исследовании преступлений, и оценка добытой доказательственной информации.

Во-вторых, это **общенаучные методы**, т. е. методы, используемые практически во всех науках, а не только в криминалистике. К ним следует отнести методы идентификации, моделирования, наблюдения, сравнения, описания, эксперимента и др.

В-третьих, это **специальные методы криминалистики**. Среди них можно выделить **собственно-криминалистические методы** и **специальные методы других наук, интерпретированные для нужд криминалистики**. К первым из них относятся методы, разработанные исключительно для целей судебного исследования преступлений. Это методы криминалистической техники (цветоделения, трассологии, баллистики и т. д.), методы планирования и организации расследования, тактики следственных действий, методики расследования отдельных видов преступлений. Ко вторым относятся частно-научные методы химии, медицины, психологии, физики и т. д., прямо или чаще всего в соответствующей интерпретации для нужд криминалистики (судебная химия, судебная психология и т. д.).

Небольшой пример. При производстве таких следственных действий, как осмотр места происшествия и обыск, рекомендуется проведение собственно поисковых действий в большинстве ситуаций в направлении слева направо. Такая рекомендация основана на учете одной из закономерностей психической деятельности европейца, выявленных наукой психологией: рассматривать предметы именно в таком направлении (проверьте: как вы рассматриваете лежащие перед вами сейчас на столе книги и тетради, в каком направлении?)

Использование криминалистикой методов выше-названных и многих других наук делает необходимым и понятным теснейшие взаимосвязи с этими науками, определяет место криминалистики в системе научных знаний. Этой проблеме посвящено исследова-

ние Г. А. Матусовского (Криминалистика в системе научных знаний. Харьков, 1976) и 3 глава 1 тома «Курса криминалистики» Р. С. Белкина. Поэтому ограничимся лишь кратким анализом связи криминалистики с другими науками так называемого криминального цикла: в первую очередь, с науками уголовного права, уголовного процесса и криминологии.

Криминалистика занимается уголовно-процессуальным исследованием преступлений. А что такое преступление, его состав, стадии его развития, виды соучастия, параметры наказуемости деяния, условия противоправности деяния и, наконец, сами деяния, признающиеся в данный момент преступлениями, есть предметная область науки уголовного права. В процессе исследования того или иного деяния субъект такого исследования устанавливает наличие или отсутствие в нем всех признаков диспозиции определенной нормы уголовного закона и всех элементов состава соответствующего преступления. Без глубокого знания науки уголовного права, уголовного закона криминалистическая деятельность по исследованию преступлений в рамках уголовного судопроизводства в принципе невозможна.

Генетическая связь криминалистики с наукой уголовного процесса находит свое выражение в том, что, во-первых, последняя обосновывает и конструирует правоотношения в сфере уголовного судопроизводства и основные уголовно-процессуальные институты, в рамках которых осуществляется криминалистическая деятельность по исследованию преступлений. Во-вторых, наука уголовного процесса определяет предмет и пределы уголовно-процессуального доказывания, осуществляемого в том числе и криминалистическими средствами. В-третьих, эта наука — разрабатывает систему следственных действий — основной арсенал и формы информационно-познавательной деятельности,

в рамках которых реализуются криминалистические средства исследования преступлений. В-четвертых, наиболее значимые криминалистические средства, показавшие свою оптимальность для уголовно-процессуального исследования преступлений любых видов и категорий во всех мыслимых ситуациях такового в многолетней следственной и судебной практики, осмысленные наукой уголовного процесса опосредуются в нормах уголовно-процессуального закона (это процессуальные отношения, институты, предмет доказывания, система следственных действий и т. д.).

Криминология как наука о закономерностях причин и условий преступности, ее состоянии и динамики, обеспечивает криминалистику научно обоснованными данными, широко используемыми при уголовно-процессуальном исследовании преступлений криминалистическими средствами: о личности преступников, виктимных связях между последними и их жертвами и другими параметрами, значимыми для оптимизации информационно-познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве. Многие криминологические данные по отдельным видам и категориям преступлений активно используются при составлении криминалистических характеристик последних.

Направления развития науки криминалистики

Если изучение данной темы мы начали с того, как возникла наука криминалистика, какие этапы в своем развитии она прошла, чем она представляется в настоящее время, то совершенно логично завершить ее размышлениями о тенденциях и путях ее дальнейшего развития.

Современный этап развития криминалистики, ее перспективы знаменуются активными исследованиями

всех ее составляющих — общей теории криминалистики, криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики.

1. В области общей теории криминалистики продолжается процесс самоидентификации предмета этой науки, один из возможных подходов к которому изложен выше. Можно предположить что одним из значимых направлений развития этой науки в современных условиях явится адаптация ее достижений к деятельности тех профессиональных участников уголовного судопроизводства, которые ранее не обозначались в качестве субъектов судебного исследования преступлений криминалистическими средствами — прокурора и адвоката-защитника по уголовным делам: разработка тактики, методики их криминалистической деятельности, а также возможностей использования ими средств криминалистической техники. Теоретические исследования в этом плане, в частности, криминалистических аспектов деятельности адвокатов-защитников по уголовным делам, в последние годы в нашей стране проводятся достаточно активно, отражая тем самым потребности в них правозащитной практики (см., напр.: Варфоломеева Т. В. Криминалистика и профессиональная деятельность защитника. Киев, 1987; Царев В. М. Эффективность участия защитника в доказывании на предварительном следствии; Красноярск, 1990; Лобанов А. Правоотношения адвоката-защитника со следователем и лицом, производящим дознание. Тверь, 1993; Баев М. О., Баев О. Я. Защита от обвинения в уголовном процессе. Воронеж, 1995; Проблемы профессиональной правозащиты в России. Материалы науч.-практ. конф. М., 1996).

Весьма перспективными представляются монографические исследования частных криминалистических теорий. Круг их очерчен в курсе криминалистики Р. С. Белкина и уже разрабатывается представителя-

ми его научной школы и другими криминалистами: общий метод расследования преступлений, криминалистические классификации, теории криминалистического прогнозирования и пространственно-временные связи и отношения, преодоление противодействия расследованию преступлений, и т. д. (Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3-х тт. М., 1997: Т. 1. Общая теория криминалистики; Т. 2. Частные криминалистические теории; Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации; Чурилов С. Н. Проблемы общего метода расследования преступлений. М., 1993; Образцов В. А. Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск, 1988; Горшенин Л. Г. Основы криминалистического прогнозирования. М., 1993; Шиканов В. И. Пространственно-временные факторы в криминалистической характеристике преступлений. Иркутск, 1980; Карагодин В. Н. Преодоление противодействия расследования преступлений. Свердловск, 1992; Трухачев В. В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. Воронеж, 2000; Николойчук И. А. Сокрытие преступлений как форма противодействия расследованию. М., 2000).

Криминальная обстановка в стране, усложнившая и без того нелегкий процесс раскрытия и расследования преступлений, настоятельно потребовали и предопределили качественно новые, интенсивные научные исследования во всех «прикладных» аспектах криминалистической науки.

2. В области криминалистической техники это создание, разработка и внедрение в практику новых способов идентификации личности по следам, обнаруживаемым при расследовании преступлений — от создания «банков запахов» до «генной дактилоскопии», новых и рациональных методик экспертных исследований ранее крайне редко встречавшихся криминалистических объектов — самодельных взрывных

устройств; голосов лиц, зафиксированных на ауди- и видеокассетах, и т. д.

Значимыми, как показывает криминалистическая практика, становятся создание научно обоснованных методик распознавания различных фальсификаций доказательств, в частности, аудио- и видеозаписей, изменения в которые могут вноситься заинтересованными лицами путем монтажа с использованием новейших технологических достижений (назовем в качестве примера «банное дело» экс-министра юстиции Ковалева, который настаивает, что «инкриминируемая» ему видеозапись сфальсифицирована посредством компьютерной графики). В зарубежной криминалистике уже возникла проблема (она может стать актуальной и для наших субъектов процессуального исследования преступлений) распознавания ИПУ — искусственных папиллярных узоров. Суть ее в том, что полимерные молекулярные технологии позволяют создавать перчатки, на которых адекватно воспроизводятся папиллярные узоры пальцев рук определенного человека. Заинтересованное лицо, совершившее преступление в таких перчатках, оставляет их на месте происшествия. На проблему ИПУ и их распознавания впервые в российской криминалистической литературе обратил внимание диссертант кафедры криминалистики Воронежского государственного университета (см.: Тан Лей. Судебная экспертиза в уголовном процессе КНР и СССР (Опыт сравнительного исследования). Воронеж, 1992. С. 100—101).

Перспективными представляются исследования в области использования для диагностики информационного состояния личности технических средств типа полиграфа (Комиссаров В. И. Использование полиграфа в борьбе с преступностью // Законность. 1995. № 11; Образцов В. А. Криминалистическая полиграфия // Расследование преступлений: вопросы теории и практики. Воронеж, 1997).

Актуальными являются теоретические и практические разработки различных информационно-поисковых систем (ИПС) на основе компьютерных технологий. В идеале эти системы должны составлять единую государственную цепь, а отдельные из них — иметь выходы на аналогичные ИПС иных государств, в первую очередь, стран СНГ, и межгосударственных криминалистических учреждений (в частности, Интерпола).

3. Исследования в области криминалистической тактики — центрального, на наш взгляд, «прикладного» раздела науки криминалистики — в настоящее время характеризуются разработкой ее теоретических основ. Предметом целенаправленного изучения является деятельность следователя и других субъектов уголовно-процессуального исследования преступлений в условиях противодействия (реального и потенциального, непосредственного и опосредованного) выполнению каждым из них своей процессуальной функции. Для этих реальных условий и разрабатываются соответствующие тактические средства работы следователя, адвоката и других профессиональных участников уголовного судопроизводства. Такое понимание криминалистической тактики вызывает в настоящее время резкое неприятие со стороны известных криминалистов М. С. Строговича, А. М. Ларина, И. Ф. Пантелеева и др., полагающих, что концепция «конфликтного следствия» чревата нарушениями закона, что для сторонников ее «сто обвиняемых — это сто преступников» (Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996. С. 108).

По нашему убеждению, системное, углубленное изучение тактики как деятельности, направленной на предупреждение и преодоление противодействия при процессуальном исследовании преступлений, позволит обеспечить его субъекты рациональными, законными и

допустимыми криминалистическими средствами этой работы.

Решению этих проблем посвящены исследования теории следственных ситуаций (Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987; Баев О. Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Воронеж, 1984), а также перспективные работы в области тактических операций, именуемых в литературе «тактическими комбинациями», «криминалистическими» или «тактическими» комплексами. Суть последнего нового направления развития криминалистической тактики видна из содержания, вкладываемого в понятие тактической операции. Она рассматривается как совокупность следственных действий, тактических приемов и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на достижение определенной локальной задачи расследования преступления, например, тактические операции «задержание с поличным», «проверки алиби», «проверка показаний лица, признавшего себя виновным в совершении преступления» и т. д. (Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979; Шиканов В. И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск, 1983).

Развитие криминалистической тактики в настоящее время характеризуется обращением ученых к разработке «нетрадиционных методов расследования»: возможностям использования при расследовании теории и практики биоритмологии, учения о запахах, гипнологии, и т. д. Можно и нужно дискутировать о научной обоснованности и допустимости отдельных из таковых приемов, но нельзя опровергать их «с порога», как то делает А. М. Ларин, именуя все с чем он не согласен в криминалистике «паракриминалистикой». Такие идеи возникли не на пустом месте. Их появление обусловлено нуждами практики расследования преступлений в

крайне усложнившейся криминальной и криминалистической обстановке современного российского общества. К слову сказать, разработчик многих нетрадиционных методов расследований Н. Н. Китаев — один из лучших следователей страны (см.: Леканов Ю. Сибиряк Китаев — следователь от бога // Записки криминалистов. Вып. 1. М., 1993).

Еще одно направление развития криминалистической тактики — это адаптация ее достижений к предстоящим серьезным изменениям уголовно-процессуального законодательства. Дело в том, что уголовно-процессуальный закон предопределяет формы и возможности использования ее средств в процессуальных рамках и при условиях им, законом, устанавливаемых. Коснутся эти проблемы, в первую очередь, тактики производства следственных действий и действий судебных следственного характера. Например, предлагаемые проектом УПК РФ, прошедшим первое чтение в Государственной Думе, положения о том, что следственный осмотр жилого помещения допускается только с согласия лиц, его занимающих, а получение образцов и производство экспертизы в отношении свидетелей и потерпевших — только с их письменного на то согласия, несомненно повлияют на тактику этих действий. Положения о том, что в суд представляются отдельные списки лиц, подлежащих вызову в судебное заседание со стороны обвинения и защиты, и первыми этих лиц должна допрашивать вызвавшая их сторона (а не суд, как то предусмотрено действующим в настоящее время законом), также окажут влияние на тактику государственного обвинения и профессиональной защиты от него на стадии судебного следствия.

4. Развитие криминалистической методики — заключительного раздела науки криминалистики, аккумулирующего все достижения предыдущих ее разделов, «приспосабливающего» их к нуждам уголовно-

процессуального исследования отдельных видов и категорий преступлений, происходит в следующих направлениях.

В первую очередь, это — углубленное на современном уровне развития науки изучение теории криминалистической методики, сущности научных и методических основ исследования (преимущественно расследования) отдельных видов и категорий преступлений (см.: Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985; Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Курс лекций в 4-х частях. Санкт-Петербург, 1993; Баев О. Я. Сущность методических основ расследования преступлений // Руководство для следователей. М., 1997).

Во-вторых, это создание работоспособных криминалистических характеристик отдельных видов и разновидностей преступлений. Они позволяют оптимизировать процесс следственного поиска при расследовании конкретных преступлений определенных видов путем обоснованного выдвижения наиболее вероятных следственных и оперативно-розыскных версий (см.: Колесниченко А. Н., Коновалова В. Е. Криминалистическая характеристика преступлений. Харьков, 1985; Криминалистическая характеристика. Материалы научно-практической конференции. М., 1986). Здесь весьма интересными в научном и практическом отношении являются исследования по созданию обобщенных криминалистических портретов (их именуют в литературе «психологическими профилями») лиц, совершающих преступления отдельных видов, преимущественно серийных преступников. Такие портреты позволяют с достаточной степенью вероятности устанавливать до и посткриминальное поведение этих лиц, а потому не только целенаправленно вести их розыск, но и опреде-

лять тактику и методику расследования преступлений ими совершенных (см.: Образцов В. А. Криминалистика. Курс лекций. М., 1996. С. 183—197; Петухов В. О разработке в России психологических портретов лиц, совершающих серийные преступления против личности // Записки криминалистов. Вып. 4. М., 1994; Боков С. Н. Некоторые аспекты психологического портрета лиц, совершающих преступления имущественной направленности // Воронежские криминалистические чтения. Вып. I. Воронеж, 2000).

В-третьих, актуальнейшим направлением развития этого раздела науки криминалистики является адаптация отдельных уже разработанных частных методик к реалиям современной действительности, вызвавшей как модификации способов совершения уже известных преступлений (убийств, мошенничества и т. д.), так в возникновение деликтов, ранее не признававшихся преступлениями. Это захват заложников, незаконное лишение свободы, преступлений в сфере компьютерной информации и т. д. Особое внимание по праву у криминалистов в настоящее время вызывают проблемы криминалистического обеспечения расследования серийных и заказных преступлений, а также преступлений, совершаемых группами, в том числе организованными (см.: Батищев В. И. Постоянная преступная группа. Воронеж, 1994; Батищев В. И. Раскрытие и расследование преступлений, совершенных одними и теми же лицами. Воронеж, 1992; Быков В. М. Преступная группа. Криминалистические проблемы. Ташкент, 1991).

В рамках одной лекции невозможно подробно осветить все направления развития, а следовательно, и проблемы столь динамичной науки как криминалистика. Мы обозначили лишь некоторые из них, представляющиеся наиболее перспективными и значимыми в теоретическом и практическом отношении.

Научные изыскания преподавателей-криминалистов юридического факультета Воронежского государственного университета осуществляются в русле наиболее актуальных из этих проблем. В работах проф. В. И. Батищева углубленно исследуется теория и практика расследования групповых и неоднократно совершаемых преступлений; проф. В. Ф. Зудин посвятил свои многолетние исследования проблемам социальной, в том числе криминалистической, профилактики преступлений; доц. В. В. Трухачев — изучает теорию и практику криминалистических характеристик преступления и сокрытия преступлений. Направления исследований автора видны из ссылок на них в настоящей лекции. Другими преподавателями, аспирантами и соискателями кафедры исследуются возможности использования при расследовании преступлений новейших информационно-компьютерных технологий и методика расследования «компьютерных преступлений», проблемы криминалистических классификаций, идентификации, тактической диагностики, тактических операций расследования отдельных видов преступлений и другие актуальные проблемы криминалистики.

Тема 2

СЛЕДЫ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Вопросы:

Сущность, понятие и классификации следов в криминалистике.

Краткие сведения об отдельных видах материальных следов преступлений и возможностях их криминалистического исследования.

Литература:

Крылов И. Ф. Криминалистическое учение о следах. Л., 1976.

Турчин Д. А. Теоретические основы учения о следах в криминалистике. Владивосток, 1983.

Сущность, понятие и классификации следов в криминалистике

Генетически свою родословную деятельность по расследованию преступлений ведет от охотников и следопытов. Это «тонкое жизненное» наблюдение подтверждается и историческими документами. Еще в древнеиндийских Законах Ману (II век до н. э. — II в. н. э.) судьям давалась такая рекомендация: «Как охотник ищет след животного по каплям крови, так судье надо обнаружить след дхармы (преступления) посредством расследования». В «Русской Правде (XIII в.) констатировалось: «Если кто-либо будет избит до крови или до синяков, то не искать этому человеку сви-